

№ 9 (237). СЕНТЯБРЬ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК.
ВИД ВОДЯНОЙ МЕЛЬНИЦЫ СЕЛА ОЛЬГОВО...
АКВАРЕЛЬ. НАЧАЛО XIX ВЕКА

АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ

ИЗДАЕТСЯ С 1952 ГОДА

ЖУРНАЛ КОМПЛЕКСА ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ И СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ!

Индекс в каталогах "Роспечати" - 72775

Льготную подписку можно оформить непосредственно в редакции

Тел: (495) 912-23-04

e-mail: mosmag@mosjour.ru

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:

Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:

П. Ф. Карев

Редактор:

Е. А. Берг

Редактор-корректор:

Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2010

Адрес редакции: 109004, Москва,
Николаянская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Электронная версия: www.mj.rusk.ru

Свидетельство о регистрации
№ 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 18.08.2010
Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 x 90/8

Тираж 5000 экз.

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 2 «Архирегент **Всея Руси**»
*Памяти заслуженного профессора
Московской духовной академии,
старшего регента Свято-Троицкой
Сергиевой лавры, руководителя
объединенного хора лавры и МДАиС
архимандрита Матфея
(Льва Васильевича Мормыля; 1938–2009)*

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ 12 **Вся Россия в лицах и биографиях**
*Беседа специального корреспондента
«Московского журнала»
Елены Викторовны Харитоновой
с руководителем интернет-портала
«Большой Русский Альбом»
Андреем Вячеславовичем Папушиным*

КАК ЭТО БЫЛО 22 **Лапутяне красного Петрограда**
*Воспоминания писателя, поэта,
литературоведа Николая Александровича
Энгельгардта (1867–1942)
об Институте Живого Слова
(1918–1919)*

БЫЛОЕ 34 **Елена Васильевна Беспалая
Ольговская галерея**
*О знаменитой некогда портретной галерее
Апраксиных в имени Ольгово
(ныне Дмитровский район
Московской области)
и ее «толстовских» персонажах*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 47 **Владимир Александрович Потресов
Бунин и Яблоновский**
История их доброго знакомства и разрыва

ТРУДЫ И ДНИ 57 **Вера Леонидовна Кошелева
Впервые...**
*Об открытиях, изобретениях,
прозрениях российских первопродвиженцев
в научно-технической сфере*

ОБРАЗЫ РОССИИ 66 **Николай Евгеньевич Муратов
«Церковь та велми чудна...»**
*К вопросу об идейно-символической канве
архитектурной композиции
церкви Вознесения Господня в Коломенском*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ 79 **Татьяна Владимировна Руденко
«И из Парижа к нам
выписывает моды...»**
*О некоторых модных магазинах Москвы
пушкинского времени*

«Архирегент всея Руси»

Памяти заслуженного профессора Московской духовной академии,
старшего регента Свято-Троицкой Сергиевой лавры,
руководителя объединенного хора лавры и МДАиС
архимандрита Матфея
(Льва Васильевича Мормыля; 1938–2009)

*День Ангела архимандрита Матфея.
29 ноября 2007 года*

«О величии его духа и его подвига»

Для многих людей как в нашей стране, так и во всем мире русское церковное пение ассоциируется прежде всего со звучанием объединенного хора Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии и семинарии, которым около полувека руководил профессор Московской духовной академии, один из старейших насельников лавры архимандрит Матфей (Мормыль). Имя архимандрита Матфея известно не только священнослужителям, регентам и певцам церковных хоров, но и широкому кругу деятелей музыкального искусства. Самый знаменитый регент во всей Русской Православной Церкви второй половины XX столетия, он по праву возглавил целое направление особой лаврской традиции церковных песнопений. Его заботами Братский хор лавры получил поистине мировое признание, став еще в советские годы ярким свидетельством преемства монашеского подвига, соединенного с творческим осмыслением традиций церковного регентства и хорового исполнительского мастерства. В эпоху гонений на Церковь это было одной из самых действенных форм утверждения православной веры как в нашем Отечестве, так и за ее пределами. Не одно поколение верующих людей воспитано на молитвенном пении этого хора.

Лаврский хор архимандрита Матфея имел свой, только ему присущий стиль в исполнении и интерпретации музыкальных текстов, совмещающая градации кафедрального (смешанный состав) и монастырского (однородный состав) пения. Отец Матфей являлся ревностным собирателем и реставратором церковных распевов, авторитетнейшим и опытнейшим в области церковного пения человеком, им переложено большое число песнопений на распевы, которые принято считать лаврскими.

Всем памятен всплеск интереса к церковной музыке после празднования 1000-летия Крещения Руси. С тех пор церковные песнопения стали исполняться повсюду и всеми. Любой мало-мальски профессиональный хоровой коллектив обязательно включал их в свой репертуар. Это и понятно — в русскую хоровую музыку вернулась целая Атлантида. Теперь прошло достаточно много времени для того, чтобы «от количества перейти к качеству», уяснив, как должна звучать эта музыка, когда она поется не в концерте, а в храме. Профессионализм

хора, чистота интонации, красивые голоса, выразительность и музыкальность исполнения — все это прекрасно и обязательно нужно церковному хору. Но вознести церковное пение к небесам может только молитвенность. Молитвенное пение не опишешь словами, но всегда узнаешь сердцем. В православных песнопениях «духовность» и «молитвенность» — это не какая-то невещественная и неизъяснимая субстанция, а вполне конкретное музыкальное качество, которое может возникнуть только при соблюдении определенных правил и музыкальных законов. Совокупность этих законов и правил составляет музыкальный канон, применение которого обеспечивает создание молитвенных напевов. Когда хор Троице-Сергиевой лавры исполняет тропарь преподобному Сергию Радонежскому на лаврский напев — это простым пением уже не назовешь. Это — молитва!

Авторские произведения отца Матфея, его гармонизации и редакции церковных песнопений и гимнов отличает глубочайшее религиозное чувство, благодаря чему они до сих пор остаются непревзойденными. На протяжении многих лет он щедро делился с воспитанниками семинарии и студентами академии знаниями в области Нового Завета и истории церковного пения, воспитав несколько поколений пастырей, регентов и певчих. Многие из них, став священниками и архиереями, пастырствуют в разных уголках страны и мира; сотни его учеников трудятся на ниве церковного пения, сохраняя и развивая заложенные им певческие традиции.

* * *

Родился Лев Васильевич Мормыль на Северном Кавказе в станице Архонской бывшей Терской области, в семье православной, благочестивой, певческой. Среди предков были монашествующие. В 1959 году окончил Ставропольскую духовную семинарию. В студенческие годы Лев Васильевич успел послушать и навсегда сохранить в душе почаевское и киево-печерское монастырское пение.

С 1959 по 1963 год обучался в Московской духовной академии. Пострижен в монашество с именем Матфей (1962). С 1963 по 1974 год — преподаватель Московской духовной академии и семинарии (церковный устав, Священное писание Ветхого и Нового Завета, литургика). С 1961 года — уставщик и старший регент хора Свято-Троицкой Сергиевой лавры, руководитель объединенного хора Лавры и Московской духовной академии и семинарии. За годы служения отец Матфей был удостоен множества церковных наград.

* * *

Став регентом лаврского хора, отец Матфей составил и обогатил репертуар для мужского хора на основе известного сборника духовно-музыкальных песнопений, куда входили произведения А. Д. Кастальского, А. В. Никольского, С. В. Рахманинова и других корифеев духовной музыки. Казалось бы, «пестрота» материала? Однако властная и опытная рука архимандрита Матфея в соединении с его талантом «распевщика», который излагает, перелаживает, гармонизирует и редактирует, не только не позволили просочиться эклектике, но и отрежиссировали всю интонационно-музыкальную палитру. Репертуар подбирался строго в соответствии с церковным уставом.

За долгие годы работы архимандрит Матфей собрал и издал различные сборники: Литургии, Всенощной, Великого Поста, Страстной Седмицы, Пасхи, Рождества Христова; сделал много переложений со смешанного хора на мужской. Одним из уникальных образцов современного богослужебного пения Русской Православной Церкви является составленный им нотный сборник «Всенощное бдение. Неизменяемые песнопения для монастырских хоров» (Троице-Сергиева лавра, 2005). Таких сборников не было прежде; не исключение и известное лондонское издание, лишенное авторско-регентской режиссуры. В этом но-

визна и неповторимость издания архимандрита Матфея, основанного на репертуарной традиции Троице-Сергиевой лавры.

Особого внимания заслуживают многочисленные обработки самого отца Матфея, представленные в разнообразных жанровых вариантах — изложение, переложение, гармонизация, редакция, сочинение. Изложение — это запись одногласного распева (в основном знаменного¹) или гармоническая версия обиходного песнопения (многочисленные изложения суть результат личного опыта отца Матфея, который «понаслышке», «по напевке» запомнил, собрал, обобщил и записал огромное множество музыкальных фактов). Переложение — чаще именно озвучивание композиторской музыки в ином хоровом составе — для мужского хора. Гармонизация — традиционное «облачение» в многоголосие того или иного распева или напева. Редакция — как бы «вычитка» переложения чужой музыки. Перечисленное — далеко не полный перечень всего того, что представлено в нотных сборниках отца Матфея.

* * *

Основной задачей своего церковного послушания архимандрит Матфей считал необходимость проводить службу так, чтобы не совестно было ни перед Богом, ни перед людьми. Он выработал свою неординарную методику работы с хором, подготовки певчего к богослужению.

В связи с особой организацией учебного процесса в духовной академии состав хора почти полностью меняется каждые два года. Новенькие сначала сидят и слушают. Хористам отец Матфей советовал «смотреть ушами, а петь глазами» (это он взял из методики обучения в Синодальном хоре). Система проста: на репетициях один поет, остальные слушают. Затем все вместе анализируют, что получилось, что не получилось. Так от репетиции к репетиции, сравнивая, сопоставляя результаты, учась на ошибках своих и чужих, ступенька за ступенькой хор продвигается вперед. Спевки — не меньше двух раз в неделю: хор и мужской, и смешанный. Певчих необходимо постоянно держать в рабочей форме.

Разучивать произведение отец Матфей всегда начинал с наиболее «интересного» момента — или с самого красивого, или, может быть, с самого трудного; или находил такой блок, который является «развязочкой» всего.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Игумен Матфей дирижирует смешанным хором в малом составе в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. Службу совершает епископ Дмитровский Филарет (Вахромеев), ректор Московской духовной академии

Идет экзамен по дирижированию. Поет смешанный хор. В президиуме — ректор МДА епископ Дмитровский Филарет, игумен Матфей, Николай Васильевич Матвеев, регент храма в честь иконы «Всех скорбящих Радосте» на Ордынке

Фотографии конца 1960-х годов из архива певчей хора Троице-Сергиевой лавры Веры Николаевны Данненберг, урожденной Беневоленской

С Патриархом Московским и всея Руси Алексием II

www.blagovest-info.ru

Что касается работы над звуком, то звук должен идти через нёбо и резонировать в маску, то есть быть «на уровне апостольника» (атрибут женского монашеского одеяния). При работе над интонацией он использовал принципы К. К. Пигрова и П. Г. Чеснокова², основываясь на интонациях натурального строя. Отец Матфей строил интонацию в пении еще и на том, чтобы звук собирался под нёбом, как под колоколом, — так удавалось добиться «керигматичности» исполнения («керигма» по-гречески — провозглашение, благовестие). В работе как с мужским, так и со смешанным хорами всегда стремился приблизиться к звучанию детских голосов.

Интересно ответил отец Матфей на вопрос о том, как следует относиться к знаменному распеву, если от него появляются другие распевы. Ответ был мудр и прост: «Значит, он уже не единственный; и отсюда открывается возможность другому распеву выйти на поверхность. Знаменный распев занимает свое подобающее место по принципу соборности — первый среди равных. Вместе с тем правомерно ставить также и другие распевы. Почему мы должны умалять достоинство других распевов? Лидерство знаменного распева упущено. Знаменный распев — это действительно

драгоценное сокровище нашей Церкви; он — патриарх церковных распевов. Но абсолютизировать его мы не имеем права. Церковное пение — это богослужение. Распев принадлежит Церкви, икона принадлежит Церкви, композиция иконы принадлежит Церкви — если все это соответствует каноническим нормам. Поэтому и пение должно быть богослужением. Поя — служи! Служа — пой!».

Как решал отец Матфей проблемы клиросного пения? Кратко это можно свести к нескольким пунктам:

1. Лаврский хор отца Матфея, состоявший из семинаристов, пел праздничные службы, разделяясь на два клироса. Литургию пел смешанный хор на правом и часть однородного на левом, сохраняя тем самым единство стиля для создания поистине антифонного пения³.

2. Мелодическое оформление богослужения строилось в строгом соответствии с церковным уставом и литургическими особенностями тех или иных песнопений.

3. Проблема нецерковных певчих в лавре полностью отсутствовала, так как пели лаврская братия и семинаристы. Женский состав тщательно подбирался из прихожанок лавры, духовных чад братии, выпускниц Регентской школы.

* * *

Труды архимандрита Матфея (Мормыля) — выдающееся явление в современной истории церковной музыки; его деятельность стала образцом высшего мастерства в области церковного пения, музыкальной теории и исполнительской практики.

Всю свою жизнь архимандрит Матфей посвятил церковному пению. Настоящий самородок, талантливый церковный композитор, регент с мировой известностью, именитый профессор, выдающийся литургист, великолепно знавший и по-особому ощущавший глубину богослужения, его красоту и стройность... Можно долго перечислять достоинства и таланты отца Матфея. Главное же — он был наделен удивительными качествами доброты, отзывчивости и пастырской заботы, обладал непоколебимой верой. Своей жизнью он явил прекрасный пример подлинной церковности, глубокой укорененности в традиции Церкви. Великий педагог, он был бесконечно талантлив и столь же бесконечно разнообразен в своих отношениях с людьми. Его суровость обильно растворялась любовью, его мягкость становилась тверже алмаза, когда дело касалось вопросов веры и благочестия. Истинный монах, он не любил мирской похвалы и громких слов о себе. Но сегодня мы можем свидетельствовать о величии его духа и его подвига, который он ежедневно и ежечасно совершал во славу Божию, на благо Матери-Церкви и к пользе нашего земного Отечества.

«Так золото выплавляется в горниле»

Об отце Матфее можно говорить много, он талантлив был во всем, за что брался. Но прежде всего архимандрит Матфей — монах. Вот основа всей его деятельности. Что значит монах? Монах — это молитвенник: за себя, за ближних и дальних, за весь мир. Молитва, крепкая вера и неустанный труд сделали отца Матфея тем, кем мы его знаем, — «архирегентом всея Руси».

Притягательная сила личности отца Матфея складывалась из блистательного владения регентским искусством в сочетании с редкими человеческими качествами. Он был великолепным знатоком вокальной природы и исполнительских возможностей человеческого голоса — по его словам, «самого совершеннейшего музыкального инструмента». Глубокое понимание богослужебных текстов позволяло ему выявлять самую суть церковного пения.

Архимандрита Матфея отличали настойчивый и упорный характер, твердость, принципиальность, строгость, требовательность к людям, но прежде всего к самому себе. Дисциплина в хоре была железная. Все связано, спаяно, скреплено. И эта внешняя дисциплина создавала дисциплину внутреннюю, художественную. Работал отец Матфей на репетициях вдохновенно, очень интересно. Вспоминается такой случай. Обычное начало, «Царю небесный» спели, и батюшка разрешил сесть. Все сели, успокоились и устремили взгляды на отца Матфея. Он умел выдерживать паузы. Когда наступила полная тишина, батюшка дал обычный мажорный тон — «соль-си-соль» и просил каждого спеть обиходное тройное «Господи, помилуй!». И вот мы поем по очереди, а нас 50 человек. Видим, батюшка недоволен; и когда спел последний певец, отец Матфей как-то грустно, полупотом, чуть наклонив голову, сказал: «Только у одного прошение дошло до адресата».

Батюшка часто делал замечание: «Почему вы выплевываете слова?», требуя каждое спетое слово пропускать «через ум и сердце». Бывали литургии, когда он ставил в пример молящихся: «Вы только послушайте, как молится народ, как молится алтарь!».

Отец Матфей был для каждого из нас «своим». Одни называли его «солнышком»: если близко стоять — можно обжечься, если далеко — замерзнуть. Другие называли его «скалой»: захочешь забраться на эту «скалу» — обдерешься до крови. Третьи называли его «айсбергом», потому что «видимой» в нем всегда оставалась малая часть, самая вершина. Да, отец Матфей был закрытым человеком; редко, очень редко кому «приоткрывался». Лишь внешняя сторона его жизни была доступна окружающим, а внутреннюю зрил один Господь. Благоговение к службе и к святым праздникам он сохранил до последнего дня, своей духовностью приближал людей к Богу, увлекая души к небу. Его жизненная позиция — петь так, будто это твоя последняя литургия. Вся духовная сущность архимандрита Матфея проявлялась в его пении при богослужении. Каждое богослужение, особенно Господские праздники, имели свой неповторимый колорит, свою тональность, свой цвет, если хотите.

Его любовь к распевам, глубокое понимание их богатства, разнообразия и красоты давали возможность донести все это до каждого человека, тронуть даже сердца далеких от Церкви людей. Стоишь, бывало, за всенощной — и уносит тебя звучание мужского хора куда-то ввысь: напевы Оптиной

www.blagovest-info.ru

пустыни, Глинской пустыни, Валаамские... И каждый распев так выверен, так блистает алмазными гранями, и вместе с тем нет никакого нагромождения, все строго, лаконично. На литургии тот же настрой, та же общая тональность — порой казалось, что это продолжение вчерашней всенощной. Репертуар подбирался тщательно: батюшка будто ткал на общем фоне уставного богослужения дивной красоты и глубокого богословского смысла картины небесной красоты.

Особой теплотой и задушевностью отличались Богородичные службы. Батюшка любил эти литургии и пел с большим воодушевлением, с восторгом.

Скорбями и подвижническим трудом приобрел отец Матфей многостороннюю жизненную опытность и как похвалу опытности — благодать вразумления. Опять хочется вернуться к его работе с хором. Репетиция. Уже прошло полтора часа, а мы никак не можем спеть двух тактов. Не получаются у первых сопрано эти два такта, не нравится батюшке — не то настроение, не так подается звук. Что он делает? Вызывает одну из первых сопрано к себе, к фисгармонии, дает ноты, просит спеть — не получается. В хоре напряженная тишина, муха пролетит — слышно. Батюшка, чуть наклонив голову вперед, молчит, видимо, молится и обдумывает свое дальнейшее действие, а потом совершенно спокойно предлагает певчей следующую задачу: «Представь: на тебе длинное белое платье и белые туфельки. А впереди лужа — как ты будешь поступать, чтобы не замочить платье и туфельки?». Все напряженно, но с интересом смотрят, что будет делать певчая. Она показывает шаг вперед, тогда батюшка говорит: «Нет, нет, платье замочишь». Певчая вновь показывает что-то, но батюшка отвергает и этот вариант: «Туфли замочишь». Немного подумав, она изящным движением чуть подхватывает

свое мнимое белое платье, поднимается на носочки и перепархивает через «лужу».

— Так, так, хорошо! — отец Матфей в восторге. — А сейчас возьми ноты и спой.

Случилось чудо: наша сопрано запела совершенно другим — красивым, «полетным» звуком.

Уроки, полученные им в родительском доме, часто всплывали в памяти отца Матфея. Как-то по-особенному тепло, с благоговением вспоминал батюшка детские и юношеские годы. Однажды на репетиции вдруг рассказал, как бабушка сшила ему брюки из грубого полотна. Носил их долго; в конце концов они ему надоели. «Я сел на огромный камень (он и сейчас возле дома), взял кирпич, оттопырил штанину и давай тереть им. Будет дыра, и я избавлюсь от этих штанов. Но не тут-то было. Бабушка, увидев по большой дыре на штанинах, посадила на каждую ярко-зеленую заплату. И пришлось мне еще долго носить эти брюки с ярко-зелеными заплатами».

Встречающиеся на жизненном пути скорби и искушения переносил мужественно — так золото выплавляется в горниле. Навык подчинять свою волю воле Божией помогал ему выдерживать любые испытания. По мере того, как подступали к батюшке немощи, болезни, как угасали в нем жизненные силы, ошутимо для всех общавшихся с ним являлась крепость его духа и сила Божия, живущая в этом ветшающем человеке. Сколько судеб преобразилось по его молитвам, сколько людей нашли опору в Боге, устремились вслед за отцом Матфеем к обретению веры, любви!

Болезнь неумолимо подтачивала телесную храмину отца Матфея, и он находил опору для себя уже только в молитве и богослужении. Медицина была бессильна, врачи удивлялись могуществу воли батюшки.

Последняя всенощная на Успение 27 августа 2009 года. Во время пения догматика «Богоначальным мановением» мертвенная бледность покрыла его лицо, капли холодного пота выступили на лице... А 15 сентября 2009 года архимандрит Матфей скончался. Отпевание совершилось в Успенском соборе, пело три больших хора, храм был полон. Похоронили батюшку на территории лавры за Духовской церковью.

Главы

*«О величии его духа и его подвига»
и «Так золото выплавляется в горниле»
подготовлены певчими смешанного хора
Свято-Троицкой Сергиевой лавры*

Помазание на Всенощной накануне дня Ангела архимандрита Матфея

«Музыкальная душа»

Лавры

«Музыкальная душа» Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ее бессменный регент на протяжении 30 лет, известный музыкантам и верующим во всем православном мире... Об отце Матфее ходят легенды, но главное в нем — преданность Церкви и неравнодушие к людям. Предлагаем вниманию читателей запись беседы с ним, сделанную незадолго до его кончины. Материал печатается с сокращениями, которые в тексты не указаны.

— Отец Матфей, было очень трудное время, когда Вы решили избрать путь веры. Как вообще эта идея пришла к Вам? Это было влияние мамы, бабушки, кого-то из Ваших близких, родных?

— Слово «идея», мне кажется, ко мне не подходит — просто сердечное желание. Любил я церковь, с детства пономарил.

— Какая церковь была первой в Вашей жизни?

— Это домик в станице Архонской, в котором в 1945 году начали служить на Казанскую. Нашим прихожанам удалось добиться разрешения, чтобы открыли у нас приход. От этого домика теперь половина еще сохранилась. Я хорошо помню живших в нем.

— Известно, что Ваша семья, Ваши родители были верующими людьми.

— Семья моя — казачья. Дедушка по отцу взят был в 1930-х годах на Беломорканал и не вернулся. Мы за него молимся как за исповедника, когда бывает неделя после Крещения (это когда поминаются все исповедники). Мы чтим своего дедушку Максима Константиновича. Он был глубоко религиозным человеком, членом «двадцатки» нашей церкви. Второго дедушку — маминго отца — расстреляли 22 сентября 1937 года. Имя дедушки было Леонтий, но все звали его Львом из-за его голоса — прекрасного баса. О нем помнят до сих пор, но я, конечно, его не застал — он был расстрелян за несколько месяцев до моего рождения. Мама моя и бабушка сделали все, чтобы сохранить в нашей семье религиозные устои.

Когда началась война, ушли на фронт папа и трое его братьев. Никто не вернулся, и в семье у нас было много слез. Особенно слез бабушки — матери отца. Она всегда мне поручала записочки подавать в алтаре, поскольку я был рядом с батюшкой. Я так думаю, если бы не молитвы, вряд ли она смогла бы перенести такое горе.

Бабушка умерла в 1970 году, а мама — в 2000-м. Бабушка была очень и очень глубоко верующая. Она не знала грамоты и не раз говорила, что обижается на своих родителей, что не научили ее: «Я бы сейчас хоть письмецо

какое почитала или святое Евангелие». Зато изумительную имела память. Вот придет из церкви и рассказывает, что батюшка читал из Евангелия, какую проповедь сказал — все это в точности передаст своими словами.

— *Сегодня даже образованные люди говорят, что ничего не понимают в церковной службе. А тут смотрите: человек не образован, зато все понимал.*

— Это, наверное, зависит от состояния сердца. Вот ребенку — много надо? Несколько слов и доброе отношение. Так и в церкви. С хорошим настроением батюшка сказал проповедь — и человек уже с наполненной душой идет домой.

— *Как вы получили церковное воспитание?*

— Что было в семье, то и было у меня воспитание. Всей семьей готовились к праздникам. Допустим, на Рождество Христа славить надо... Тем более мама на клиросе пела. Пасхальное все так живо: тоже заранее готовилось, и дети ждали этих праздников...

С моей сестрой живет ее дочь с двумя сыновьями, то есть мои внучатые племянники. И вот один из них, смотрю, стал пономарить в храме. И батюшка его назначил старшим пономарем. Очень приятно было. Вот это и есть воспитание церковное. Но начинается все в семье. Идут праздники, вся семья готовится — чего же больше? Специальные курсы устраивать, что ли?!

— *Церковное пение — это у вас тоже с детства?*

— Конечно. Ведь у нас был в церкви хор, который от дореволюционного времени сохранился до 1980-х годов. И мамочка моя пела в этом хоре, у нее был очень хороший второй альт. В 2000 году за несколько дней до ее смерти совершалась преждеосвященная. И вот уже началась вечерня, надо петь, а трио нету — не пришло трио. Мама священнику говорит: «Батюшка, девчата не пришли». А этим девчатам за 90! Отец Евгений отвечает: «Анна Леонтьевна, пропойте сама!» Она на клирос — взяла часослов, на середину стала с палочкой и пела одна — последний раз в жизни.

— *А что самое главное в клиросном послушании?*

— Не знаю. Наверное, каждый должен думать, что поет последний раз в жизни. Что ты пришел на службу, чтобы встретиться с Богом, и поешь ему, как будто в последний раз — тогда получится трогательная последняя жертва вечерня.

— *Вы учились в Ставропольской духовной семинарии. Кто вспоминается Вам из преподавателей?*

— Были несколько человек, окончившие еще дореволюционные духовные школы. Напри-

мер, знаменитый Троепольский Николай Федорович — читал Новый Завет. Необыкновенно глубокой религиозности, окончил Киевскую духовную академию. Отец Николай Лукьянов из Полтавской семинарии. По его рассказам, он состоял в комиссиях, которые описывали события обновления икон в Полтавской епархии. Много было случаев, когда они обновлялись. Везде русский люд, Русью пахнет.

— *А что это такое «Русью пахнет»?*

— Меня всегда поражает, когда праздник, людей полная церковь... Однажды я спросил Виктора Степановича — регента Елоховского собора: «Как праздники?». Он: «Ой, отец Матфей, праздники такие замечательные! Народищу-то! Не перекрестись!». Бабуленьки — они все низенькие. Подпрыгнет одна, ее со всех сторон придавит, и она над всеми, и видно ей все. Любят так помолиться, быть в толчее праздника. Вот это самое — русский дух.

— *Не могли бы Вы назвать тех людей, которые оказали особое влияние на Вашу судьбу?*

— Если говорить о лаврских событиях, в 1959 году, уже будучи студентом первого курса Академии, я на исповеди сказал отцу Тихону о заветном своем желании стать монахом. Он легонько постучал рукой по епитрахили, которой накрыл мою голову: «Ну ничего, брат Лев, года через три Господь все устроит». Достал из кармашка небольшое Евангелие с вложенной туда иконой Владимирской Божией Матери. «Брат Лев, молись!». Так и вышло. Это было в 1959 году, а ровно через три года, в 1962-м, Господь меня сподобил принять постриг.

— *Вы видели Церковь в разные эпохи. Что Вас огорчало, а что радовало?*

— Такую оценку я не вправе давать. Я всегда радуюсь. В церковь пришел, молишься, запоют «Верую...» — вот наша радость! Церковь есть церковь, мама есть мама, семья есть семья. Главное, чтобы было благочестие, была служба, чтобы ощущали благодать Божию и благоговели перед ней. Дай Бог, чтобы люди не оставляли Церковь.

— *Что такое для Вас понятие церковности, церковного человека?*

— Человек любит семью — семейный человек. Христианин должен жить всем тем, что есть в Церкви, — это будет церковность. Каждый день должен быть единым днем с Церковью. Что Церковь, то и я. Мне понятны слова владыки Афанасия⁴: «Молитва всех вас спасет!».

— *А как можно научиться молитве?*

— Молись — и научишься!

Записала А. Никифорова

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Сентябрь 2009 года

Отпевание архимандрита Матфея (Мормыля) в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры возглавляет архиепископ Верейский Евгений (Решетников), ректор МДА

Скорбные минуты прощания

Все фотографии, кроме оговоренных, выполнены в 2007 году

¹Знаменный распев (крюковое пение) — основной вид древнерусского церковного пения (напевы записывались особыми знаками — знамёнами, или крюками).

²Пигров Константин Константинович (1876–1962) — хоровой дирижер и педагог, Заслуженный деятель искусств УССР (1956); Чесноков Павел Григорьевич (1877–1944) — хоровой дирижер, композитор, педагог, автор первого русского капитального труда по хороведению, духовных и светских произведений для хора, профессор Московской консерватории (с 1921).

³Поочередное пение двух хоров.

⁴Святитель Афанасий (Сахаров. 1887–1962), епископ Ковровский.

Вся Россия в лицах и биографиях

Беседа специального корреспондента «Московского журнала»
Елены Викторовны Харитоновой с руководителем интернет-портала
«Большой Русский Альбом»
Андреем Вячеславовичем Папушиным

От редакции

Став неотъемлемой частью современной жизни, интернет год от года занимает в ней все большее пространство. И одной из наиболее часто обсуждаемых в Сети тем является в последнее время тема «семейной истории».

В начале 1990-х годов в России начался настоящий «генеалогический бум»: люди почувствовали потребность обратиться к своим корням, как можно больше узнать о своих предках. Жанр написанных по результатам архивных и краеведческих изысканий «семейных хроник» стал чрезвычайно популярным; подобными публикациями полнились самые разные периодические издания.

Интернет-портал «Большой Русский Альбом» (www.rusalbom.ru) также посвящен генеалогии, но, в отличие от других ресурсов, задуман и осуществляется как проект общенациональной биографической фототеки. За два года своего существования он объединил несколько сотен человек и сегодня содержит более 9 тысяч фотографий периода 1850–1950-х годов, сопровождаемых биографической информацией. В настоящее время это — не имеющий аналогов в Сети крупный комплекс уникальных документов, представляющих интерес как для обычных пользователей, так и для специалистов в области воспитания и образования, культурологии, истории. Публикуемая ниже беседа посвящена некоторым особенностям, проблемам и перспективам «Большого Русского Альбома».

А. В. Папушин — выпускник исторического факультета МГПИ имени В. И. Ленина. После службы в армии работал учителем истории и обществоведения в средней школе. С 1993 года — специальный корреспондент, политический обозреватель газет «Московская правда», «Российская газета», «Парламентская газета». С 2000-го — заместитель директора Школы журналистики «Известий». Участник экспедиции на архипелаг Земля Франца-Иосифа (1995). Автор книг «Улыбка, или Разочарованный странник» (2002), «Здравствуй и прощай» (2010).

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Елена Харитонова. *Андрей Вячеславович, как возникла идея создания проекта?*

Андрей Папушин. Мне трудно ответить на этот вопрос однозначно. Идеи ведь не падают «вдруг», как яблоки, к тому же и яблоку, чтобы упасть, нужно созреть...

Конечно, есть зримая канва. Есть Школа журналистики «Известий», где я работаю, в ней — фотокласс. В программе фотокласса — такие учебные дисциплины, как история фотографии, портрет, фотожурналистика. И вот в 2005 году мне показалось интересным предложить студентам воспользоваться в качестве своеобразного учебного пособия собственными семейными фотоальбомами. В самом деле: здесь вам и история русской фотографии (очень многие старые снимки имеют паспарту с данными о фотоателе, месте съемки, с именем владельца), и портретное фото (то есть характерные для определенного времени манера и сюжеты съемки)... И здесь же — начала фотожурналистики, поскольку задачей было сопроводить снимки информацией — хотя бы краткой биографической справкой о тех людях, что запечатлены на фотографиях.

Замечу, что поначалу некоторые активно «отнекивались»: мол, нет у меня в семье старых снимков. Или другой резон: какие-то снимки имеются, однако отсутствует информация — что за люди, каким образом оказались в семейном альбоме... Но фокус в том, что в итоге «отказники» предоставили самый интересный материал: приносили старые, еще дореволюционные фотографии, которые я иначе как шедеврами назвать не могу.

Спрашиваю: вы же говорили, что нет ничего? Оказалось, есть. Но для этого пришлось съездить к старшим родственникам, и не куда-то за тридевять земель, а в другой район Москвы, на соседнюю ветку метро (хотя были и такие, кто ездил к «своим» в глубинку). Пришлось пообщаться с бабушками и дедушками, поинтересоваться историей собственной семьи. То есть преодолеть лень — и результат не заставил себя ждать.

Кстати, здесь возник и еще один сюжет — воспитательный, связанный с темой преемственности поколений. Чуть позже, когда мы организовали первую выставку, этот сюжет проявился воочию. На открытие пришли люди, когда-то запечатленные на экспонируемых фотографиях. И были слезы — их причины, думаю, объяснять не нужно.

По мере разглядывания фотографий создавалось отчетливое впечатление, что

*Афанасьевы. Благовещенск.
1889 год. Из архива Марии Марковской*

*Вдвоем. Петергоф. 1916 год.
Из архива Александра Мурашкина*

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

*Окно из 1924 года.
Юрвец Ивановской
области.
1924 год.
Их архива
Татьяны Масловой*

*В саду.
Рязань.
1905–1906 годы.
Из архива
Кирилла Федорова*

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

перед тобой — история страны, воплощенная в лицах и отраженная в конкретных человеческих судьбах. Полагаю, молодежь, участвовавшая в проекте, тоже прониклась этим чувством.

Первая такая выставка под названием «Другие» прошла в 2005 году в «Известиях» и в Фотоцентре Союза журналистов России, вторая — в 2007-м. Участвовали студенты и преподаватели Школы. То есть, строго говоря, поначалу проект носил «корпоративный» характер. Но претендовал на большее: в самом деле, почему было не открыть его для всех желающих?

Я написал несколько писем: бизнесменам, чиновникам московского правительства, общественным деятелям. Ответа не последовало. И тогда я решил сделать то, что смогу сам. С помощью друзей и знакомых. Так в августе 2008 года появился интернет-сайт «Большой Русский Альбом. Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов».

Но это, как я уже предупредил, — зримая канва, которую можно изложить поэтапно. Есть, однако, и незримая история — история созревания: ее я, опять же приблизительно, веду с 1995 года, со времени публикации в «Московской правде» небольшого эссе «Все для тебя, дорогая». Кстати, это эссе мы поместили на сайте как некую идеологическую основу, или манифест проекта. Впрочем, есть и более обстоятельный манифест — моя статья «Дар случайный, дар напрасный» (1993), впервые опубликованная в «Литературной России». Пожалуй, именно с нее все и началось. Как видите, никакого «вдруг» не было.

Е. Х. Как можно сформулировать основную идею проекта?

А. П. По сути, идея заключается в том, чтобы признать право обычных людей на заслуженное ими место в истории страны. Если хотите, в том, чтобы *оправдать их жизнь*, — тем более, что в годы демократизации некоторые публицисты договорились до того, что назвали их жизни «непрожитыми», попросту нивелировав судьбу целых поколений. Между тем, именно им наша страна обязана очень многим, если не всем.

Есть и еще мотив. Нам в последние годы историю России преподносят зачастую как историю Русского зарубежья, где, мол, хранились традиции и дух «подлинной» России. По крупинкам собираются свидетельства тех, кто однажды потерял Родину, но, как говорится, «пронес ее в своем сердце...»

Только дело в том, что Россия никуда не эмигрировала. И именно оставшиеся

Александр Семенов.

Москва. 1929 год. Из архива Елены Харитоновой

Нина Федорова с друзьями.

Солигалич. 1925 год. Из архива
Татьяны Вороновой — Владимира Крылова

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Братья Беляевы с женами. Новгород. 1917–1924 годы. Из архива Владимира Родионова

на родине наши с вами отцы и деды вынесли на себе все постигшие ее в XX веке тяготы. Однако их свидетельства, как выясняется, никому не интересны, их имена, лица, судьбы — тоже. Справедливо это? Конечно, нет. Напротив, я считаю, что они заслуживают благодарности потомков уж нисколько не меньшей, чем многие из тех, чьи имена и лица нам сегодня усиленно навязываются.

Кто сможет переломить эту ситуацию? Только мы сами, если вспомним и расскажем (как только мы одни и сумеем) о наших родных и близких. История страны — их история. Они — это и есть Россия.

Е. Х. Но, согласитесь, тема довольно щепетильная: не всякий решится вынести на публику жизнь своей семьи — пусть и прошлых ее поколений...

А. П. Согласен, в проекте есть «сдерживающие моменты». Я их определяю просто: лень и страх.

Лень лишний раз встретиться с родными, обстоятельно поговорить, рассматривая, скажем, те же фотографии из семейного альбома. Успеется!.. Хотя ясно, что времени у нас немного — и в философском и в практическом смысле: старшие поколения уходят, и память уходит вместе с ними.

Сергей Чернышов (сидит слева) с друзьями. Севастополь. 1900 год. Из архива Юлии Чернышовой

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Завьяловы. Нытва. 1924–1926 годы. Их архива Елены Шашмуриной

*Лидя и Николай Дюковы.
Екатеринбург. 1938 год. Из архива Ивана Цыбана*

К тому же тут надо потрудиться: записывать что-то, сканировать фото... Словом, все откладывается на «потом», а никакого «потом» не бывает. Потом дети указывают на старые снимки, спрашивая: «Пап, а это кто?» — а ответить им нечего.

И, конечно, страх. Точнее, предрасудочная *боязнь публичности*, скрываемая за фразами типа: «Это слишком личное, чтобы выставлять напоказ». Я на это скажу следующее: никто не требует от людей, участвующих в проекте, выставлять напоказ те действительно интимные стороны жизни их родных, которые должны быть ограждены от посторонних глаз. Что рассказывать, а что нет, какие фото обнародовать, а какие нет — каждый определит сам. Вопрос не в этом. Вопрос в том, готовы ли мы говорить о дорогих нам людях открыто, а не гордиться ими втихомолку.

Гордиться же нам, я убежден, есть чем, и я не вижу причин, почему мы должны скрывать свое чувство гордости. И стыдиться этого чувства нечего: мы ведь не требуем льгот, не кичимся происхождением, не спешим занять чье-то место... Мы отдаем долг памяти и уважения людям, которые того заслуживают. Той необъятной России, которая должна вновь обрести «имена и лица».

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

*Короткое счастье.
Кологрив Костромской области.
1932–1935 годы. Из архива Татьяны Масловой*

*Сторож и доярки. Село Мысы
Краснокамского района Пермской области.
1930-е годы. Из архива Ксении Фроловой*

Купальщица. Евпатория. 1926 год. Из архива Веры Маркеловой

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

Е. Х. *Как можно стать участником проекта «Большой Русский Альбом»?*

А. П. Для начала — зарегистрироваться на сайте. При регистрации автоматически создается персональная страница (альбом), где каждый участник получает возможность размещать фотографии и комментарии к ним, редактировать их по мере необходимости (например, если появляются новые сведения о людях, запечатленных на фото). Фотографии, выставляемые на персональных страницах, дублируются и в открытой для свободного просмотра основной Галерее сайта. Словом, у нас на глазах возникает и ширится многоликая, во многом позабытая нами и совершенно конкретная Россия.

Добавлю, что участники проекта могут переписываться друг с другом (есть внутренняя почта сайта), вести поиск по материалам сайта, консультироваться с нашими экспертами...

Кстати, пользуясь случаем, хочу от всей души поблагодарить тех, кто бескорыстно предложил нам свои услуги в качестве экспертов и консультантов и активно помогает проекту — Сергея Володарского (Харьков), Александра Пономарева (Иваново), Наталью Филатову (Санкт-Петербург)... Все они — прекрасные специалисты в разных областях, связанных с фотографией, и, надеюсь, наша совместная работа будет продолжаться.

Мы также публикуем статьи на самые разные темы, связанные с семейной историей и историей фотографии; есть интереснейший, на мой взгляд, раздел «Приложения», где люди могут найти массу полезной вспомогательной информации. Короче говоря, проще посмотреть самим, чем выслушивать объяснения.

Е. Х. *Вы сказали: участникам проекта доступен родственный поиск...*

А. П. ...и этот поиск иногда позволяет найти, казалось бы, давно потерянных родственников! Самый яркий пример — саратовская фотография семьи Горнунгов 1914 года, в комментариях к которой активная участница нашего проекта Ксения Фролова написала: «Дальнейшая их судьба неизвестна». Каково же было наше изумление, когда спустя месяц после публикации этого фото на сайт пришло письмо из Австралии, от потомков тех самых Горнунгов: мол, Ксения пишет «судьба неизвестна», а мы — вот они! И такие случаи не единичны.

Е. Х. *Получается, география проекта довольно обширна?*

Родня. 1929 год. Из архива Анны Симоненко

*Сестренки. Ташкент. 1929 год.
Из архива Нонны Воеводиной*

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

*Московская красавица.
Москва. 1937 год.
Из архива
Полины Жарких*

*Константин Рыжов
с женой Галиной.
Липецк. 1934 год.
Из архива
Татьяны Масловой*

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ

А. П. Сегодня среди участников — люди не только из разных регионов России (от Калининграда до Владивостока), но и из зарубежья, в том числе дальнего: Франция, США, Канада, Италия, Бельгия, Израиль, Германия, Испания...

Любопытно, что благодаря «Большому Русскому Альбому» возникает что-то вроде землячества: например, я знаю, что сложилась целая группа людей, семейная история которых связана с Юрьевцем и Солигаличем бывшей Костромской губернии, — притом, что сами они живут теперь в Волгограде, Московской области, Томске и даже в США. Тон здесь, конечно, задала Татьяна Владимировна Маслова из подмосковной Балашихи — ее альбом на сайте насчитывает более 600 фотографий, это богатейшее собрание, несколько поколений семьи — и подавляющее количество этих снимков связано как раз с Юрьевцем.

Е. Х. *Наверное, не у всех есть столь богатые семейные архивы?*

А. П. Конечно, хотя сейчас на сайте — несколько десятков персональных страниц, содержащих более 50 фотографий: люди вдохновлены возможностью рассказать о своих близких и активно участвуют в проекте, тем самым помогая его развитию и популяризации. Хотя вы правы: никакой «погоны за количеством» нет — и я, например, искренне радуюсь даже в том случае, когда новые участники проекта размещают на сайте одну-единственную сохранившуюся фотографию дорогого им человека.

Е. Х. *Вы можете в общих чертах обрисовать аудиторию «Большого Русского Альбома»?*

А. П. Она очень разная. Есть молодые люди и люди в возрасте; есть те, кто, судя по комментариям к фото, пристально занимаются историей своей семьи, и те, для кого персональная страничка на сайте — лишь первый шаг в этом направлении. Проект открыт для всех, и каждое, пусть отрывочное и даже «случайное» свидетельство — неоценимый штрих к портрету той многоликой России, которую мы начинаем узнавать заново.

Замечу, что многие пока ограничиваются только просмотром Галереи и других материалов сайта — но, надеюсь, рано или поздно придут и к участию в проекте. Мы ведь не случайно в начале нашего разговора сказали о яблоке, которое не вдруг падает...

Е. Х. *Каковы, на ваш взгляд, перспективы «Большого Русского Альбома»?*

А. П. Я вполне допускаю, что проект не станет массовым — во всяком случае,

*Анастасия и Аграфена.
Московская область. 1935–1940 годы.
Из архива Нинель Ткаченко*

не сможет составить конкуренцию таким виртуальным сетям, как, скажем, «В Контакте» или «Одноклассники». Сегодня число запросов сайта составляет примерно полтора миллиона в месяц — и это, конечно, сравнительно немного, хотя база постоянно растет. Думаю, причина не только в том, что проект развивается исключительно на общественных началах, но прежде всего в том, что участие в нем требует усилий. Труда. Определенного душевного настроения. И — чувства ответственности. Другими словами, это — не досуг, не отдых в нынешнем смысле слова (расслабление, времяпрепровождение). И еще — это не ни к чему не обязывающее виртуальное псевдосообщество. Напротив: мы предлагаем вещи как раз *обязывающие*, при которых трудно рассчитывать на эффектность и массовость, а не шоу, не конкурс и не спортивное состязание (у кого фотографий больше). «Большой Русский Альбом» является, на мой взгляд, интересным и важным делом. Или, если угодно, *занятием*, имеющим и личностный, и общественный характер одновременно. И при должном отношении к проекту, я уверен, он сможет раскрыть свой потенциал.

Лапутяне красного Петрограда

Воспоминания писателя, поэта, литературоведа
Николая Александровича Энгельгардта (1867–1942)
об Институте Живого Слова (1918–1919)

*М. В. Добужинский. Из жизни Петрограда 1920 года.
Бумага, смешанная техника. 1920 год*

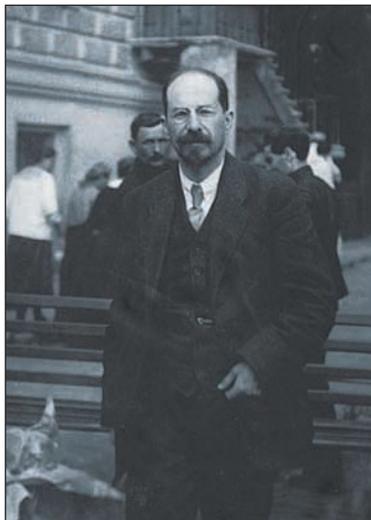
«Мир ловил меня, но не поймал», — просил написать на своем могильном камне Григорий Сковорода. Большевистская власть упустила Николая Энгельгардта, хотя причин для того, чтобы «поймать» его, было предостаточно. Убеденный монархист, в 1897—1904 годах — активный сотрудник «реакционного» «Нового времени», получивший за это прозвище «современного Булгарина»¹, один из основателей и член совета наиправейшего «Русского Собрания», то есть «черносотенец» — он вел в советское время тихую и достаточно спокойную, хотя и полунищенскую жизнь. Осенью 1920 года Энгельгардта, правда, арестовала ВЧК, но когда на допросе выяснилось, что он — сын публициста-народника А. Н. Энгельгардта, чьей книгой «Из деревни. 12 писем. 1872—1882» (последнее переиздание — М., 1987) при работе над «Развитием капитализма

в России» пользовался Ленин, отзывавшийся об авторе весьма одобрительно, Николая Александровича отпустили и в дальнейшем не тревожили. Не желая, впрочем, чтобы его путали с однофамильцами, среди которых были такие крупные деятели белогвардейского движения, как барон Борис Александрович Энгельгардт², он стал с тех пор подписывать свои произведения «Николай Энгельгардт из Батищева». Напечатать что-нибудь под таким титулом автору, впрочем, не удалось. Всего несколько представлений выдержала в 1917 году на сцене Передвижного театра П. П. Гайдебурова основанная на древнем китайском предании пьеса «Любительница голубой мечты задумчивости»; в столе остались две пьесы — «шутотрагедия» «Акелдама — Поле крови, или Действо в Ропше» (1926) о последних днях несчастного Петра III и «Наша барка» (1934) — о другом цареубийстве, на Екатерининском канале 1 марта 1881 года. Пока для себя и потомков, без каких-либо издательских перспектив, писались объемистые воспоминания⁴. Нищенское существование обеспечивалось с 1931 года нищенской же пенсией, пока не оборвалось смертью в первую блокадную зиму 1942 года в Ленинграде.

Среди множества экспериментов «кремлевских мечтателей» первых послереволюционных лет были сейчас практически забытые, но весьма любопытные проекты. Один из них — существовавший несколько лет в Петрограде Институт Живого Слова. Об этом учебном заведении, новаторском для того времени, где преподавала «элита» тогдашнего театрально-литературного мира, написано не слишком много и в основном иностранными исследователями⁵. «Пять дней в неделю, со вторника по субботу, по вечерам устраивались бесплатные лекции; воскресенье и понедельник были, наоборот, отведены организации учебного процесса. В 1918/19 академическом году преподаваемые предметы делились на пять больших групп: философия, теория звука, теория языка, история языка и искусство языка. К этим предметам добавлялись иностранные языки (английский, французский, немецкий и итальянский) и, дабы пойти навстречу слабо подготовленным студентам, общие дисциплины: история, алгебра, геометрия и физика. Курсы, предлагаемые в семестре специализации, по сути своей были сходны с курсами общего семестра, с добавлением специальных предметов для подготовки преподавателей литературы, ораторов, актеров и певцов» (Р. Вассена).

В круг организаторов Института Живого Слова Н. А. Энгельгардта ввел Н. С. Гумилев, который после развода с А. Ахматовой женился на его дочери Анне. Энгельгардт работал в Институте четыре года и восемь месяцев — до 1 июля 1923 года. Он преподавал историю русской прозы. Предлагаем читателям отрывок из его воспоминаний «Эпизоды моей жизни» об этом уникальном (в мире не было, да и до сих пор не создано ничего подобного) учебном заведении, лишь краткий миг по историческим меркам просуществовавшем на петроградском научном небосклоне.

Весною 1918 года в Театральном Отделе Наркомпроса поднят был вопрос об организации «Курсов Художественного Слова». Анатолий Васильевич Луначарский заинтересовался этим проектом. Двигали дело профессор Н. Е. Румянцев⁶ и актер Александринского театра В. Н. Гернгросс-Всеволодский⁷. Последний, получив полномочия Театрального отдела⁸, составил организационную группу из подходящих лиц и 18 октября в своей квартире на Офицерской устроил первое заседа-

*Анатолий Васильевич
Луначарский*

ние, на котором присутствовал и Луначарский. Николаю Степановичу Гумилеву было поручено читать курс поэзии и истории поэзии. Возник естественный вопрос: кто будет читать о прозе? Гумилев предложил меня. Все молчали и устремили взоры свои на Луначарского.

«Я против Энгельгардта ничего не имею, — сказал Анатолий Васильевич, — я всегда с удовольствием читаю его горячие, искренние статьи. Хорошо знаю и его «Историю русской литературы XIX века»⁹.

КАК ЭТО БЫЛО

Афиша о приеме в Институт Живого Слова

ВЕСНОЮ 1918 ГОДА В ТЕАТРАЛЬНОМ ОТДЕЛЕ НАРКОМПРОСА ПОДНЯТ БЫЛ ВОПРОС ОБ ОРГАНИЗАЦИИ «КУРСОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА». АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ ЭТИМ ПРОЕКТОМ. ДВИГАЛИ ДЕЛО ПРОФЕССОР Н. Е. РУМЯНЦЕВ И АКТЕР АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА В. Н. ГЕРНГРОСС-ВСЕВОЛОДСКИЙ <...>. НИКОЛАЮ СТЕПАНОВИЧУ ГУМИЛЕВУ БЫЛО ПОРУЧЕНО ЧИТАТЬ КУРС ПОЭЗИИ И ИСТОРИИ ПОЭЗИИ.

На следующее же заседание я был приглашен Гернгроссом. Обсуждался план курсов. Но нарком просвещения уже не присутствовал. Разошлись мы часа в два. Петербург был погружен во тьму и гробовое молчание. В улицах никого; жуткая пустыня вокруг. <...>¹⁰

Я упомянул о разбое. Прелестный человек, Михаил Валерианович Богданов-Березовский, читавший у нас курс «Психофизиологии и анатомии органов слуха и речи», был убит ударом ножа и ограблен (часы, кошелек и шу-

ба) на Надеждинской улице в 9 часов вечера¹¹.

Итак, ночью с Офицерской идти пустыми кварталами до Невского было жутковато. А между тем заведующий домом, где мы собирались у Всеволодского-Гернгросса, донес в комендатуру, что по ночам происходят неразрешенные заседания некоей «группы»... И на третье заседание из комендатуры явился агент и потребовал объяснений. Всеволодский показал ему под протоколом подпись наркома Луначарского и объяснил, в чем дело. Он удалил-

ся. Тогда в нашей притихшей среде раздались громкие протесты негодования и возмущения. Особенно кипятился милейший Иван Иванович Чекрыгин, брат знаменитого балетмейстера и сам танцевальных дел мастер¹².

Возник вопрос, как назвать новое учено-учебное учреждение. Крестили его и так, и сяк и наконец назвали — Институт Живого Слова. Председателем Совета института избран был «прямой», «равной», «закрытой» баллотировкой Всеволодский-Гернгросс. Притворно или искренно он был поражен, покраснел, разволновался: «Как? Я?!.. Конечно... Я и польщен, и взволнован, но...». Видимо, он в самом деле не ожидал, что ему на плечи взвалит такую обузу. Кажется, вся шумиха с Институтом была только подъемной машиной к каким-то иным честолюбивым его видам.

Потом он говорил, что когда его спрашивали, чем он заведует? «Институт... Живого... Слова»... — «Как? Чего — живого?» — «Слова...» — «Мне послышалось живорыбного садка... Живое... гм... гм... слово... За живое берет...».

Но русский человек не живет без «глума».

Открытие Института состоялось 15 ноября 1918 г., а 20 ноября началось чтение лекций. На открытии в роскошной зале дворца вел. кн. Владимира Александровича¹³, где была еще вся обстановка, говорились, как водится, речи. Начал Гернгросс и объявил, что в жизнь вступает новое ученое и учебное учреждение, имеющее свою целью культуру живого слова. «Всем известно, — продолжал он, — что до 1864 года у нас громко разговаривать могло только небольшое сословие актеров. С открытием гласного

суда получила возможность громко разговаривать еще небольшая группа — адвокатов. С 1905 г. с открытием Государственной Думы появились даже курсы ораторского искусства. Наконец революция распахнула двери для разговора. Говорить должны массы... И вот — заведение!».

Вторым говорил в качестве профессора классической филологии Петербургского университета и «одного из привратников античного мира» Фаддей Францевич Зелинский¹⁴ и, начав со времен Гистаспа Дария¹⁵, утверждал, что история связала между собою эти два понятия — античный мир и живое слово. Пророки Израиля тоже говорили живым словом, но они говорили именем Всевышнего и в уроках красноречия не нуждались. Напротив, Эллада являет такие образцы живого слова, которые признаны непревзойденными, и т. д. и т. д. Долго еще говорил профессор. Луначарский говорил втрое дольше. Говорил хорошо. Но виден был старый интеллигент, журналист без истинного революционного и партийного закала. Социалист, конечно, но такими социалистами были все.

«Раз мы социалисты, — восклицал Анатолий Васильевич, — и раз мы идем к осуществлению великого социалистического идеала, мы не должны забывать, что основой этого идеала и тем, что дает ему сущность одухотворенную, является забота об индивидууме... Социалистический строй должен заботиться о том, чтобы выпрямлять разного рода искажения, которыми страдает огромное большинство, даже все люди, у которых, как говорится, «прилепе язык к гортани», благодаря ненормальному строю, в котором

Н. С. Гумилев с участниками кружка «Звучащая раковина».

Внутри зала стоят (слева направо):

Даниил Горфинкель, Анатолий Столяров, Петр Волков, Никаноров. Сидят слева: Александра Федорова, Томас Рагинский-Карейво, Ф. Наппельбаум, И. Наппельбаум.

Рядом сидят: В. Миллер, Н. Сурина, Вера Лурье, Константин Вагинов.

В центре — Н. Гумилев.

Рядом с ним на полу сидят Г. Иванов и И. Одовецова

Петроград. Дом искусств.

Фотография 1921 года

СРЕДИ МНОЖЕСТВА ЭКСПЕРИМЕНТОВ ПЕРВЫХ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ БЫЛИ СЕЙЧАС ПРАКТИЧЕСКИ ЗАБЫТЫЕ, НО ВЕСЬМА ЛЮБОПЫТНЫЕ ПРОЕКТЫ. ОДИН ИЗ НИХ — СУЩЕСТВОВАВШИЙ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ В ПЕТРОГРАДЕ ИНСТИТУТ ЖИВОГО СЛОВА.

КАК ЭТО БЫЛО

«РАЗ МЫ ИДЕМ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ВЕЛИКОГО
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА,
МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ОСНОВОЙ
ЭТОГО ИДЕАЛА И ТЕМ, ЧТО ДАЕТ ЕМУ СУЩНОСТЬ
ОДУХОТВОРЕННУЮ, ЯВЛЯЕТСЯ ЗАБОТА
ОБ ИНДИВИДУМЕ...
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДОЛЖЕН
ЗАБОТИТЬСЯ О ТОМ, ЧТОБЫ ВЫПРЯМЛЯТЬ
РАЗНОГО РОДА ИСКАЛЧЕНИЯ, КОТОРЫМИ
СТРАДАЕТ ОГРОМНОЕ БОЛЬШИНСТВО,
ДАЖЕ ВСЕ ЛЮДИ, У КОТОРЫХ, КАК ГОВОРИТСЯ,
«ПРИЛЕПЕ ЯЗЫК К ГОРТАНИ»,
БЛАГОДАРЯ НЕНОРМАЛЬНОМУ СТРОЮ,
В КОТОРОМ РАНЬШЕ ЖИЛО ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.
НУЖНО ВЕРНУТЬ ЧЕЛОВЕКУ ЕГО ЖИВОЕ СЛОВО».

раньше жило человечество. Нужно вернуть человеку его живое слово...» и т. д. и т. д. Слышно было сотрудника «Русского богатства», пахло Михайловским¹⁶... «Меня ждут на огромном митинге», — заторопился вдруг нарком, проговорив битый час, и распрощался¹⁷. Началось концертное отделение.

На открытии произошел маленький инцидент с «буше»¹⁸. Наши дамы из канцелярии и делопроизводства — Каменова Людмила Александровна (баронесса Врангель), Мезенцева и другие сервировали чай и к нему сладкие «буше». Когда они потом подали счет на эти «буше», бухгалтер отказался его принять, не имея соответствующего титула и кредита. Дамы к Всеволодскому. Тот сделал наивные глаза и сказал, что полагал — мол, они

Санкт-Петербург. Тенишевское училище.
Фотография начала XX века

КАК ЭТО БЫЛО

*Анатолий Федорович
Кони.
Фотография 1900 года*

*Преподаватель Института
Живого Слова Анатолий
Исаакович Канкарович*

сами от себя угощают этими «буше». Долго шла эта похмельная перепалка после торжества. Наконец, куда-то отнесли расход на «буше».

А голодок все крепчал и крепчал...

Лекции мы читали сначала в аудиториях Тенишевского училища на Моховой.

Что такое был наш Институт? Вершина холма среди бушующего половодья революции, на котором жались кучка интеллигентов. И сам Луначарский, конечно, не чувствовал себя прочным. Молодежь обоего пола наполняла наши аудитории. Барышни, молодые люди. Но и они спасались от наводнения и... голода. Пайки, субсидии их привлекали не меньше, чем «живое слово». А состав преподавателей был блестящий. К. А. Эрберг¹⁹ читал «философию творчества», говорил о статике и динамике бытия, об отношении инормизма²⁰ к принципу свободы, говорил о ступенях бытия... То есть хотел говорить, а что успел сказать — не знаю, но не думаю, чтобы много, так велика [была] объявленная им программа.

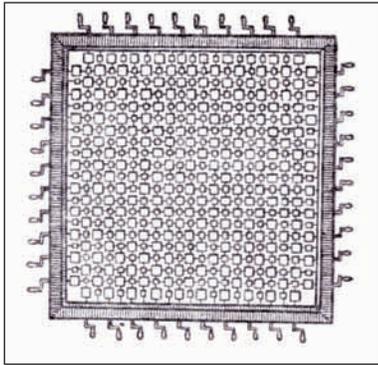
Курс введения в эстетику читал А. В. Луначарский и, умный человек, подал программку в десять строчек. Программишу на 21 лекцию по истории эстетических учений закатил А. З. Штейнберг²¹. А. Ф. Кони²² читал лекции по этике общежития. В программе его было восемь этик: этика воспитания, судебная (старого режима присяжными заседателями), врачебная, экономическая (нравственные начала финансовой деятельности государства), этика общественного порядка (попустительство пьянству, ложный и лживый патриотизм, власть в руках безответственных лиц), этика литературная (свобода слова и злоупотребление ею, клевета в печати), этика в искусстве и... восьмая этика — этика личного поведения... Когда-то эти лекции привлекали, восхищали, Кони рукоплескали, но уже от времени и подержанности старые бумажки, которые вынимал Анатолий Федорович, истрепались, изветшали... Уже не было той жизни, которой отвечали эти этики. Рушилось все за монархией, и церковь, и классы, и собственность,

и семья, все старое рушилось, а что созидалось, не было еще видно. И, наконец, если восемь этик, то нет никакой этики. И не этика строит жизнь, а жизнь строит этику, а потому те новые «господа жизни», которые имели в руках власть и жали серпом не щадя и разрушали молотом, не жалея... Гений разрушения есть гений созидания! Кроме этики, А. Ф. Кони читал еще курс такой: «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях». Всеволодский-Гернгросс читал акустику и... музыку речи. С ним состязался А. И. Канкарович²³, который читал музыку как элемент живого слова и музыку как науку, которую всю писал на доске мелом, без всяких звуков (сольфеджио, доминант септ-аккорд и т. д.); Л. В. Щерба²⁴ читал фонетические методы, общее введение в теорию живого слова; Л. П. Якубинский²⁵ — семантику. Оба погружали юных слушателей в глубины и таинства утонченной филологии. Приведу полностью программы Н. С. Гумилева²⁶.

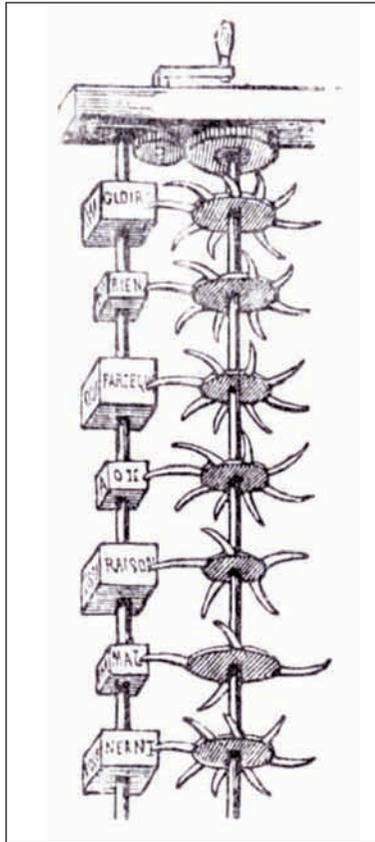
Вот его курс лекций по теории поэзии.

I. Четыре момента в поэтическом произведении: 1) эйдолология²⁷, 2) композиция, 3) стилистика, 4) ритмика; их взаимодействие, границы исследования.

II. Эйдолология: 1) творец и творимое, 2) аполлонизм и дионисианство, 3) закон троичности и четверичности, 4) четыре темперамента и двенадцать богов каждой религии, 5) разделение поэзии по числу лиц предложения, 6) время и пространство и борьба с ними, 7) возможность поэтической машины²⁸, <...> которая бы делала стихи! Точнее: стиходелательной машины. <...>

«Прототип» Гумилевской поэтической, или стиходелательной машины. Как известно, несколько раньше такую же машину, изготовленную лапутянами, описал в одной из частей «Путешествий Гулливера» Джонатан Свифт (иллюстрации Жана Гринвилля из книги Дж. Свифта «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера». СПб., 1993)

III. Композиция: 1) фигурное соединение тем, 2) закон шестеричности в эпосе, 3) закон пятеричности в драме, 4) строфика европейская и восточная, 5) движение во времени, в пространстве, в плоскости четвертого измерения и в двух измерениях. <...>

Эпос в... четвертом измерении! Символизм это или акмеизм? Ведь Николай Степанович был главой особой школы «акмеистов»²⁹.

IV. Стилистика: 1) четыре основные типа метафор, 2) четыре школы — примитивная, романтическая, классическая и александрийская (NB: Где же реализм?), 3) их детали, 4) удельный вес этимологических форм, 5) удельный вес синтаксических построений, 6) архаизмы, неологизмы, идиотизмы³⁰, варваризмы и пр.

V. Ритмика: 1) школа восточная и западная — графика и пение, 2) стихосложение метрическое, силлабическое,

тоническое, смысловое, параллелизм и пр., 3) восточные и западные влияния на распределение согласных и гласных, 4) рифмы богатые, бедные, рифмоиды, ассонансы, аллитерации, начальные, внутренние, смысловые, уничтоженные, белые стихи.

Наши лекции стенографировались. Где стенограммы лекций Н. С. Гумилева? Не знаю.

Программа курса лекций Н. С. Гумилева по истории поэзии.

I. Друидизм: 1) три этапа творческой энергии, 2) творчество пресмыкающихся, 3) первобытное творчество, 4) друидизм как творчество религий, 5) расцвет друидизма, 6) возвышение военной касты и раскол друидов на поэтов и жрецов.

II. Военно-жреческие касты: 1) великие и малые эпосы древности:

а) друидические, б) военные, 2) народная лирика древности, 3) зачатки теат-

ра. Чтения: 1) монгольская поэма о лебеде, 2) ассириовавилонские образцы (Гильгамеш и др.), 3) Калевала, 4) Риг-веда, 5) Ши-хинг (Китай), 6) Эдда, 7) кельтические эпосы (Похищение белой коровы), 8) малайские пантумы³¹, 9) песни дикарей, 10) египетские поэмы, 11) Рамаяна и др.

III. Классическая поэзия Греции и Рима. Чтение.

IV. Мистическая поэзия первых веков христианства (александрийство) и народная мистическая поэзия (песни русских сектантов); Сыкун-Ту и Дао (Китай). Суфитская поэзия. Чтение.

V. Начало буржуазной поэзии. Средневековая поэзия — эпос, лирика, театр. Поэзия народная и индивидуальная. Чтение.

VI. Расцвет. От Данта до Мильтона.

VII. Угасание. Восемнадцатый век.

VIII. Появление нового. Деятнадцатый век.

IX. Современная поэзия.

X. Возможность наметить Грядущее поэзии.

Очевидно, что слушание таких курсов требовало аудитории чрезвычайно подготовленной. Что доходило из всех этих курсов до всей этой пестрой толпы милой, беспечной, юной молодежи? Трудно сказать. Но на кого теперь можно указать и многозначительно пояснить: «Вот воспитанник Института Живого Слова»?!

Институт имел четыре отделения: ораторское, педагогическое, словесное, театральное. Каких же ораторов, педагогов, словесников и актеров он образовал и выпустил?

Скоро началось обычное для всех тогдашних учреждений скитальчество с квартиры на квартиру, «беспокойство», «перемена мест». Сначала мы

КАК ЭТО БЫЛО

перебрались в Павловский институт на Знаменской, потом напротив, рядом с церковью, в помещение бывшей школы Макаровой, потом в здание б[ывшего] Кредитного общества в углу площади Александринского театра, наконец, в Банковскую линию под каланчу б[ывшей] Городской думы и здесь кончили свое существование. <...> Некоторая лишь группа преподавателей со Щербой во главе перебралась на Васильевский остров, образовала фонетические курсы, и некоторое время еще боролась за существование... Кажется, в 1926 году эти курсы еще существовали³².

В здании «Кредитки» мы пользовались для письма оставшимися от общества чистыми формами и книгами. В большой зале, разгороженной на чуланы, где производились кредитные операции, толпилась молодежь, звенели звонки, призывающие на лекцию. Похоже было на железнодорожный вокзал. Заседания педагогического совета происходили в комнате с железными дверями и решетками, которые вели в кладовую ценностей, там больше не существовавших. Подавали <...> кипяток и лимонную эссенцию в пузырьке. Ни сахара, ни булок не полагалось. И Ю. М. Юрьев³³ кушал этот кипяток с лимонной эссенцией.

Наш старостат объявлял о получении картофеля. Пункт был на Екатерининской улице. Я с мешком и сачочками, на которых прежде катался мой маленький сын, стоял в очереди с молодежью и потом увозил драгоценные корнеплоды домой. <...>

Зимой вся моя квартира была заперта и не отапливалась. Мы же двое — я и жена моя — жили в кухне об одно

окно. Ни электричества, ни керосину у нас не было. И если я оставался дома, то на пяти поленьях дров жена готовила обед. После обеда, когда плита несколько остывала, жена клала на нее тюфячок, и, пока было светло, мы, поджав ноги и сидя на тюфячке, читали. Наступала темнота. Мы беседовали. Затем ложились, покрывались одеялом и спали. Так мы провели три зимы. Квартиры стали заселяться позднее, с «нэпа», когда население столицы³⁴ опять быстро стало возрастать. А тогда еще квартиры пустовали. Жизнь сжалась в комочек, и некого было принимать в гостиных, нечем обедать в столовых, не о чем думать в кабинетах. <...>

Когда Институт Живого Слова переселился в бывший Павловский институт на Знаменской, профессора и студентам стали выдавать «чаевое довольствие», которое состояло из восьмушки черного хлеба. За четыре дня это «довольствие» составляло $\frac{1}{2}$ фунта. И мы стояли за ним в очередях с молодежью. «Довольствие» выдавалось в подвальном этаже старого здания, где были сумрачные длинные коридоры со сводами и чуланы по бокам. Часто мы ждали битый час представителя старостата — очень юного товарища Соколова, относившегося чрезвычайно небрежно к своим обязанностям.

Иногда хлеб был заплесневелый, зацветший зеленым грибочком «penitellium glausum», который под микроскопом представляет подобие великолепных виноградных кистей «цвета морской волны», безвреден и употребляется при вы-

делке «короля сыров», по мнению Эмиля Зола, — рокфора. У меня был красный мешок для того, чтобы носить в нем хлеб.

Однажды, когда выдавался такой зеленый хлеб, слушательницы, хорошенькие барышни, стали «фикать»: «Что это такое? Какая гадость! Я не хочу такого хлеба!» — «Не хотите, — вступился я, — так отдайте его мне». — «Берите, профессор, пожалуйста. Фу... Что за гадость!». И товарищ Соколов валил полфунта в мой мешок. Я набрал уже полный и собирался уходить, как вдруг вошла жена одного из вахтеров. Увидела мой мешок, и хотя так называемые «низшие служащие» получали тогда «ударные пайки» и вообще довольствовались гораздо лучше нас, профессоров, глаза ее загорелись завистью. «Вишь, сколько хлеба набрал! — возопила она. — Все это нам бы могло достаться, что не взяли!». И она тужила и страдала.

Выйдя из института, я сел на цоколе ограды на улице и, чувствуя голодное сосание под ложечкой, вынул зеленый кусок и стал есть его всласть. При этом из моего рта выходил зеленый дым подсохшего грибка, так что проходящие с изумлением посматривали на такое занимательное явление. Дома жена моя положила этот зацвелый хлеб в горячую духовку, и грибок почернел и высыпался. Хлеб затем я толоч в ступке и таким питательным порошком с чаем угощал Павла Лачинова³⁵, актера, сына химика, друга моего отца. Он кушал и хвалил. <...>

Ленинград.
1936—1939

Публикация и предисловие Сергея Викторовича Шумихина

¹*Добролюбов В. А. Ложь г. Николая Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбове, Н. Г. Чернышевском и духовенстве. СПб., 1902.*

²Б. А. Энгельгардт (1877–1962) — полковник Генерального штаба, после Февральской революции — член Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, первый революционный военный комендант Петрограда. В гражданскую войну руководил ОСВАГом («Осведомительным агентством» — подразделением, сочетавшим в армии Деникина функции контрразведки и пропагандистского органа), в ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма. В эмиграции в Париже работал шофером такси, затем переехал в Латвию, где был арестован в 1940 г. после присоединения Латвии к СССР и сослан в Хорезмскую обл. В 1943 г. подал заявление о призыве в Красную Армию, на что Б. А. Энгельгардту было отказано. После отбытия ссылки жил в Риге, подрабатывал переводами. Оставил обширные воспоминания, машинописные копии которых находятся в нескольких архивах; частично опубликованы («Военно-исторический журнал», 1964, № 1, 5, 8–10; 1993, № 12; 1994, № 1–9). Еще одни интересные воспоминания под заглавием «Революция и контрреволюция» пока не опубликованы.

³«Акелдама» — по библейскому преданию, пустырь близ Иерусалима, купленный синедрионом на возвращенные Иудой Искариотом 30 сребреников.

⁴См. нашу публикацию «Николай Энгельгардт из Батищева. Эпизоды моей жизни (воспоминания)» (Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб., 1998. С. 7–119).

⁵Наиболее полная на сегодняшний день сводка фактических сведений об Институте с использованием рассеянных по разным архивохранилищам документальных материалов приведена в статье итальянской славистки Рафаэлы Вассены (*Вассена Р. К реконструкции истории деятельности Института Живого Слова (1918–1924) // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 79–95*). В парандант к ее статье идут опубликованные Екатериной Чоун и Крэйгом Брандистом протоколы заседаний Курсов художественного слова (Там же. С. 96–106).

⁶Профессор Н. Е. Румянцев, стоявший у истоков такого направления в педагогике, как педология, в Петрограде организовал к тому времени «Курсы рассказывания». Каким образом он вскоре оказался в Сибири, нам неизвестно (вероятно, он был сибиряком по рождению), но известно, что

Румянцев активно работал в области педагогики при Колчаке. Издавал совместно с Н. Е. Бочкаревым журнал «Свободная трудовая школа» (первый номер вышел в марте 1919 г. в Перми). Вместе с группой пермских педагогов, несмотря на военное время, с энтузиазмом пропагандировал идеи трудовой школы, проводил публичные лекции и беседы, издавал листовки, занимался вопросами переподготовки учительства в духе идей трудового обучения. В Томске совместно с профессором С. И. Гессеном читал лекции о трудовой школе для учителей, вызывавшие небывалый интерес. За короткий срок в Томске Н. Е. Румянцев организовал учительские курсы, открыл несколько детских площадок. В конце 1919 г. он скончался от сыпного тифа, поэтому упомянуто имя Н. Е. Румянцева в «Записках Института Живого Слова» всего единожды, в начале предисловия, где говорится о замысле создать такое учебное заведение.

⁷Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич (1882–1962) — историк театра, доктор искусствоведения (1936). Окончил Горный институт (1909) и Высшие драматические курсы (1908) в Петербурге. В 1909–1919 гг. — актер Александринского театра. Помимо сцены, занимался научно-исследовательской работой в области истории русского театра и народного творчества. В 1910–1949 гг. вел педагогическую работу (с 1921 — профессор) в Институте сценического искусства в Ленинграде, а после переезда в Москву — в ГИТИСе.

⁸Театральный отдел (ТЕО Наркомпроса) был создан в 1918 г. Возглавлялся с октября 1920-го по февраль 1921 г. В. Э. Мейерхольдом, а после того, как инициатора «Театрального Октября» за излишнее рвение против академических театров Луначарский снял, — Ольгой Давидовной Каменевой, сестрой Л. Д. Троцкого и женой Л. Б. Каменева.

⁹Об обстоятельствах создания этого труда, выпущенного в 1901 г. А. С. Сувориным, и о конфликте Энгельгардта с П. Е. Щеголевым, обвинившим автора в плагиате, см.: «Минувшее». Т. 24. СПб., 1998. С. 25–29. «История русской литературы» была рекомендована в качестве учебного пособия на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

¹⁰Пропущены рассуждения об уголовном разгуле после того, как в Февральскую революцию «избивали и убивали несчастных городских, безупречных старослуживых солдат, украшенных знаками отличия, столько лет

стороживших мирное прозябание обывательщины».

¹¹Богданов-Березовский Михаил Валерианович (1866–1919) — врач-ларинголог и специалист по сурдопедагогике. Товарищ председателя Совета Института Живого Слова. Все, что пишет Энгельгардт о его ограблении и убийстве — неверно. Он умер в своей квартире от сердечного приступа на руках у сына, будущего композитора и музыковеда В. М. Богданова-Березовского. Последний подробно описал в воспоминаниях смерть отца в декабре 1919 г. (см.: Богданов-Березовский В. М. Дороги искусства. Л., 1971. С. 8 — 9).

¹²Чекрыгин Иван Иванович (1880–1942) — артист кордебалета, композитор, педагог. Брат балетмейстера Александра Чекрыгина. С 1901 г. — вольнослушатель Петербургской консерватории, которую окончил в 1911 г. (педагог А. К. Лядов). Автор романсов, пьес для фортепиано и скрипки, балетов. Совместно с братом организовал собственную балетную школу, работавшую больше десяти лет (1914–1925).

¹³Дворец президента Академии художеств, Великого князя Владимира Александровича стоит в Петербурге на Дворцовой наб., 26. После революции был отдан под Дом ученых, в каковом качестве пребывает и по сей день.

¹⁴Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) — филолог-классик, один из самых видных представителей науки об античном мире. По национальности поляк (Tadeusz Zieliński), в 1920 г. он эмигрировал в Польшу. До 1935 г. заведовал кафедрой классической филологии в Варшавском университете. После оккупации Польши немцами оказался в Германии, где и умер.

¹⁵Дарий I Гистасп — персидский царь из династии Ахеменидов, правивший в 522–486/485 гг. до н. э. В опубликованной стенограмме речи Ф. Ф. Зелинского он не упоминается (ср.: Записки Института Живого Слова. I. Пг., 1919. С. 6).

¹⁶Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — публицист, социолог, критик, общественный деятель. Придерживался народнических взглядов.

¹⁷Свою длиннейшую речь (из двадцати страниц стенограммы выступлений восьми ораторов Луначарскому отведено шесть с половиной) нарком закончил так: «К сожалению, я не смогу присутствовать при дальнейшем ходе вашего заседания, меня ждут на огромном митинге, на котором мне придется посильно и еще не пройдя школы, которую вы будете проходить, показать образец возможности влиять

на своих близких путем речи» (Записки Института Живого Слова. I. Пг., 1919. С. 24). Ср. сделанную по этому поводу десятилетие спустя дневниковую запись: «18/ IV, 31. <...> У него, очевидно, потребность говорить в аудиториях. Выступает он, где только можно. Вчера читал лекцию в Политехническом музее — «Культура буржуазная и пролетарская». Начал около девяти. Я слушал по радио. Бросил. Часа через полтора верчу ручки — Луначарский продолжает. Я ушел. Возвратился домой. В половине первого ночи включаю радио — Луначарский. Продолжает свою лекцию — молодым, свежим, не уставшим голосом» (Полонский Вяч. Моя борьба на литературном фронте. Дневник. Май 1920 — январь 1932 // Новый мир. 2008. № 4. С. 130).

¹⁸Сорт пирожных.

¹⁹К. А. Эрберг — псевдоним Константина Александровича Сюннерберга (1871–1942) — поэта (издал единственную книгу стихов), философа, члена-учредителя и товарища председателя Вольной философской ассоциации (Вольфилы). См. о нем: Белоус В. Г. Константин Эрберг: философ-«иннормист» (к портретам «вольфильцев») // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 101–105.

²⁰В статьях Эрберга по художественной критике и эстетике красной нитью проходит мысль о процессе творчества как об акте «отвоевывания плененным человеческим духом своей свободы». Под свободой здесь разумеется свобода от власти норм как природных, так и метафизических. «Не догма, а норма является тем врагом, сломить силу которого должен творческий дух в поисках своих собственных догм. И в этом отношении мой термин «иннормизм» определяет такое протестующее настроение творческого духа довольно точно», — писал Эрберг. Изобретенное им философское течение (вернее, небольшой ручеек), название которого переводится на русский как «ненормальность» (это русское наименование было отставлено из-за боязни злых языков критиков и фельетонистов), не получило четкой формулировки своих положений. «У иннормизма нет заранее очерченной программы». «Ударьте меня по лицу (или это не входит в программу иннормизма?), если я когда-нибудь отрекись от этих слов. Как хорошо, что у нас есть Блок, Белый, Вы», — шутил по поводу термина Э. Голлербах в письме к Эрбергу. Он же приводит слова Гумилева об Эрберге, показавшиеся ему верными: «Об одном аккуратнейшем, механическом человеке, проповедующем «иннормизм» и бунтарство, Гумилев сказал: «Служил он в каком-то учреждении исправно и старательно, вдруг

захотелось ему бунтовать; он посоветовался с Вяч. Ивановым, и тот благословил его на бунт, и вот стал К. А. бунтовать с 10-ти до 4-х так же размеренно и безупречно, как служил в своей канцелярии. Он думает, что бунтует, а мне зевать хочется».

²¹Штейнберг Аарон Захарович (1891–1975) — философ, ученый секретарь Вольфи-лы с момента ее основания (1919) по осень 1922 г. В ноябре того же года эмигрировал в Германию. В конце жизни надиктовал на магнитофон ценные воспоминания «Друзья моих ранних лет. 1911–1928», где есть глава об Энгельгардте (Синтаксис. Париж, 1991). Текст с предисловием и комментариями французского слависта Жоржа Нива доступен в интернете: <http://nivat.free.fr/livres/stein>.

²²Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — юрист, адвокат, общественный деятель, автор 5-томных мемуаров «На жизненном пути» (Т. 1–2. СПб., 1912–1913; Т. 3–4. Ревель-Берлин, 1922–1923; Т. 5. Л., 1929).

²³Канкарович Анатолий Исаакович (1886–1956) — композитор, дирижер. Кира Мясоедова, одна из «живословцев», как именовали себя студенты Института, вспоминала: «Главным музыкальным деятелем в Институте Живого Слова был А. И. Канкарович, даровитый композитор, пропагандист музыкального чтения, фанатически преданный своему искусству. У него был совершенно убийственный характер, подобного которому я не встречала! Но, несмотря на это, он был нашим другом, дикое поступки и выходки которого мы часто ему прощали, так как он нравился нам своей одержимостью, верой в свое искусство! Его богом был великий Бетховен, и, когда ему надо было в чем-нибудь убедить слушателей, он клялся Бетховеном, что должно было быть неоспоримым доказательством его правоты! <...> Анатолий Исаакович очень сердился, когда музыкальное чтение называли мелодекламацией, так как оно строго подчинено ритму написанной музыки, чего не бывает в мелодекламациях, где стихи вольно произносятся под музыку, служащую фоном, а не равноценной частью исполняемого произведения. <...> У Канкаровича текст его музыкального чтения был в полной зависимости от музыки. Это, на мой взгляд, было главной причиной того, что музыкальное чтение не привилось, хотя Анатолий Исаакович любил поэзию, любил слово, бережно относился к стихам, соблюдая правильные ударения в словах своего музыкального чтения. Только один раз он отступил от этого бережного отно-

шения. Канкарович написал музыку к «Незнакомке» Александра Блока и почему-то в строфе «И каждый вечер за шлагбаумами, заламывая котелки, среди канав гуляют с дамами испытанные остряки» — в слове «заламывая» он поставил ударение на последнее «а», — и получилось — «заламывая котелки». Репетируя «Незнакомку» с популярным в то время чтецом Антоном Шварцем, Анатолий Исаакович требовал, чтобы он делал это нелепое ударение. Шварц, конечно, отказался, и их выступление не состоялось» (РГАЛИ. Ф. 2626, оп. 1, д. 1870, л. 16. Из неопубликованных воспоминаний К. А. Мясоедовой-Еланской, написанных ею в 1969 г. в Доме ветеранов сцены).

²⁴Щерба Лев Владимирович (1880–1944) — языковед, академик АН СССР (1943), глава ленинградской филологической школы. Выведен в романе Вениамина Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928) под именем профессора Драгоманова.

²⁵Якубинский Лев Петрович (1892–1945) — языковед и литературовед, научный секретарь Института Живого Слова с момента открытия по февраль 1919 г., когда его сменил Л. В. Щерба.

²⁶Программы лекций Н. С. Гумилева, а также других преподавателей Института, опубликованы (см.: Записки Института Живого Слова. I. Пг., 1919).

²⁷Эйдолология, по Гумилеву, — система образов, присущая каждой выразившейся поэтической индивидуальности.

²⁸«Возможность поэтической машины», — лаконично гласит пункт 7 во II разделе программы курсов лекций по теории поэзии Гумилева (см.: Записки Института Живого Слова. I. Пг., 1919. С. 76). В 1917 г. в русской печати появились сообщения об изобретенной студентами Гарвардского университета «машинки для мышления», комбинирующей словосочетания. Для преподавателей Института Живого Слова Н. С. Гумилев читал доклад, в котором предлагался проект изготовления подобной машины, представляющей из себя 12-дисковую рулетку, на которой диски вращаются с разными скоростями. Как известно, такую же машину описал Джонатан Свифт в своих «Путешествиях Гулливера» в их третьей части «Путешествие в Лапуту...». В. Н. Всеволодский-Гернгросс отказался осуществить этот смелый проект из-за отсутствия на него в смете денег.

²⁹Акмеизм (от греч. акмḗ — высшая степень, вершина, цветение, цветущая по-

КАК ЭТО БЫЛО

ра) — литературное течение, противостоявшее символизму и возникшее в начале XX века в России. Становление акмеизма тесно связано с деятельностью «Цеха поэтов», центральной фигурой которого являлся Н. С. Гумилёв. Сам термин был предложен в 1912 г. им и С. М. Городецким. Одаренный и честолюбивый основатель акмеизма мечтал о создании «направления направлений». С настороженным интересом отнесся к новому течению А. А. Блок. Так, 5 марта 1913 г. В. Н. Ивойлов (Княжнин) писал Б. А. Садовскому: «Акмеисты одолевают. «Мышинные жеребчики», вообразившие себя новорожденными; куда как хорошо! Но почему они вошли в славу? Вот что объясните, Борис Александрович. Этот вопрос задал мне Алекс[андр] Александрович Блок, когда я был у него как-то на днях. Я объяснил дело сплоченностью этой группы, тем, что ежели на улице среди бела дня начнут кувыркаться голые люди (адамисты тож), поневоле публика соберется. Но Ал[ександр] Ал[ександрович] находил это объяснение слишком упрощенным. И прав по-своему!» (РГАЛИ. Ф. 464, д. 63, л. 6—6 об.)

³⁰Так в грамматике называют слова, имеющие частный, областной или личный смысл.

³¹Пантум — каноническая стиховая форма в малайской поэзии.

³²«У Института Живого Слова были враги. Самым большим врагом была комиссар народного образования Петрограда — Лилина (жена Зиновьева), личность малоприятная. Всеволодскому пришлось много и долго воевать с ней и со всякими другими чисто материальными трудностями, чтобы сохранить Институт. Но в конце 20-х годов он был преобразован в курсы речи, а, следовательно, перестал существовать», — вспоминала К. А. Мясоедова-Еланская.

³³Юрьев Юрий Михайлович (1872—1948) — в описываемый период премьер созданного при его участии петроградского Большого драматического театра.

³⁴Автор по инерции называет Петроград «столицей». В феврале-марте 1918 г., опасаясь германского наступления, правительство РСФСР «временно» переехало из Петрограда в Москву. О «временности», как водится, тут же позабыли.

³⁵Лачинов Владимир Павлович (1856—1928?) — драматический артист, театральный критик, филолог, переводчик.

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://mosjour.ru>

Тел.: (495) 912-23-04; e-mail: mosmag@mosjour.ru
109004. Москва, ул. Николоямская, д. 45, стр. 1

Елена Васильевна Беспалая

Ольговская галерея

**О знаменитой некогда портретной галерее Апраксиных
в имении Ольгово (ныне Дмитровский район Московской области)
и ее «толстовских» персонажах**

*Неизвестный художник. Вид водяной мельницы села Ольгово
с хутором Сокольницким и с частью реки Волгуши. Акварель. Начало XIX века*

В первых числах января 1895 года Л. Н. Толстой, находясь с дочерью Татьяной в гостях у графов Олсуфьевых в имении Никольское-Обольяново, писал своей жене Софье Андреевне: «Здесь были Ад[ама] Вас[ильевича] именины и были гости: Олсуфьевы Васильевны, Левицкий, Маклаков дядя, Апраксины и учителя, священник и оба сына»¹. Названные писателем в числе гостей супруги Апраксины — Виктор Владимирович (1822—1898) и Александра Михайловна, урожден-

ная Пашкова (1829—1916) — принадлежали к знатным дворянским фамилиям. Празднование именин у Олсуфьевых предоставило возможность Толстому ближе познакомиться с ними. Вероятно, именно тогда чета Апраксиных, владевшая усадьбой Ольгово, и пригласила его посетить это родовое поместье, дед и бабка хозяина которого не раз упоминаются в «Войне и мире». Лев Николаевич принял приглашение. Художник П. И. Нерадовский в середине 1950-х годов писал:

БЫЛОЕ

*Н. В. Набоков. Западный и восточный фасады олговского дома (проект реставрации).
Бумага, акварель. 1880-е годы*

Ф. Кампореци (?). Гостиная олговского дома в разрезе. Бумага, акварель. Конец XVIII века

«Около Никольского находилась старинная усадьба Ольгово, принадлежавшая Апраксиным. Муж и жена Апраксины, бездетные старики — чопорные, надменные снобы — обычно жили в Москве или за границей, а в Ольгово наезжали только изредка, когда у них появлялось желание немного пожить в своей подмосковной усадьбе. <...> Апраксины — типичнейшие баре-крепостники. Они в конце прошлого века производили впечатление какого-то странного пережитка. Держали они себя с большой важностью и недоступностью. <...> В Никольское круглый год съезжались многие известные интересные люди. <...> В Ольгове же жизнь шла изолированно. Все большое богатство Апраксиных обслуживало этих двух феодалов-эгоистов. Казалось, что вся окружающая жизнь была вне их замкнутых интересов. <...> Живя в Никольском, Лев Николаевич поехал в Ольгово с визитом. Очень интересно было бы посмотреть его вместе с Апраксинами и послушать их беседу, но этот визит происходил втроем»².

Что побудило Толстого отправиться к соседям Олсуфьевым, несмотря на имеющиеся у него планы написать в Никольском «нечто, давно задуманное»? Во-первых, в родовом имении Апраксиных находилась

*Неизвестный художник.
Степан Федорович Апраксин*

богатейшая картинная галерея, созданная дедом хозяина усадьбы Степаном Степановичем Апраксиным (1757–1827) и включавшая как семейные портреты, так и изображения видных государственных и военных деятелей России XVIII–XIX веков. Увидеть полотна, запечатлевшие родных и близких Виктора Владимировича — представителей родов Апраксиных, Голицыных, Толстых, Куракиных, было, несомненно, интересно писателю: его дед и мать поддерживали с некоторыми из них добрые отношения. Другим основанием посетить Апраксиных могло стать желание Толстого соприкоснуться с жизнью и бытом знаменитейшей дворянской семьи, историей которой он интересовался профессионально.

*Неизвестный художник.
Портрет С. Ф. Волконского.
Холст, масло. XVIII век*

Картинная галерея Апраксиных размещалась в великолепном доме, реконструированном в конце XVIII века в стиле классицизма видным итальянским архитектором Франческо Кампорези. Знакомство с ней Толстого началось, вероятно, с парадного портрета прадеда Виктора Владимировича — генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702–1760), первого владельца Ольгово из рода Апраксиных, которому имение досталось от жены в качестве приданого. Глядя на портрет, Толстой, возможно, подумал о том, что в ходе Семилетней войны (1756–1763) судьба свела С. Ф. Апраксина

с его предком. Генерал-майор Сергей Федорович Волконский (1715–1784), прадед Толстого по линии матери, уже находился на театре военных действий в Восточной Пруссии, когда туда прибыл главнокомандующий Русской армией Степан Федорович Апраксин. Он, «человек благодетельный и доброго расположения сердца»³, пригласил к себе князя Волконского, чтобы передать ему от его жены нательный образок. Княгине М. Д. Волконской во сне некий таинственный голос повелел сделать «небольшую иконку», которую она и просила передать мужу через С. Ф. Апраксина. Получив образок, князь С. Ф. Волконский, «призвав Бога на помощь», надел его. Во время сражения «неприятельская пуля попала ему в грудь, но ударила в самую иконку»⁴, не причинив вреда князю. По окончании войны С. Ф. Волконский благополучно вернулся домой к супруге и четверым сыновьям. Князь вскоре купил «на имя жены часть имения Ясная Поляна», став первым владельцем прославленной усадьбы⁵.

Спустя много лет младший сын генерал-майора С. Ф. Волконского князь Николай Сергеевич (1753–1821), дед писателя, унаследовал Ясную Поляну и после выхода в отставку в звании генерала от инфантерии поселился в имении, став воспитателем и наставником своей единственной дочери Марии, осиротевшей после смерти матери⁶. История о чудесном спасении С. Ф. Волконского, передаваемая из уст в уста, стала семейным преданием, а нательный образок, спасший жизнь князю, бережно хранился в семье Николая Сергеевича. Этому преданию, в отличие от многих ему подобных, не суждено было кануть в Лету благодаря Л. Н. Толстому, отразившему его в романе «Война и мир» (сцена, когда княжна Марья Болконская напутствует образком брата, князя Андрея, уходящего на войну: «Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его еще отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах»⁷).

Судьба С. Ф. Апраксина сложилась иначе. Он обладал «умением находить сильных друзей»⁸ и, быстро продвигаясь по службе, к началу Семилетней войны получил звание генерал-фельдмаршала и назначение главнокомандующим действующей армии. Русские войска, перейдя границы Пруссии, в первом же крупном сражении одержали важную победу у деревни Гросс-Егерсдорф. Несколько ранее императрица Елизавета сделала статс-дамой супругу Степана Федоровича Аграфену Леонтьевну. Получив вест о победе, Ели-

А. П. Антропов. Копия с П. Ротари. Портрет статс-дамы Аграфены Леонтьевны Апраксиной. Холст, масло. Конец 1750-х годов

завета Петровна велела в фамильный герб Апраксиных добавить две пушки, «накрест положенные», а сына фельдмаршала, Степана, бывшего «еще в колыбели», записала «прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка»⁹. Однако ситуация резко изменилась, когда Елизавета Петровна занемогла, а С. Ф. Апраксин отдал приказ к отступлению. Современники полагали, что этот шаг он предпринял либо в угоду наследнику престола, будущему императору Петру III, известному своей любовью к Пруссии, либо из-за политических интриг канцлера графа Бестужева-Рюмина¹⁰. Снятый с должности и отозванный в Петербург, Апраксин был арестован по обвинению в государственной измене. Попытки оправдаться ни к чему не привели. Долгому разбирательству положила конец скорострительная смерть обвиняемого, оставившего малолетнего сына Степана и двух старших дочерей — Елену и Марию.

Аграфена Леонтьевна Апраксина, урожденная Соимонова (1719–1771), какое-то время оставалась в Ольгово, а затем вернулась в Петербург, заняв видное положение при дворе императора Петра III. В фамильной галерее Апраксиных наряду с портретом ее мужа — «доброго супруга, нежного отца и друга верного»¹¹, был и портрет самой Аграфены Леонтьевны кисти итальянского художника Пьетро Ротари (копии портрета работы А. П. Антропова находятся

в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве и в Дмитровском краеведческом музее). После смерти Аграфены Леонтьевны юный Степан жил у средней сестры Марии Степановны (1742–1796), муж которой, Александр Федорович Талызин, участвовал в возведении Екатерины II на престол, когда она, переодетая в его мундир подпоручика, возглавила гвардейские полки против Петра III (памятный тот мундир долго хранился сначала в Ольгово, а затем в селе Денежниково у Талызиных). Участие Александра Федоровича в перевороте и его женитьба на М. С. Апраксиной, «через которую он породнился с Паниными и Куракиными», позволила ему «навсегда сохранить близость ко двору»¹². После его смерти Мария Степановна, разделив имение между детьми, стала жить у своего младшего брата Степана, которого очень любила.

В Ольгово находились парные парадные портреты дочерей фельдмаршала Апраксина — М. С. Талызиной работы немецкого художника Генри Бухгольца и Е. С. Куракиной (ныне оба находятся в Дмитровском краеведческом музее). Елена Степановна Куракина (1735–1769), старшая дочь Апраксиных, была женой гофмейстера и сенатора Б. А. Куракина (1733–1764), которого высоко ценила Екате-

Г. Бухгольц. Портрет Марии Степановны Талызиной. Холст, масло. Конец XVIII века

Неизвестный художник. Портрет Елены Степановны Куракиной. Холст, масло. XVIII век

рина II за его деятельность на государственной службе. Современники считали княгиню Куракину одной из первых красавиц своего времени, но и нрава легкомысленного. О ней упоминает историк князь М. М. Щербатов в своем сочинении «О повреждении нравов в России», полагая, что она явилась невольной виновницей выхода указа Петра III о вольностях дворянских¹³. «Одна из отличных природных щеголих, темноволосая и белолицая, живая и остроумная красавица», княгиня Е. С. Куракина, напоминающая ослепительную Элен Безухову из «Войны и мира», родила семерых сыновей, трое из которых умерли в младенчестве, двое — Александр и Алексей Борисовичи — снискали впоследствии широкую известность. Елена Степановна прожила недолгую жизнь: простудившись на балу, умерла в возрасте 33 лет, оставив сыновей на попечении свекрови Александры Ивановны Куракиной, родной сестры знаменитых братьев графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных.

Старший сын Е. С. Куракиной, князь Александр Борисович Куракин (1752–1818), воспитывался с наследником престола, будущим императором Павлом I, и впоследствии занимал важные государственные должности. Будучи послом в Париже (1808–1812), он накануне войны предупреждал Петербург о том, что «от Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива все сплошь — Франция»¹⁴.

*Неизвестный художник с оригинала А. Рослина.
Портрет князя А. Б. Куракина.
Холст, масло. 1776 год*

Его имя фигурирует в «Войне и мире» в письме Александра I, адресованном Наполеону¹⁵. Л. Н. Толстому, вероятно, было интересно увидеть портрет князя Куракина в семейной галерее Апраксиных (ныне копия с оригинала шведского художника Александра Рослина находится в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве) — «несколько феминизированный тип красоты, где внешняя привлекательность граничит с самолюбованием и даже самодовольством»¹⁶.

Характерной чертой генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина — любовью к «пышности» и «франтовству» — обладал и его сын Степан Степанович Апраксин (1757–1827), который «удивлял всех своими приемами и причудливыми увеселениями, был ласков и радушен»¹⁷. Он во многом повторил судьбу отца: рано осиротел, почти всю жизнь посвятил военной службе и даже, как и отец, имел единственного сына и двух дочерей. Крестник Елизаветы Петровны, С. С. Апраксин быстро продвигался по служебной лестнице: флигель-адъютант (1777), генерал-майор (1786), генерал от кавалерии (1793)¹⁸. Портрет С. С. Апраксина кисти австрийского живописца И. Б. Лампи-старшего (Государственная Третьяковская галерея, копия — в Дмитровском краеведческом музее) мог вызвать у Л. Н. Толстого особый интерес: биографию генерала от кавалерии он в числе прочих материалов изучал во время работы

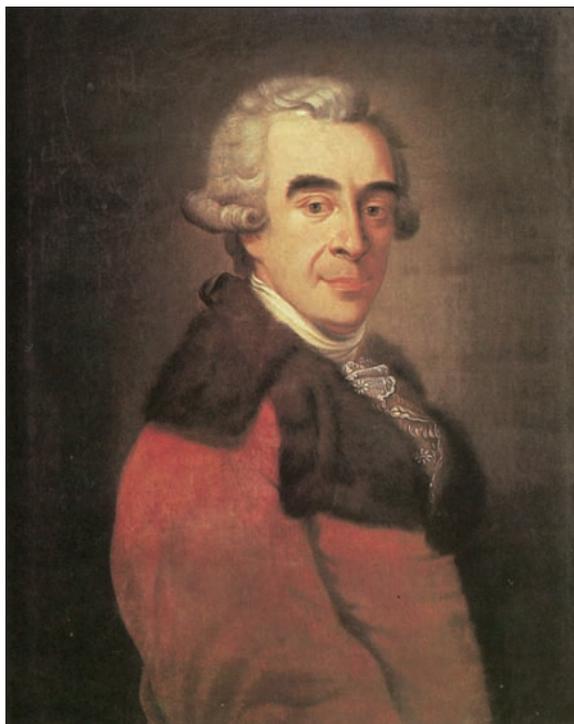
над «Войной и миром». Так, Лев Николаевич знал, что жизненные пути его деда, князя Н. С. Волконского, и С. С. Апраксина не раз пересекались. И тот, и другой участвовали в осаде и штурме крепости Очаков, встречались во время польской кампании. Документально зафиксированный в биографии князя П. М. Волконского этот факт, в отличие от ставшей хрестоматийной истории о передаче фельдмаршалом спасительной иконки прадеду писателя, малоизвестен. В 1794 году Н. С. Волконский, выполнив поручение Екатерины II, возвращался домой после поздравления прусского короля по случаю бракосочетания наследного принца Вильгельма-Фридриха. Возвращаться ему пришлось в сопровождении молодого адъютанта князя П. М. Волконского на российской военной яхте в связи с «бывшей в Польше революцией». «Вместе с нами на яхте отправились из Мемеля прибывшие туда после Варшавской революции генерал-майор Степан Степанович Апраксин с супругою Катериною Владимировной»¹⁹. Из письма современника тех событий узнаем, что «в Варшаве сделался бунт, ночью по выстрелу пушки солдаты и мещанство бросились резать наших без исключения. Ингельстром, Апраксин, Зубов и еще кой-кто ушли в Пруссию и спаслись

*И. Б. Лампи-старший. Портрет
генерала Степана Степановича Апраксина.
Холст, масло. Конец XVIII — начало XIX века*

с 500 человеками»²⁰. С. С. Апраксин, едва спасшийся вместе с молодой женой от гибели, по слухам, должен был подвергнуться суду, поскольку, являясь начальником гарнизона, «проглядел начало восстания и не принял мер к предупреждению излишнего кровопролития»²¹. Дед писателя, значившийся в составе войск, находящихся в Польше и Литве, после этих событий уволился в отпуск по не установленной до сих пор причине на два года²², а Степан Степанович, по всей видимости, вернулся в Польшу. В аннотации к его портрету кисти Лампи-старшего сказано, что Апраксин был «большой почитатель Суворова, он пользовался его покровительством и был с ним при взятии Варшавы»²³. Если эти сведения верны, следовательно, Апраксин находился в армии знаменитого полководца во время штурма Праги, предместья Варшавы, в октябре-ноябре 1794 года. Данное обстоятельство, возможно, объясняет, почему Степан Степанович (вопреки существующему мнению, что ему удалось избежать суда благодаря своим связям) не только не был судим, но и успешно продвигался по службе: в 1797 году получил звание генерал-лейтенанта, а год спустя — генерала от кавалерии.

С. С. Апраксин действительно обладал большими связями. Генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин писал о нем: «Мо-

*Неизвестный художник.
Портрет Н. С. Волконского.
Холст, масло. Конец XVIII века*

лодость его была блестящая; он имел успех у женщин и пользовался преимуществами, доставлявшими ему его наружностью, его богатством и быстрым служебным повышением, т. к. он произведен в полковники 23 лет от роду, будучи записан гвардии сержантом при самом своем рождении»²⁴. Жена Степана Степановича — Екатерина Владимировна (1768–1854), была дочерью той самой княгини Натальи Петровны Голицыной (1741–1837) — прототипа «Пиковой дамы». Копия портрета Н. П. Голицыной с оригинала Б. Ш. Митуара находилась в «дворянском гнезде» Апраксиных, ныне она представлена в Государственном музее А. С. Пушкина²⁵.

При Александре I С. С. Апраксин исполнял обязанности смоленского военного губернатора (1803–1809), а затем некоторое время командовал 16-й пехотной дивизией в Молдавии. Уйдя в отставку, поселился «в Москве, в своем доме на Знаменке (теперь Александровское военное училище) и в с. Ольгово (или Льгове Дмитровского уезда Московской губернии)»²⁶. Однако до переезда Апраксиных в древнюю столицу они жили в Петербурге. Об этом мы узнаем из дневника Марии Николаевны Волконской (1790–1830), матери Л. Н. Толстого, совершившей вместе со своим отцом, князем Н. С. Волконским, путешествие в Петербург летом 1810 года.

*Б. Ш. Митуар. Портрет княгини
Натальи Петровны Голицыной,
урожденной Чернышевой.
Холст, масло. Начало XIX века*

*Фотография с портрета М. Л. Э. Виже-Лебрэн.
Екатерина Владимировна Апраксина.
1797 год*

В своем дневнике М. Н. Волконская описывает визит к Апраксиным²⁷, называя Екатерину Владимировну «графиней», хотя последняя этого титула не имела, поскольку Степан Степанович принадлежал к дворянской ветви рода. Однако многие ошибочно называли Е. В. Апраксину графиней, в том числе и М. А. Волкова, переписывавшаяся в 1812 году с В. А. Ланской; их переписка стала одним из источников работы Л. Н. Толстого над романом «Война и мир»²⁸. В Ольговской семейной галерее красовался портрет Е. В. Апраксиной кисти популярной в конце 1790-х годов художницы М. Э. Виже-Лебрэн (утрачен и находится в розыске, имеется лишь фоторепродукция).

После переезда Апраксиных в Москву они зажили на широкую ногу. «Зиму 1812 года провели мы, как и всегда, на балах, концертах, благородных спектаклях, из которых лучшие бывали у Ст. Ст. Апраксина и у князя Петра Ив. Оболенского», — писала в своих воспоминаниях А. Ф. Кологривова²⁹. «Вся чиновная и родовитая Москва стремилась на единственные в то время по роскоши вечера, балы и спектакли Апраксиных, которые удаивал посещением двор»³⁰. Поэтому «всякий, взявшийся за изображение Москвы 1805–1812 гг.», должен был «столкнуться с Апраксинским кругом, объединившим почти всю великосветскую Москву. Лев Толстой, создавая роман «Война и мир», должен был

упереться в быт знатных москвичей и здесь встретишь лиц апраксинского круга!»³¹. Описывая жизнь и быт московских дворян, Л. Н. Толстой, действительно, не только включил в роман «лиц апраксинского круга», но и вывел Степана Степановича в числе почетных членов Английского клуба, за здоровье которого пили гости, присутствовавшие на обеде в честь П. И. Багратиона. Об Апраксине идет речь и в эпизоде «Войны и мира», когда покинувший армию император Александр посетил Москву. Среди присутствовавших на встрече с царем в Слободском дворце назван и С. С. Апраксин (в окончательном варианте автор заменил в фамилии букву «п» на букву «д») — давний знакомый Пьера Безухова, «всегда хорошо расположенный к нему игрок в бостон»³². Апраксины упоминаются в переписке Жюли Курагиной с Марией Болконской, в разговоре Лизы Болконской с Пьером Безуховым, а также в черновиках к роману. Например, в одном из черновых вариантов, где речь идет о душевных переживаниях князя Андрея накануне его отъезда на войну, Толстой поперек текста пометил: «Об Апраксиных. Страх опять. Перед отъездом только о себе. А[ндрей] пошел к себе делать приготовления к отъезду. История об образке Спасителя»³³. В другом варианте: «Свет Московской и Петерб[ургской] заняты

*Б. Ш. Митуар. Портрет
Натали Степановны Апраксиной.
Холст, масло.
Начало XIX века*

своими исключительными интересами, не признают людьми не Апраксин[ых], а горе, несчастья их сблизяют с русскими и помещиками, и с народом»³⁴.

Упоминается не раз в «Войне и мире» как «la comtesse Apraksine» и Екатерина Владимировна. Е. В. Апраксина была, по отзывам современницы, «примерная и почтительная дочь, верная и добродетельная жена и заботливая и хорошая мать»³⁵. Степан Степанович ценил отношение жены к себе и приложил немало усилий, чтобы сделать жизнь в Ольгово интересной и приятной. Его дочери — Наталья и Софья — были подростками, когда М. Н. Волконская посетила Апраксиных в Санкт-Петербурге. Спустя семь лет повзрослевшая Наталья Степановна (1796—1890) вышла замуж за сына князя С. Ф. Голицына Сергея Сергеевича (1783—1833), о котором Мария Николаевна также упоминает в дневнике. Свадебное торжество состоялось в усадьбе Ольгово в 1817 году³⁶; не исключена возможность, что Голицыны пригласили Волконских на свадьбу. Молодожены поселились в имении Сокольники, находящееся неподалеку от Ольгово и купленное для них С. С. Апраксиным, а затем переехали в Петербург. Н. С. Апраксина славилась «своей широкой благотворительностью. Вообще у нее, вполне светской женщины, преобладали духовные высшие интересы: очень начитанная, интересующаяся литературой, она принимала в своей гостиной Пушкина, Крылова, графа Соллогуба»³⁷. Она довольно рано овдовела, детей у нее не было. Портрет княгини находился в Ясной Поляне, что могло стать поводом для беседы Толстого с Апраксиным, когда перед их взором предстали камерные парные портреты теток Виктора Владимировича, созданные французским художником Б. Ш. Митуаром (ныне — в Дмитровском краеведческом музее).

Софья Степановна Апраксина (1798—1885), вторая тетка Виктора Владимировича, вышла замуж в том же 1817 году за князя А. Г. Щербатова (1776—1848), ставшего впоследствии генералом от инфантерии и военным генерал-губернатором Москвы (1843—1848). Супруги Щербатовы жили в Москве. В их доме «сохранялись долго все старые московские традиции, описанные Толстым в «Войне и мире», и патриархальный быт допожарной Москвы»³⁸, — читаем в аннотации к портрету Софьи Степановны работы О. А. Кипренского, созданному художником в 1819 году во время свадебного путешествия Щербатовых по Италии (портрет также находился в семейной коллекции Апраксиных,

Б. Ш. Митуар. Портрет Софьи Степановны Апраксиной. Холст, масло. Начало XIX века

ныне — в Государственной Третьяковской галерее). В доме С. С. Апраксиной перебивала вся аристократическая Москва, в ее альбоме оставили свои автографы многие писатели и поэты, в том числе В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь. Выросшая в роскоши и богатстве, она сочувственно относилась к обездоленным и нищим и отличалась широкой благотворительностью. Мать шестерых детей, Софья Степановна ревностно занималась их воспитанием³⁹. Ее сын, Александр Алексеевич Щербатов (1829—1902) — первый всесословно избранный городской голова Москвы (1863), Почетный гражданин города Москвы (1866)⁴⁰. Князь Щербатов, двоюродный брат В. В. Апраксина, был в числе знакомых Толстого, о чем свидетельствуют записи в дневнике писателя за 1884 год⁴¹.

Единственный сын Апраксиных генерал-майор Владимир Степанович (1796—1833) не унаследовал от отца и деда склонности к «пышности» и «франтовству», вероятно потому, что получил другое воспитание, поскольку вырос в доме своей бабушки княгини Н. П. Голицыной. Поступив на военную службу в 1811 году после окончания Школы колонновожатых, В. С. Апраксин принял участие в войне 1812 года. В заграничном походе он отличился в сражениях при Дрездене, Кульме и под Лейпцигом, участвовал и во взятии Парижа⁴². В 1819 году Владимир Степанович женился на Софье Петров-

*Н. С. Крылов. Портрет
Владимира Степановича Апраксина.
Холст, масло. 1829 год*

не Толстой (1800–1886) и поселился с ней в имении Брасово Севского уезда (ныне село Брасово Брянской области). Жизнь в Брасово отличалась от жизни в Ольгово, которое в 1827 году после смерти Степана Степано-

*А. Ф. Ризенер. Портрет
Софьи Петровны Апраксиной.
Холст, масло. 1819 год*

вича, оставившего огромное состояние, обремененное долгами, перешло к Екатерине Владимировне. Ее сын был вынужден взять на себя решение семейных проблем: он продал знаменитый московский дом расточительного отца, ряд имений и «как хороший хозяин, скоро привел в порядок свои дела». После смерти Е. В. Апраксиной Ольгово досталось ее внуку Виктору Владимировичу, поскольку к тому времени Виктора Степановича уже не было в живых, — он умер от холеры в 1833 году. О В. С. Апраксине современники отзывались как об «очень веселом, живом, умном и образованном человеке»⁴³. В родовом имении находилось несколько его портретов, в том числе парный мужской портрет молодого Апраксина и его двоюродного брата А. П. Строганова работы крепостного художника С. С. Свинцова (портреты находятся в Дмитровском краеведческом музее и Государственном музее А. С. Пушкина). Были также акварельные портреты кисти П. Ф. Соколова и работа художника Н. С. Крылова, ученика А. Г. Венецианова, изобразившего В. С. Апраксина в форме полковника лейб-гвардии Конного полка (ныне — в Эрмитаже).

После смерти В. С. Апраксина Софья Петровна взяла на себя заботы о воспитании детей: дочерей Марии и Натальи и сына Виктора, крестными которого были его прабабушка княгиня Н. П. Голицына и дед по материнской линии — генерал от инфантерии граф Петр Александрович Толстой (1769–1844). Жена П. А. Толстого, вторая бабушка Виктора Владимировича, Мария Алексеевна, урожденная Голицына (1772–1826), приходилась Е. В. Апраксиной двоюродной сестрой. Граф Толстой — известный генерал и дипломат — участвовал, как и С. С. Апраксин, в польской кампании 1794 года, геройски проявив себя при штурме Варшавы⁴⁴. В 1807–1808 годах граф был послом во Франции. В портретной галерее Апраксиных находился его портрет работы художника В. Л. Боровиковского, привезенный, по всей видимости, в Ольгово Софьей Петровной из отцовского подмосковного имения Узкое (ныне портрет находится в Дмитровском краеведческом музее). У Льва Николаевича появилась возможность увидеть человека, который не только приходился дальним родственником его отцу — графу Николаю Ильичу Толстому (1794–1837), но и гостил у него в усадьбе Узкое накануне венчания с княжной М. Н. Волконской. Бракосочетание состоялось 9 июля 1822 года в Петропавловском храме в Ясеневе⁴⁵, после чего

молодые отправились вместе с семьей графа Толстого в соседнее имение Знаменское, принадлежавшее родственнику М. Н. Волконской князю И. Д. Трубецкому, где в их честь состоялся обед. О венчании родителей и их приезде в Знаменское Л. Н. Толстой мог узнать от историка М. П. Погодина, который был в то время учителем у детей Трубецких⁴⁶.

После свадебной церемонии молодожены стали жить в имении Марии Николаевны. Новый хозяин Ясной Поляны, старший из четырех сыновей графа Ильи Андреевича, обладал живым и веселым характером и имел «все качества молодого человека хорошего тона». Он участвовал в войне 1812 года и в заграничных походах русской армии, сражался за Дрезден, отличился в «битве народов» под Лейпцигом, получив орден Святого Владимира и чин штабс-ротмистра, затем оказался во французском плену и был освобожден вошедшими в Париж русскими войсками. Проявив себя рачительным хозяином, Николай Ильич «управлял имением разумно и твердо и оставил своим детям более того, что принесла в приданое его невеста»⁴⁷.

Марии Николаевны, матери писателя, уже не было в живых, когда в 1837 году умер Николай Ильич. Получившая прекрасное воспитание и образование, обладавшая даром педагога и «истинным писательским талантом», Мария

Николаевна оставила о себе добрую светлую память. Для сына Льва она была «таким высоким, чистым, духовным существом», что он порой «молился ее душе, прося ее помочь» и хранил ее образ в своем сердце «до конца дней», воскресив любимые черты в образе княжны Марьи Болконской⁴⁸. Мать Виктора Владимировича, Софья Петровна Апраксина, также обладала высокими душевными качествами. В молодости она была, по свидетельству современника, «самой обворожительной красавицей», пленила сердце князя С. Г. Волконского, будущего декабриста, но его мать, княгиня А. Н. Репнина-Волконская, не сочла Софью Петровну ровней своему сыну. Эту историю знал Л. Н. Толстой, лично встречавшийся с декабристом после его возвращения из Сибири, и в художественной форме отразил ее в судьбе своего героя князя Андрея Болконского⁴⁹. «Умная, серьезная, достаточно образованная и весьма начитанная», Софья Петровна «в то же время была строго православная, глубоко верующая женщина». Рано овдовев, она «посвятила себя всецело воспитанию детей, а также уходу за престарелым одиноким отцом, графом П. А. Толстым»⁵⁰. Ее портрет кисти французского художника Анри Франсуа Ризенера Л. Н. Толстой также мог видеть в родовом гнезде Апраксиных (ныне — в Эрмитаже).

*Николай Ильич Толстой.
1813–1815 годы.
Миниатюра на шкатулке*

*Неизвестный художник. Портрет
Виктора Владимировича Апраксина.
Середина XIX века*

БЫЛОЕ

Современные фотографии усадьбы

Вид на хозяйственные корпуса

Развалины главного дома

Амбары и конюшни при въезде

* * *

«Лев Николаевич вернулся из Ольгова и восхищался Апраксинами. Как художник он прямо-таки смаковал этих типичных представителей старого барства.

— Люблю такие цельные натуры, — говорил Лев Николаевич, делясь своими впечатлениями, — какие крепкие люди!

Рассказывая подробности своего визита, он повторял это восклицание и особенно выделял самого Апраксина»⁵¹.

Три года спустя после посещения Л. Н. Толстым усадьбы Ольгово из жизни

ушел В. В. Апраксин — хозяин родового гнезда, которое на протяжении двух веков старательно обустривалось его предками и со временем превратилось в один из наиболее известных в Подмоскovie хозяйственно-культурных центров.

Рассказ об этом потребовал бы отдельной обстоятельной статьи. Мы же в заключение скажем лишь, что картинная галерея Апраксиных, о которой шла здесь речь, только по описи при передаче ее в Дмитровский музей (1927) насчитывала 286 рисунков и картин⁵².

- ¹Письма Л. Н. Толстого к С. А. Толстой. 1895 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 84. М., 1949. С. 233.
- ²Встречи с Толстым. Воспоминания П. И. Нерадовского // Литературное наследство. Лев Толстой. Т. 69. Кн. II. М., 1961. С. 136–137.
- ³Русские портреты XVIII и XIX столетий. В 5-ти т. Издание Великого князя Николая Михайловича. СПб., 1905–1909. Т. 2. С. 406.
- ⁴Род князей Волконских. Материалы, собранные и обработанные княгиней Е. Г. Волконской. СПб., 1900. С. 697.
- ⁵Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 27.
- ⁶Толстой и Толстые. Очерки из истории рода. М., 1900. С. 55.
- ⁷Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1–2. М., 1953. С. 138.
- ⁸Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 2. С. 405.
- ⁹Бантыш-Каменский Дм. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4-х частях. Репринтное воспроизведение издания 1840 г. Ч. 1. М., 1991. С. 280.
- ¹⁰Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1 (А–Д). М., 1994. С. 97–98.
- ¹¹Бантыш-Каменский Дм. Указ. соч. С. 278.
- ¹²Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 2. С. 426–427.
- ¹³Там же. С. 268–269.
- ¹⁴Бородино, 1812. М., 1987. С. 12.
- ¹⁵Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3–4. М., 1953. С. 18.
- ¹⁶Государственный музей А. С. Пушкина // Сокровища русского искусства. М., 2005. С. 16.
- ¹⁷Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 485.
- ¹⁸Волкова Н. В., Павлова Т. Е. Ольгово. Музей-заповедник «Дмитровский Кремль». 2008. С. 11.
- ¹⁹Биографический очерк генерал-фельдмаршала светлейшего князя Петра Михайловича Волконского (1776–1852). СПб., 1914. С. 9–10.
- ²⁰Львов Н. А. Избранные сочинения. Письма. А. Р. Воронцову. Кельн, Веймар, Вена. СПб., 1994. С. 344.
- ²¹Смирнов И. А. Материалы для изучения романа Л. Н. Толстого «Война и мир» по фондам музея Дмитровского края из имени Апраксиных «Ольгово». 1929 (РГАЛИ. Ф. 508 оп.1, ед. хр. 293, с. 5).
- ²²Гусев Н. Н. Указ. соч. С. 29.
- ²³Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 484.
- ²⁴Смирнов И. А. Указ. соч. С. 4.
- ²⁵Государственный музей А. С. Пушкина. С. 22.
- ²⁶Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 485.
- ²⁷Азарова Н., Никифорова Т. «Все, что знаю о ней, все прекрасно...» Княжна М. Н. Волконская. Дневная записка для собственной памяти // Наше наследие. 2008. № 87–88. С. 40–41.
- ²⁸Смирнов И. А. Указ. соч. С. 13.
- ²⁹Там же. С. 10.
- ³⁰Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 482.
- ³¹Смирнов И. А. Указ. соч. С. 11.
- ³²Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3–4. М., 1953. С. 101–102.
- ³³Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1949. Планы и заметки к «Войне и миру». С. 257–258.
- ³⁴Там же. С. 22.
- ³⁵Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 482.
- ³⁶Там же. Т. 3. С. 428.
- ³⁷Там же. С. 429.
- ³⁸Там же. Т. 4. С. 588–589.
- ³⁹Там же. С. 589.
- ⁴⁰Щербатов Александр Алексеевич // Москва. Энциклопедия. М., 1997.
- ⁴¹Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 49. М., 1952. С. 70, 217.
- ⁴²Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 3. С. 633.
- ⁴³Там же. С. 634.
- ⁴⁴Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 704.
- ⁴⁵Коробко М. Ю. Усадьба Узкое. Историко-культурный комплекс XVII–XX веков. М., 1996. С. 319–320.
- ⁴⁶Там же. С. 97.
- ⁴⁷Толстой и Толстые... С. 83.
- ⁴⁸Там же. С. 76.
- ⁴⁹Беспалая Е. О чем промолчал Толстой // Отечество. История, культура, краеведение. 2007. № 4. С. 17–19.
- ⁵⁰Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1. С. 231.
- ⁵¹Встречи с Толстым. Воспоминания П. И. Нерадовского. С. 138.
- ⁵²Волкова Н. В., Павлова Т. Е. Указ. соч. С. 27.

Владимир Александрович Потресов

БУНИН И ЯБЛОНОВСКИЙ

История их доброго знакомства и разрыва

*Сергей Викторович Яблоновский.
Капбретон. 1942 год*

*Иван Алексеевич Бунин.
Париж. 1920 год*

В ноябре 2010 года исполняется 140 лет известному в дореволюционной России журналисту, театральному и литературному критику, поэту и эссеисту Сергею Яблоновскому (Сергею Викторовичу Потресову. 1870–1953) — моему деду. Авторским коллективом к этому событию подготовлен сборник произведений литератора, включающий все грани его творчества. Предлагаем вниманию читателей одну из глав сборника (журнальный вариант), в которой раскрываются непростые отношения, связывавшие в эмиграции деда с И. А. Буниным.

10 ноября 1948 года в эмигрантской парижской газете «Русская мысль» появился памфлет «Ему, Великому», подписанный псевдонимом «Удостоившийся присутствия». Автором памфлета, в котором высмеивались отмечавшиеся многими современниками непомерная гордыня Бунина и презрительное отношение к коллегам, а главное — ставшее явным его пусть в итоге и мимолетное намерение вернуться в СССР, оказался Сергей Яблоновский. В тот день окончательно прервались отношения двух патриархов эмиграции первой волны. В отечественном литературоведении так называемая «травля» Ивана Бунина русскими писателями в конце 1940-х годов и роль в этом Сергея Яблоновского обсуждались неоднократно — в том духе, что проявивший после войны сочувствие к Советской России Бунин подвергся атаке оголтелой белоэмигрантской своры. Причем литературоведы приводили доводы лишь одной стороны — Бунина, ссылаясь на его письма и свидетелей, которым он доносил свои устные жалобы. Для того чтобы читатель получил возможность сделать собственный вывод о том, как строились отношения Бунина и Яблоновского, и о сути конфликта, мы впервые в России публикуем их переписку, памфлет «Ему, Великому» и другие документальные материалы.

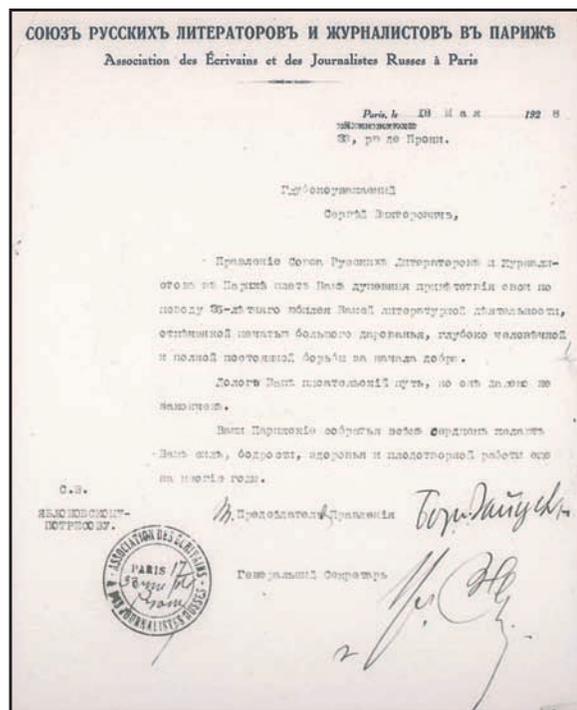
ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

В очерке «Пути и перепутья Сергея Яблоновского» (Московский журнал. 2008. № 11) говорилось о том, как складывалась его судьба на родине, однако о жизни в Париже, где он оказался в конце 1920 года, публикаций до сих пор не существовало.

Начиная с 1921 года Сергей Викторович регулярно печатает фельетоны в парижской эмигрантской газете «Общее дело»¹. Одновременно он занимался преподаванием во французских лицеях и школах русского языка, в том числе в лицее Buffon (1932–1933)². Позже в соавторстве с Вл. Бучиком С. Яблоновский выпустил книгу «Pour bien savoir le russe»³, название которой можно перевести как «Для правильного понимания русских». Берлинская эмигрантская газета «Руль» сообщала, что книга эта, название которой в рецензии переведено как «Россия и Русские», «предназначается, собственно говоря, для французского читателя, уже знакомого с русским языком. Собранные здесь отрывки из произведений крупнейших русских писателей должны помочь окончательно усвоить русский язык и вместе с тем познакомить с природой России, ее верованиями, бытом и характером народа. Эта задача выполнена составителями настолько удачно, отрывки подобраны так тщательно и умело, что книга доставит огромное удовольствие и русскому читателю, возбуждая и в старых, и в молодых сладкое, но далекое, теряющее уже в своей ясности воспоминание. <...> Отрывки взяты не только из сочинений наших великих классиков, но и талантливых современников — Алданова, Бунина, Зайцева, Куприна и др.». Мне удалось точно определить время выхода хрестоматии в свет: август 1930 года (в одном из писем к автору И. С. Шмелев поздравляет С. В. Яблоновского с ее появлением).

С того же 1921 года Яблоновский состоял членом Парижского комитета Партии народной свободы⁴, выступал с лекциями и докладами в Русской академической группе⁵, Союзе русских литераторов и журналистов в Париже, Тургеневском артистическом обществе, Русском народном университете, Русском литературно-артистическом кружке. В 1933 году редактировал в Париже издание Содружества «Восход», с того же года — член Союза деятелей русского искусства, сотрудничал с Московским землячеством, с Юношеским клубом РСХД⁶.

18 мая 1928 года русский Париж отметил 35-летие литературной деятельности С. В. Яблоновского. Юбиляр получил множество поздравительных писем, на торжест-

Поздравление от Союза русских литераторов и журналистов в Париже С. В. Яблоновскому в связи с 35-летием его творческой деятельности. 18 мая 1928 года

венном собрании выступили Б. К. Зайцев, Е. Н. Рощина-Инсарова⁷, С. П. Мельгунов, М. А. Осоргин, поэты А. П. Ладинский⁸, Ю. В. Мандельштам⁹ и другие.

В 1920–1930-х годах публикации С. Яблоновского на различные темы регулярно появлялись в русскоязычных периодических изданиях во Франции, Германии, США, Румынии, Китае и других странах, по которым судьба разбросала соотечественников.

Статьи, посвященные жизни русских эмигрантов во Франции, наглядно показывают, как быстро охладела к ним приютившая сторона. Яблоновский с горечью пишет о том, что молодые люди, вывезенные в детстве из России, а в особенности появившиеся на свет в русских семьях во Франции, теряют интерес к культуре предков.

Постепенно тает также надежда на возвращение в Россию.

«Вспоминаются три факта:

В конце, кажется, восемнадцатого года, бежав уже из Москвы на Украину, я, читая публичные лекции, попал в Бахмут, родной город П. И. Новгородцева¹⁰, профессора, одного из основоположников кадетской партии, выдающегося общественного и политического деятеля и прекрасного человека. Тогда намечалась какая-то интервенция, и Новгородцев сказал мне:

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Слева направо:
Ф. А. Степун,
И. И. Бунаков
(Фондаминский),
И. А. Бунин,
И. П. Демидов.
Грасс.
1931 год*

— Помяните мое слово: в первый день Рождества мы встретимся с вами в Москве.

Первый день Рождества — это значило через два или три месяца.

Очень скоро после этой встречи мне пришлось бежать и из Малороссии, в Одессу.

В первый день, как раз в первый день Рождества, подхожу я к одесскому вокзалу и вижу, как по ступенькам его спускается П. И. Новгородцев.

— Павел Иванович! С какой точностью вы определили день, в который мы с вами встретимся!

Грустной улыбкой ответил он на мою грустную шутку и после паузы сказал:

— Да, на первый день Рождества... только не в Москве, а в Одессе.

В африканской пустыне в моем альбоме появилась следующая запись: «Предсказание: в августе нынешнего 1920 года будем ловить

Проводы Андрея Белого в Россию.

*Слева направо (стоят): Б. К. Зайцев, В. Ф. Ходасевич, М. А. Осоргин, А. В. Бахрах, А. М. Ремизов.
Сидят: Н. Н. Берберова, П. П. Муратов и Андрей Белый. Берлин. 8 сентября 1923 года.*

в Днепре язей. Александр Яблоновский¹¹. Телль-эль Кебир, 16 июня 1920 г.). А в ноябре того же двадцатого года, приехав в Париж, я беседовал с Ильей Исидоровичем Фондаминским¹² <...> и сказал, что падения большевиков нельзя ожидать раньше, чем через три года.

Фондаминский, смеясь, замахал руками:

— Что вы! Что вы! Самое большее — через полгода.

С тех пор прошло семнадцать лет...»¹³.

25 марта 1921 года Яблоновский прочитал свою первую лекцию в Париже — «Русские писатели и русская революция». Позже он множество раз выступал с лекциями о русских писателях, артистах, благотворителях, постоянно призывал помогать немощным, больным, подписывал в связи с этим воззвания «Русским зарубежным людям»¹⁴.

С. Яблоновский с одинаковым энтузиазмом произносил речи на «Дне поминовения» погибших в борьбе с советской властью (1928, 3 ноября), вечерах в честь В. Г. Короленко (1922, 29 января и 18 февраля) и М. Ю. Лермонтова (1940, 28 января), в память В. Ф. Комиссаржевской перед спектаклем в Интимном театре Д. Н. Кировой (1939, 23 марта), на банкетах в честь примы театра «Габима» Ш. Авивит (1924, 9 июля), 25-летия литературной деятельности Б. К. Зайцева (1926, 12 декабря) и В. Ф. Ходасевича (1930, 4 апреля). В Русском народном университете 29 ноября 1922 он сделал доклад об актерах Художественного театра: «Буйные сектанты», а в Очаге друзей русской культуры, в создании которого, к слову, Сергей Викторович принимал активное участие, 12 ноября 1927 года он читал публичную лекцию «Гамлет» — русская пьеса. Гамлетизм — русская трагедия. Театральные и нетеатральные воспоминания по поводу «Гамлета».

В 1931 году русские эмигранты попытались возродить журнал «Сатирикон»¹⁵. М. Г. Корнфельд собрал для этого в Париже группу бывших сатириконцев, к которым примкнули и другие деятели искусства. В выпуске первого номера возрожденного «Сатирикона» (апрель 1931 года) наряду с И. Буниным, Дон-Аминадо (А. Шполянским)¹⁶, Б. Зайцевым, А. Куприным, А. Ремизовым, Сашей Черным принял участие и С. Яблоновский.

В конце 1930-х годов С. Яблоновский подготовил к печати книгу «Карета прошлого». Сохранились отдельные страницы гранок с его правками. В названии использованы слова Сатина из 4-го действия пьесы Максима Горького: «В карете прошлого никуда не уедешь». В книгу вошли воспоминания об ушедшей России — актерах, писателях, худож-

никах, общественных и политических деятелях, меценатах. Тираж печатался в Эстонии буквально накануне ввода советских войск и, по воспоминаниям Яблоновского, был полностью уничтожен.

Примерно в это же время Яблоновский подготовил к изданию сборник стихов, выходу которого помешала начавшаяся Вторая мировая война. К счастью, рукопись сборника сохранилась¹⁷.

В Париже состоялось примирение С. Яблоновского со своими эстетическими «противниками» по Московскому литературно-художественному кружку¹⁸:

«С тех пор много воды утекло; В. Ф. Ходасевич из «дерзящего» гимназиста превратился в большого поэта, талантливого литературного критика и одного из самых выдающихся пушкинистов; мы сохранили друг к другу полное уважение. <...>

Бальмонт писал мне:

«Мне радостно приветствовать того,

Кто в младости сказал мне: «поджигатель!»¹⁹ — и — человек нежной и чистой души — заключил стихи пожеланием оказаться на родине,

«Чтоб видеть красоту Горящих Зданий»...

Это казалось бы тяжелой закоренелостью, если бы не было меняющей весь смысл заключительной строки:

«Горящих Солнцем и огнем Креста».

Оказался я — и об этом теперь мне так радостно думать — другом и М. А. Волошина, с которым у меня была стычка более острая, чем с другими.

Схлынула муть, и никакого «рва» засыпать не пришлось, так как его и не было»²⁰.

С началом войны поддержка русских эмигрантов французским правительством практически прекратилась, оказалась потеряна возможность хоть каких-то заработков. Каким образом Яблоновскому, страдавшему в те годы множеством болезней старику, удалось пережить это время, остается загадкой. Со свойственным ему юмором он пишет в дневнике, как осуществлялась во Франции социальная помощь беженцам: «Принял меня, как и других, просивших о карте (на получение молока. — **В. П.**), молодой человек, который по возрасту вряд ли может быть врачом; прием был буквально молниеносный, как мне приходилось наблюдать это однажды в другом госпитале.

— Чем вы больны?

— У меня грудные болезни: астма, эмфизема, хронический процесс и вызываемые ими частые катаральные пневмонии.

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Он не дал мне закончить:

— Мы больным легкими карточек не выдаем.

— А чем надо для этого болеть?

— Сердцем.

Я обрадовался и предложил вторую радиogramму. Он взглянул на нее и заявил, что этого недостаточно. Не знаю, нужно ли ему было, чтобы я напился молока только перед самой смертью, и карты я не получил»²¹.

Несмотря на тягостные недуги, во время войны у Яблоновского возник роман с Натальей Давыдовой — женщиной моложе его на 27 лет, которой он, начиная с 1943 года, посвящал стихи и на которой в 1945-м в возрасте семидесяти пяти лет женился. Мне не удалось узнать ничего о семье его второй супруги, известно лишь, что мать ее, Лидия Николаевна Давыдова — урожденная Мамич.

«Живем мы, откровенно говоря, скверно, <...> — писала Тэффи из Парижа В. Н. Муромцевой-Буниной 9 января 1945 года. — Но вот на темном фоне яркое событие: Яблоновский женился. К этому событию трудно как-нибудь отнестись. <...> Может быть, Вы за дальностью расстояния лучше все это поймете»²².

* * *

Наметившийся в послевоенные годы раскол в среде эмиграции был вызван тем, что, воодушевленные победой русского народа во Второй мировой войне, изгнанники стали склоняться к тому, чтобы «простить» большевиков и поверить в «обновление» Советской России. Яблоновский, как и многие, не верил в «перековку» правящей коммунистической верхушки. Когда в Париже с 1945 года на волне просоветских настроений начал выходить еженедельник «Русские новости», в числе сотрудников которого оказался Г. В. Адамович²³, С. В. Яблоновский, отражая реакцию антибольшевистской части эмиграции, напечатал эпиграмму²⁴ на публикацию Адамовича «Пишите лучше, пишите чище...»:

*Пишите лучше, пишите чище,
Пишите по совести...
И поселился в достойном жилище,
Где насыщают здоровой пищей
И Патриоты²⁵ и Русские новости.
Так повелось, что «лучшие» нас
Беречь убеждают морали сокровища;
Так было прежде, так есть сейчас,
Так от Адама до Адамовича²⁶.*

Тогда же изменились отношения между Сергеем Яблоновским и Иваном Буни-

*Георгий Викторович Адамович.
Фотография 1920-х годов (ИРЛИ)*

ным, и после встреч нобелевского лауреата с советским послом и писателями в «Русской Мысли» был опубликован тот самый памфлет под названием «Ему, Великому», в котором Яблоновский в ироничной форме обличал колебания Бунина, напоминая о его прежней непримиримости к власти большевиков. Однако вернемся назад, чтобы по возможности восстановить историю взаимоотношений Бунина и Яблоновского до разрыва.

* * *

Первое упоминание (которое мне удалось обнаружить) об их знакомстве содержится в дневниках С. В. Яблоновского:

*«10/I (28/XII)
1920 (1919).*

[Вче]ра был на открытии Зейдемановского клуба²⁷, [нрзб] предпринимательская штука с маской благотворительности. <...> В такое «заведение» я, конечно, не заглянул бы, но меня заинтересовало то, что на открытии присутствовали как «русскословцы»²⁸, так и литераторы-москвичи: Бунин, Ал[ексей] Н[иколаевич] Толстой и друг[ие]. И я пошел посмотреть. <...> Я видел за столом Бунина, Толстого и друг[их]. До чего Бунин полон манией величия; до чего он признает исключительно

себя одного, до чего он ненавидит, буквально ненавидит всех других писателей. И как ненавидит: можно, например, оч[ень] многое не любить в Бальмонте, Брюсове, Горьком, но для Бунина они просто круглая бездарность, мошенническим образом сделавшая себе карьеру. Чехову он не может простить, что тот писал Горькому письма с похвалами; а когда я спросил, не делал ли этого и он, Бунин сказал, что я его этим [нрзб], так как и он хвалил, и одно его письмо кончалось словами: «Что бы ни произошло, я всегда буду любить вас». <...> Оказывается, меня Бунин принимал за армянина и, страшно обрадовавшись моему «происхождению», очень долго говорил со мною о значении породы. Чехова он считает ниже себя именно с этой стороны, но когда я сказал о настоящем духовном аристократизме Чехова, он согласился, но сказал, что это оттого, что мать²⁹.

Бунин чрезвычайно гордился своей родословной, подчеркивая, что его мать — из древней княжеской фамилии, а это сближало его с Яблоновским-Потресовым, который в качестве основного литературного псевдонима взял фамилию матери, происходившей из знатного рода польских князей. Вообще надо сказать, в биографиях литераторов немало поразительных совпадений. Оба родились осенью 1870 года: Бунин — 10 октября в Воронеже, Потресов — 15 ноября в Харькове. Отец Бунина — помещик Орловской и Тульской губерний, Потресовы — потомственные дво-

ряне Орловской. Оба начинали литературную деятельность в редакциях южнорусских газет. Перебравшись в начале XX века в Москву, жили в районе Арбата. В январе-феврале 1920 года они покинули Россию: Бунин — на пароходе «Патрас»³⁰ из Одессы, а Яблоновский — на «Саратове» из Новороссийска. В том же 1920-м оба оказались в Париже, чему в том и другом случае энергично способствовал Алексей Толстой (сохранилось его письмо от 17 июня 1920 г., которое нашло Яблоновского в египетской деревне Тель-эль-Кебир³¹, а Бунин пишет об этом в своих дневниках). Бунин умер 8 ноября 1953 года, а Яблоновский — менее чем через месяц, 6 декабря, причем оба нашли последний приют на русском кладбище в Сен-Женевьев де-Буа.

Находясь в лагере Тель-эль-Кебир, Сергей Яблоновский получил разрешение на въезд во Францию, однако в результате каких-то бюрократических процедур ситуация осложнилась, и он обращается к Бунину с письмом следующего содержания³²:

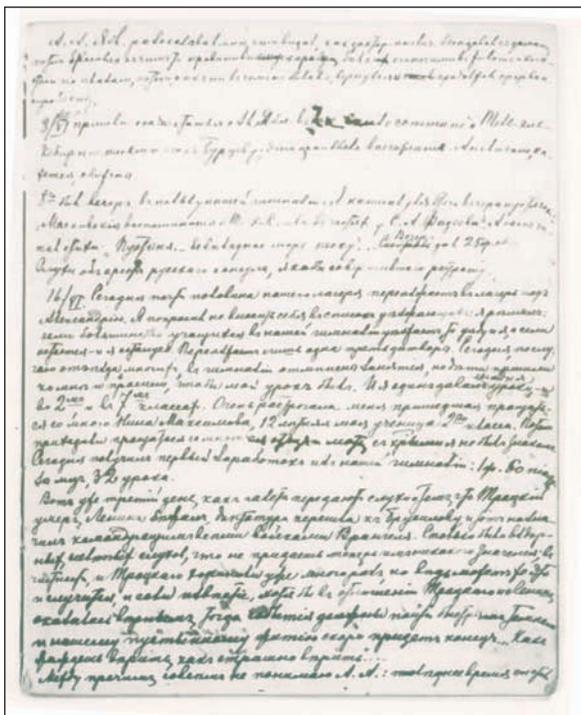
*Egypte. Tel-el-Kebir
5/X.[19]20.*

Дорогой Иван Алексеевич,

говорит с Вами Сергей Викторович Яблоновский, а Вы ради Бога слушайте внимательно, потому что это не столько письмо, сколько крик почти захлебнувшегося человека.

Живу я с марта в пустыне, в палатке, за колючей проволокой, в условиях, о которых см. статьи Александра Яблоновского в <...> «La Cause Commune»³³. Жену и четверых детей должен был бросить в Ростове без денег и в условиях, при мысли о которых ужасно хочется повеситься.

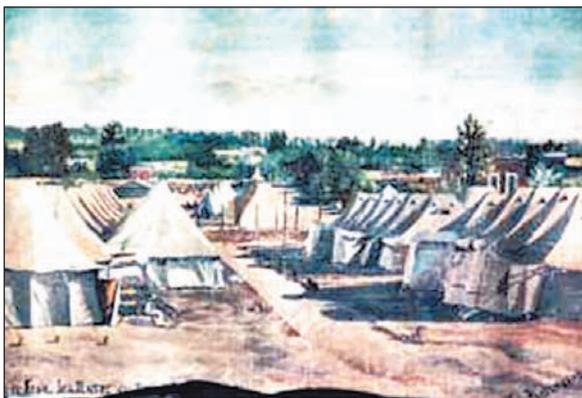
Написал я отсюда в Париж Алексею Ник[олаевичу] Толстому, прося вызволить меня из пустыни, и получил в ответ гораздо больше, чем ожидал: Толстой сообщил, что мне высланы деньги на дорогу в Париж, что он постарается подыскать мне работу и что его знакомый, Р. А. Кривицкий, хлопочет перед французским министром иностр[анных] дел о разрешении мне въезда во Францию. Затем я получил и деньги, и разрешение; ликовал, готовился к отъезду, но вдруг пришел из Парижа контрордер, отменяющий уже данное разрешение. Это было бы совершенно непонятно, так как ни в моей литературной, ни в политической, ни в какой иной жизни нет для этого данных, если бы не более чем веское предположение, что из Тель-эль-Кебира дали обо мне в Париж дурной отзыв. <...> Я написал гр[афу] Толстому в начале августа, потом в начале сентября, прося выяснить это — но

Фрагмент дневника С. В. Яблоновского.
1920 год

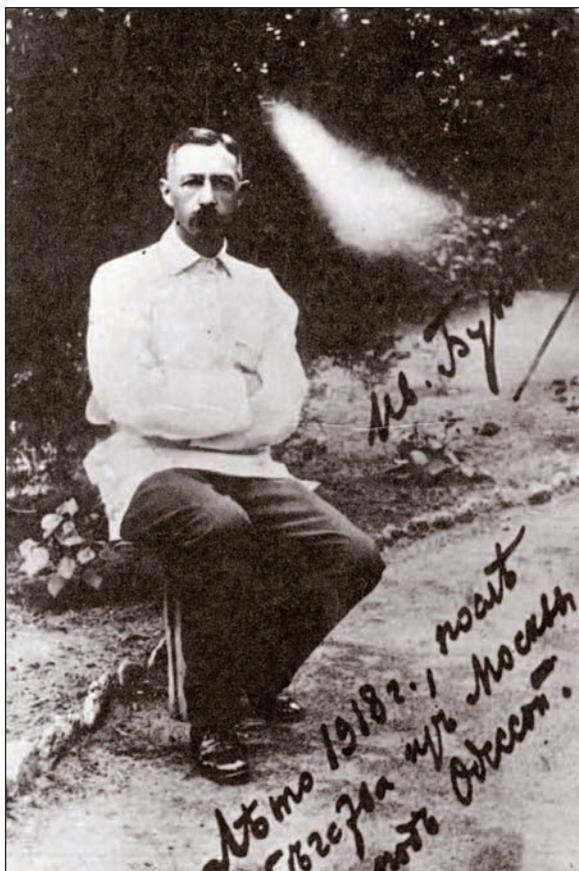
ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Ф. П. Рерберг.
Русский лагерь в Тель-эль-Кебире.
1920 год

мои письма точно падают в яму — никакого ответа. Писал я и Кривицкому, но с тем же успехом.

Между тем и раньше плохие условия нашей жизни ухудшаются с каждым днем: все лучшее разъехалось, так или иначе устроившись; сейчас многие отсылаются в Крым (завтра едут с «Херсоном»). Все пустеет и пустеет наш камп. Начинаются холодные ночи, скоро наступит период дождей, и жить в палатке для

И. А. Бунин.
Фотография с его надписью:
«Лето 1918 г., после бегства из Москвы,
под Одессой»

меня, бронхитика и эмфизематика, станет опасно. Физической работы найти я не могу: в ноябре мне 50 лет и у меня больная рука. В зависимости от международного положения и англо-египетских дел положение русских беженцев может сделаться совсем печальным.

Иван Алексеевич, у Вас как у художника яркое воображение. Попробуйте вообразить, до чего я стосковался без книг, без газет, без всех условий культурной жизни. Если бы жил не в полотняном конусе, давно бы разбил себе голову об стену. Ради Бога сделайте для меня, что можно сделать. Если Толстой в Париже, узнайте у него, — что, как и почему. Повторяю, я вою шакалом (которые соревнуются со мною) и, кажется, больше м[еся]ца такой жизни не выдержу.

Жду Вашего ответа, как ждут помощи тонущие на корабле. Верьте, повторяю, что это не слова, что я дошел до точки.

Супруге привет. <...>

P.S. Помните, родной, что паспортная моя фамилия, на к[ото]рую надо брать регми³⁴, — Потресов.

Еще раз — выручайте!

Крепко жму руку.

Ваш Сергей Яблоновский³⁵.

Помогло ли это письмо, сыграл ли тут какую-то роль Бунин, сказать не могу: ответного письма в архивах обнаружить не удалось, однако, согласно дневниковым записям С. Яблоновского, Новый 1921 год он встречал уже в Париже. В его альбоме с заметками, сделанными во время долгого плавания из Новороссийска в Египет по четырем морям в лагере Тель-эль-Кебир, а затем в Париже рукою Бунина вписано:

«Дорогой Сергей Викторович,
какой-то поэт однажды сказал:

*Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!*

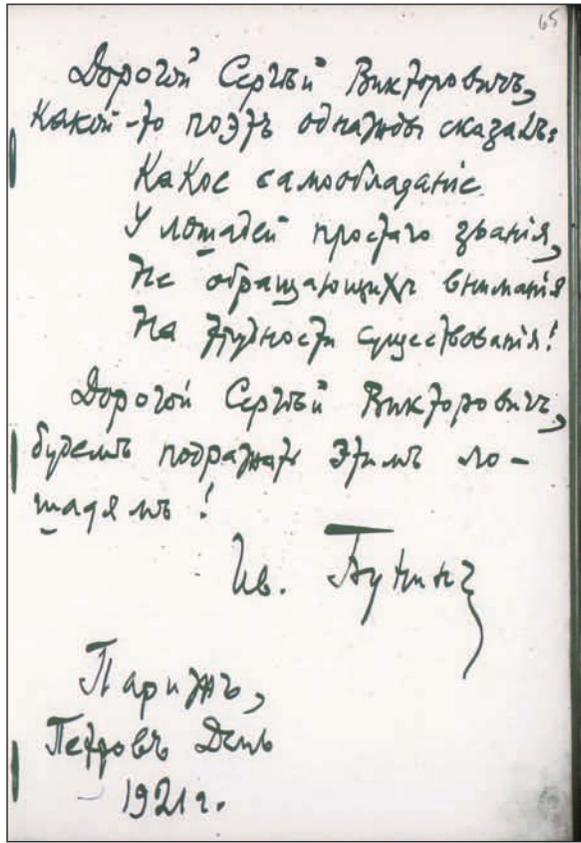
Дорогой Сергей Викторович, будем подражать этим лошадям!

*Ив. Бунин. Париж,
Петров день. 1921».*

В опубликованном в эмиграции дневнике «Окаянные дни» Бунин также приводит это четверостишие, снабжая его пояснением: «Это шуточные стихи одного молодого поэта, студента, поступившего прошлой зимой в полицейские — идейно — и убитого большевиками».

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Пожелание И. А. Бунина
в альбоме С. В. Яблоновского.
Париж. 1921 год

В 1920–1930 годах отношения между литераторами идилличны и трепетны, полны заботой друг о друге, описаниями разных бытовых мелочей из жизни русской эмиграции, причем нередко С. В. Яблоновскому посылает письма и супруга Ивана Алексеевича, Вера Николаевна Муромцева-Бунина (сохранившиеся письма публикуются в хронологическом порядке). Яблоновский находился в те годы в основном в Париже, а Бунины — на юге Франции, в Грассе³⁶ (правда, некоторые письма Буниных также отправлены из Парижа).

Яблоновский — Бунину:
Rue d'Odessa (XIV)
9.IX.[19]22 г.

Дорогой Иван Алексеевич, сию минуту получил Ваше письмо; взволновало оно меня чрезвычайно и взволновало в 2-х отношениях: во-первых, бесконечное Вам спасибо; я знаю, как туго Вам приходится и потому менее всего имел в виду заем — да и не прибегаю я к ним никогда: это не облегчение, а запутывание положения. Еще раз — великое спасибо. Теперь — второе: неужели Вы послали деньги в письмо? Их нет, а на эту мысль меня наводит то, что письмо заказное. Неужели вынуты?

Никаких знаков повреждения на конверте нет. Очень это меня тревожит, и с нетерпением буду ждать разрешения загадки от почты — м[ожет] б[ыть], еще получу <...> от Вас.

У меня по-прежнему ни сантима заработка, но с октября уроки будут.

Грустное Ваше письмо, как осенняя погода. А как было бы нужно, чтобы Бунин был бодрым, напряженным, озорным даже. Впрочем, ведь в писаниях Ваших все это имеется. А дерутся с Вами здорово, и очарователен Милюков, полагая, что только господа присяжные политики способны понимать совершающееся на белом свете. Ох, как хочется побеседовать с этими господами, штопающими дырки мироздания, и как удручает, что негде.

Всюду все печально. Вчера получил из Болгарии письмо от одного молодого друга: рвалась-рвалась к нему из Москвы жена, наконец надумала бежать с ребенком. Жил он надеждой на ее приезд и вот узнал, что ее поймали за 8 верст от границы, судили в че-ка, приговорили к штрафу в 5 [рублей] золотом и возвратили в Москву. Совсем парень убит.

Ну, еще раз обнимаю и сердечно благодарю. Вере Николаевне обе ручки целую.

Неужели же деньги были в письме? Иначе — для чего же Вы послали бы заказным?..

Любящий Вас Серг[ей] Яблоновский.

Яблоновский — Бунину:
15, rue d'Odessa.
Paris XIV.
10.IX.[19]22.

Фу ты, как гора с плеч! Вы не можете себе представить, дорогой Иван Алексеевич, как угнетало меня опасение, что Ваши деньги пропали. Хотел просить Вас поделить грех пополам: если всякое доброе дело должно быть наказано, то можно, дескать, смягчить это наказание.

Сначала я думал, что смогу обойтись без Ваших денег, т[ак] к[ак] немного получил от многих недоплативших мне; но сейчас вижу, что недели через полторы-две я снова не знал бы, что делать. Теперь же я обойдусь до октября, т[о] е[сть] до полочки.

<...> У нас мразь и туманы. Вероятно, и Вы мерзнете вовсю. Сейчас отыскал Вас на карте: не очень-то Вы южнее.

Для развлечения посещаю кладбища: несколько раз был на «Père La-Chaise»³⁷, а сегодня исходил все монмартрское. На могиле Гейне живые цветы. Красуется бюст Золя, с длинными волосами, делающими его похожим на русского купчика, в раме из полированного финляндского гранита; все такое новенькое, чистенькое,

неприятное, а главное — одно надувательство: ведь сам-то он в Пантеоне. Подошел к могиле Фурье; долго укоризненно качал ему головою — не знаю, восчувствовал ли.

Да, на «Père La-Chaise» у стены коммунаров — множество новых венков и лент — разумеется, красных — и в одном венке серп и молот. <...>. Все наши стараются.

Ну, будет на Вас тоску нагонять кладбищенскими пейзажами. Еще, еще и еще — огромное Вам спасибо. Вере Николаевне скажите от меня что-нибудь очень хорошее.

Крепко жму Вашу руку.

Сергей Яблоновский.

Бунин — Яблоновскому³⁸

Дорогой! Читахи нынче новые?!

Какой гроб?! Звать к миру, к Богу, к нравств[енным] основам государства — гроб? И как все перевирают! Я говорю: «вечные и божеств[енные] основы человеческого существования», — они: «божественное существование»!

Я очень прошу Вас использовать мою статью путем выписок как можно больше.

Ваш Ив. Бунин.

И раньше же они сто лет <...> долбили «о расущем религиозном настроении в России».

*Булнина — Яблоновскому:
Villa Belvédère
Grass Al. M.
18 авг[уста] 1925 г.*

Дорогой Сергей Викторович,

как живете? Писала Вам весною, но на адрес Зайцевым³⁹, не знаю, получили ли Вы мою весточку?

На прошлой неделе были в Пюжете⁴⁰ у Зайцевых, от них я узнала Ваш адрес.

Цель моего письма — сказать Вам, что Ваши фельетоны нам доставили большое удовольствие, — я не ожидала, что Вы умеете так бичевать. Особенно хорошо о Муравьеве⁴¹. А затем спросить, не нужно ли чего, ведь теперь *saison morte*⁴², а потому все может быть. Напишите, как живете?

Мы работаем оба, и я не в кухне, а за письменным столом. Какое это счастье! Много стучу на машинке. У нас есть прислуга!!!

Здесь, в Грассе, ни души знакомых. Живем в полном уединении. Хорошо!

У Зайчиков⁴³ настоящая глухомань! Такая тишина, что даже грустно стало, — вспомнилось прошлое, тишина наших бесконечных полей...

Ян⁴⁴ шлет Вам низкий поклон и привет сердечный.

Душевно Ваша В[ера] Бунина.

Окончание следует

¹Газета, которую В. Л. Бурцев до 1918 года издавал в России, а затем — в Париже. В ней печатались Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, А. Н. Толстой и др.

²Lusée Buffon — весьма престижное парижское учебное заведение.

³Париж, б/д.

⁴Другое название Конституционно-демократической партии (кадетов).

⁵Русские академические группы имелись почти во всех крупных европейских столицах; Парижская и Пражская имели право присуждения ученых степеней.

⁶Русское студенческое христианское движение за рубежом (РСХД) основано в октябре 1923 года в местечке Пшероу близ Праги.

⁷Рощина-Инсарова (урожденная Пашенная) Екатерина Николаевна (1883—1970) — актриса.

⁸Ладинский Антонин Петрович (1896—1961) — поэт «первой волны» эмиграции и автор популярных исторических романов о Римской империи, Византии и Киевской Руси.

⁹Мандельштам Юрий Владимирович (1908—1943) — поэт, литературный критик «первой волны» эмиграции, участник ряда литературных объединений.

¹⁰Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — юрист, философ, общественный и политический деятель, историк.

¹¹Яблоновский (Снадзский) Александр Александрович (1870—1934) — прозаик, критик, публицист.

¹²Фондаминский (Фундаминский) Илья Исидорович (литературный псевдоним — Бунаков. 1880—1942) — российский революционер.

¹³Яблоновский С. В. Парижские письма // Газета «Наша Речь». 1937. № 323. 21 ноября.

¹⁴Последние новости. 1928. № 2609. 14 мая. С. 2.

¹⁵Еженедельный сатирический журнал, издававшийся в 1908—1914 гг. М. Г. Корнфельдом. Главный редактор — А. А. Радаков, с № 9 — А. Т. Аверченко.

¹⁶Дон-Аминадо (после Второй мировой войны печатался как Д. Аминадо, настоящее имя — Аминадав Петрович (Пейсахович) Шполянский; 1888—1957) — поэт-сатирик, мемуарист, адвокат.

¹⁷Бахметьевский архив Колумбийского университета. Куратор архива, Татя Чеботарева, любезно предоставила часть материалов, использованных в этом очерке. Фонд Потресова (BAR. Coll. Potresov).

¹⁸Об этих событиях подробно см. в очерке «Пути и перепутья Сергея Яблоновского» // Московский журнал. 2008. № 11.

¹⁹Эти стихи незадолго до смерти К. Д. Бальмонт посвятил Яблоновскому (записаны по этому в его альбом). На самом деле строфа звучит так: «Коль враг стал друг, вдвойне ценю его. / Вдвойне тогда сверкнул мироздатель. / Мне радостно приветствовать того, / Кто в младости мне крикнул «Поджигатель!».

²⁰Яблоновский С. Из прошлого. 6 мая 1937 г. (BAR. Coll. Potresov).

²¹Яблоновский С. Дневники. Там же.

²²Переписка Тэффи с И. А. и В. Н. Бунины-ми. 1939—1948. Публикация Ричарда Девиса и Эдит Хейбер // Диаспора. Новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 518.

²³Адамович Георгий Викторович (1892—1972) — поэт-акмеист и литературный критик, переводчик.

²⁴Русская мысль. 1950. № 305. 27 декабря. С. 5.

²⁵«Патриот» — еще одно просоветское издание во Франции.

²⁶В конечном итоге уход Адамовича из «Русских новостей» был воспринят в эмиграции как своеобразная победа «принципов свободы и демократии» над «советской пропагандой». В. Варшавский сообщал Р. Чеквер: «Я вам уже писал, что Георгий Викторович [Адамович] ушел из «Русских Новостей». Я искренне этому радуюсь» (BAR. Coll. Chekver).

²⁷Зейдеман — известный в начале XX в. московский картежник, игравший до 1917 г. в Московском литературном кружке и, как позже выяснилось, передававший безденежным писателям значительную часть выигрышей. 16 января 1928 г. С. Яблоновский написал о нем «Некролог человека без фамилии» (BAR. Coll. Potresov, box 3).

²⁸Писатели и журналисты «Русского Слова».

²⁹Запись обрывается.

³⁰Так называет этот пароход И. А. Бунин, а, например, М. Рощин в книге «Князь» называет пароход «Спарта».

³¹Эта и другие подробности биографии С. В. Яблоновского изложены в упоминавшемся выше материале о нем (см. Московский журнал. 2008. № 11).

³²Во всех приводимых письмах авторская пунктуация в основном сохранена.

³³«Общее дело» — эмигрантская антибольшевистская газета, издававшаяся во Франции.

³⁴Письменное разрешение, пропуск, свидетельство, экзамен на право вождения (фр.).

³⁵Копии этого и последующих писем С. Яблоновского любезно предоставлены Р. Дэвисом (Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England).

³⁶В Грассе Бунины снимали вначале виллу «Mont-Fleury», а затем «Belvédère».

³⁷Кладбище Пер-Лашез.

³⁸Письмо без даты. Скорее всего, оно написано после 16 февраля 1924 г., когда в Париже проходил вечер, посвященный миссии русской эмиграции, где наряду с И. Шмелевым, Д. Мережковским и другими выступал И. Бунин, который в частности говорил: «Да, колеблются устои *всего* мира, и уже представляется возможным, что мир не двинулся бы с места, если бы развернулось красное знамя даже и над Иерусалимом, и был бы выкинут Гроб Господень: ведь московский Антихрист уже мечтает о своем узаконении даже самим римским наместником Христа. Мир одержим еще небывалой жадной корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморре. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгают, Содом и Гоморра ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) разжиганием ее зависти. Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гоморру, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угодничеством ей. <...> В свое время непременно падет на все это Божий гнев, — так всегда бывало. «Се Аз востану на тя, Тир и Сидон, и низведу тя в пучину моря...» И на Содом, Селим и Гоморру, на все эти Ленинграды падет огонь и сера, а Сион, Божий Град Мира, пребудет вовеки. Но что же делать сейчас, что делать человеку вот этого дня и часа, русскому эмигранту?». В эмигрантских газетах появились отчеты об этом собрании под заголовками: «Вечер страшных слов», «Голоса из гроба», «Бессильные потуги» и т. п. 16 марта 1924 г. вышла статья и в московской «Правде» — «Парад мертвецов».

³⁹Имеется в виду семья писателя Б. К. Зайцева.

⁴⁰Летом 1925 г. до середины сентября писатель Борис Зайцев с семьей жил в Домэн-де-ля-Пюжет близ Торонэ. Вера Муромцева с юных лет была подругой будущей жены Зайцева, в доме которых Бунины и познакомились.

⁴¹Обнаружить публикацию не удалось, неизвестно, о каком Муравьеве идет речь.

⁴²Мертвый сезон (фр.).

⁴³Имеется в виду опять-таки семья Зайцевых.

⁴⁴Так В. Н. Бунина называла мужа.

Вера Леонидовна Кошелева

Впервые...

**Об открытиях, изобретениях,
прозрениях российских первопроходцев в научно-технической сфере***

Катализ Зелинского и химия нефти

Выдающийся русский ученый Николай Дмитриевич Зелинский (1861–1953) прожил долгую жизнь, отмеченную целым рядом выдающихся открытий. Из 70 лет, отданных Зелинским науке, 57 прошли в стенах Московского университета, куда он был приглашен в 1893 году на должность профессора кафедры аналитической и органической химии. Московскую школу химиков возглавлял тогда ученик знаменитого А. М. Бутлерова Владимир Васильевич Марковников (1838–1904), сумевший превратить университетскую лабораторию в одну из лучших в России. В этой лаборатории в 1895 году Зелинский впервые в мировой науке синтетическим путем получил из диметилпимелиновой кислоты углеводород диметилциклогексан. Синтез нового искусственного органического соединения из класса углеводов имел важное научное значение уже сам по себе. Но особый смысл он приобретал в связи с тем, что диметилциклогексан представлял собой первый искусственно полученный углеводород, который ранее был найден в кавказской нефти.

Полученный Зелинским синтетический диметилциклогексан давал эталон для сравнения с природным нефтяным углеводородом и позволял установить строение этого класса веществ, которые к тому времени получили название «нафтены», а также составить ясное представление об их свойствах и способности к превращениям.

Все это имело важное теоретическое и практическое значение. Достаточно вспомнить, что исследование нефти, открытой на Кавказе, началось только в 1870-х годах. К 1890 году для ее переработки использовались исключительно физические методы (разложение в специальных установках при высоких температуре и давлении), получившие впоследствии название пиролиза и крекинга. Из нефти, добываемой миллионами тонн, получали только керосин и смазочное масло, а бензин, ставший в начале XX века незаменимым топливом, отбрасывался как бесполезный побочный продукт. Но ученые уже тогда высказывали мысль о ценности углеводов нефти для различных отраслей промышленности.

В начале 1880-х годов благодаря исследованиям русских химиков В. В. Марковникова, В. Н. Оглобина и А. А. Курбатова было установлено, что главными и неизменными составляющими частями нефти различных месторождений являются три класса углеводов: парафиновые, нафтеновые и ароматические. Парафины за их неспособность вступать в химические

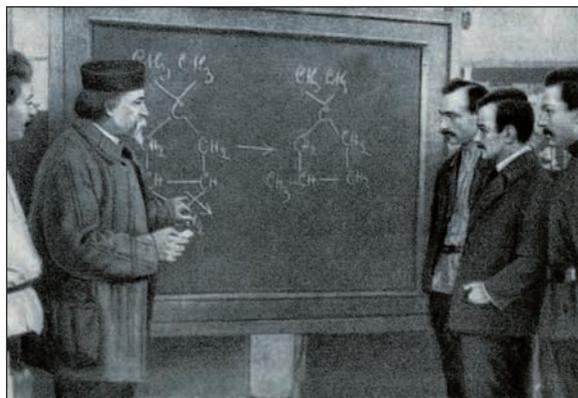
*Николай Дмитриевич
Зелинский.*

Фотография 1950 года

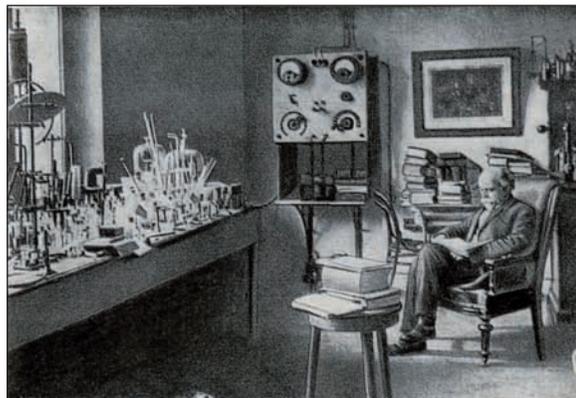
*Завершение начатой в № 8 серии очерков, посвященных достижениям отечественных химиков-органиков.

ТРУДЫ И ДНИ

Н. Д. Зелинский в разные годы своей деятельности в Московском университете

С группой студентов. 1907 год

В химической лаборатории. 1911 год

С группой учеников и коллег

С лаборантом С. С. Степановым

*Н. Д. Зелинский (справа)
с учеными
А. Н. Несмеяновым и Б. А. Казанским*

Во время опыта

реакции прозвали «химическими мертвецами». Малоактивными оказались и нафтены. А вот ароматические углеводороды (бензол, толуол и другие), содержание которых в нефти сравнительно невелико, могли стать сырьем для изготовления красок, медицинских препаратов, взрывчатых веществ и так далее. Необходимо было только научиться извлекать их из нефти в достаточных для промышленности объемах.

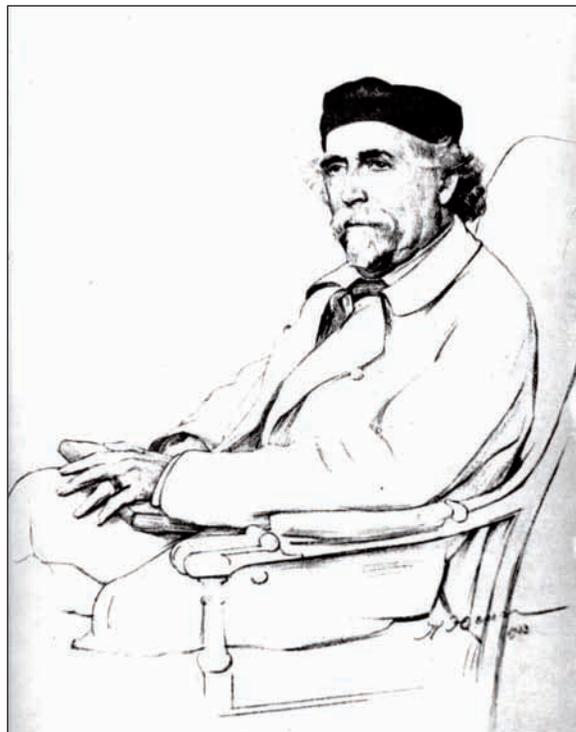
Однако ни одним из существовавших в то время способов переработки нефти получить природные нефтяные углеводороды в чистом виде не удавалось. Синтез Зелинским углеводорода класса нафтенов давал прекрасный материал для многочисленных экспериментальных исследований. Воодушевленный успехом, молодой московский профессор поставил перед собой цель создать синтетические углеводороды, являющиеся эталонами для других природных нафтенов. И в течение последующих лет (1895–1907) при участии своих учеников Зелинский впервые синтезировал несколько десятков искусственных углеводородов, подробно описал способы их получения, а также физические и химические свойства. Почти все синтезированные Зелинским углеводороды послужили эталонами для исследования состава нефти различных отечественных месторождений нефти, а методы, открытые русским ученым для синтеза этих углеводородов, используются в мировой химической науке и сегодня.

Чем больше работал Н. Д. Зелинский с углеводородами, тем больше овладевала им мысль: «Как найти путь к превращению одних углеводородов в другие? Как научиться превращать инертные нафтены и парафины в ценные ароматические углеводороды?». До Зелинского химики считали это принципиально невозможным. Он же блестяще решил проблему, применив катализаторы — вещества, которые не вступают в реакцию, но влияют на ее направление и скорость.

В 1911 году, используя в качестве катализаторов платину и палладий, Зелинский впервые в истории мировой химии получил из нафтена циклогексана ароматический углеводород бензол¹ — ценнейший продукт, «открывающий пути» синтеза красителей и фармацевтических препаратов. Эта реакция носит название «дегидрогенизационный катализ». С ее помощью до сих пор исследуется состав нефти различных месторождений и бензиновых фракций.

В последующие годы Н. Д. Зелинский и его ученики изучили каталитические превращения циклопентановых нафтеновых углеводородов в парафиновые, а парафиновых — в ароматические и циклопентановые. Все эти реакции идут в присутствии платины, нанесенной на древесный уголь. Тем самым Зелинский доказал, что между различными классами углеводородов нефти — парафиновыми, нафтеновыми и ароматическими — возможны взаимные переходы. На основании перечисленных экспериментальных исследований он создал теорию органического катализа, став пионером нового направления в науке и новой отрасли в промышленности — нефтехимии, влияние которой на экономику нашей страны оказалось столь существенным, что в решающие исторические моменты, можно сказать, определяло ее судьбу. Например, до Первой мировой войны толуол, из которого синтезируют взрывчатые вещества, получали из каменноугольной смолы — продукта коксохимического производства. В военные годы коксохимическая промышленность уже не могла обеспечить необходимое количество сырья для синтеза толуола. Остро встал вопрос о поисках новых его источников. И вот Зелинский предложил получать толуол путем дегидрогенизации углеводородов нефти с использованием катализаторов — «окиси металлов, а в особенности окиси титана, цинка, алюминия»². Так он решил проблему снабжения военной промышленности толуолом. В годы Великой Отечественной войны взрывчатку получали из толуола по технологии Зелинского.

Знание адсорбирующих свойств древесного угля, применяемого в сложных катализаторах, помогло русскому ученому в 1915 году создать первый в мире фильтрующий угольный противогаз против всех видов отравляющих и удушающих веществ, независимо от их химической природы³. В 1917 году Зелинский предложил использовать уголь в медицине.

К. Ф. Юон. Портрет Н. Д. Зелинского.
Бумага, карандаш. 1923 год

К. Ф. Юон.
 Вузовцы.
 Перед
 Московским
 университетом.
 Холст, масло.
 1929 год

1918 год. Иностранная интервенция отрезала нашу страну от месторождений нефти — источника бензина. В сентябре 1918 года к Н. Д. Зелинскому обратились представители Главного управления военно-морского хозяйства с просьбой разработать способ получения бензина из солярового масла и мазута, которые в больших количествах скопились на складах Поволжья. Николай Дмитриевич вспоминал: «Разрешение этого вопроса становилось спешным, и соответственные опыты были поставлены немедленно»⁴. При пирогенетическом разложении солярового масла (то есть пропускании его через реторту при температуре 550–600°) выход бензина оказывался незначительным, с большим объемом примесей, снижающих его качество. Зелинский нашел катализатор — хлористый алюминий, который позволял при температуре 200° получать бензин, практически полностью отвечающий требованиям того времени. Испытания, проведенные компетентной комиссией, показали пригодность бензина Зелинского для всех видов двигателей внутреннего сгорания. Первым из членов комиссии поставил свою подпись под заключением основатель современной аэродинамики Н. Е. Жуковский. Весной 1919 года началось производство бензина из солярового масла. Этот бензин «питал» самолеты и машины на фронте. Таким образом, Зелинским опять же впервые в мире был создан и применен в промышленных масштабах новый метод переработки нефти — каталитический крекинг, то есть получение ароматических углеводородов и бензина из нефти и нефтепродуктов с помощью катализаторов.

(Когда в 1940-х годах американская печать с помпой стала рекламировать «платформинг Худри» — переработку нефтепродуктов в присутствии платинового катализатора, отечественные химики решительно встали на защиту приоритета Зелинского. Они убедительно доказали, что превращение углеводородов нефти с помощью платины, палладия, хлористого алюминия и других катализаторов впервые открыл и практически осуществил Зелинский 20 лет назад, а «платформинг» представляет собой один из вариантов технологического применения данного открытия).

В 1934 году Николай Дмитриевич Зелинский вновь вернулся к проблеме бензина. На сей раз речь шла о создании моторного топлива с большой детонационной стойкостью, измеряемой октановым числом. Отечественные конструкторы столкнулись с огромными трудностями, вызванными непригодностью природного бензина для высокоскоростных самолетов, в мощных двигателях которых бензин взрывался до наступления момента сгорания.

Исследования показали, что антидетонационные свойства бензинов возрастают по мере увеличения в их составе ароматических углеводородов. Осуществив каталитическую ароматизацию низкооктановых природных бензинов, Зелинский способствовал стремительному техническому прогрессу нашей страны в области самолетостроения. Не случайно известный авиаконструктор А. Н. Туполев впоследствии сказал: «Если мы сегодня с такой радостью узнали, что советский человек был в космосе и вернулся, то в этом есть и доля заслуги Николая Дмитриевича Зелинского»⁵.

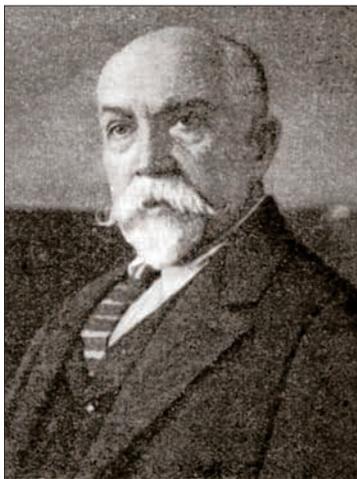
С. В. Лебедев и промышленный синтез каучука

Искусством применения катализа в экспериментальном и промышленном синтезе органических соединений в совершенстве владел и другой замечательный русский химик — Сергей Васильевич Лебедев (1874—1934).

Одной из важнейших теоретических и практических проблем, которую на рубеже XIX—XX столетий пытались решить химики всего мира, являлся синтез искусственного каучука. Природный каучук стал известен европейцам еще в XV веке, со времен географических открытий Христофора Колумба. Тогда они впервые познакомились с млечным соком гевеи, произрастающей в тропических лесах Южной Америки, и надолго о нем забыли.

В 1736 году французский химик Шарль де ла Кондамин опубликовал первый подробный доклад о свойствах каучука. Однако исследование химического состава натурального каучука началось гораздо позже — в 1820—1830-х годах. Интерес к этому органическому соединению растительного происхождения диктовался практическими задачами: в 1839 году было открыто свойство каучука под действием серы при высокой температуре превращаться в высокоэластичный материал — резину.

В 1860—1870-х годах химикам удалось в результате сухой перегонки натурального каучука выделить из него углеводород изопрен и установить его способность полимеризоваться. Однако химическое строение изопрена, то есть способ связи атомов углерода и водорода в нем, оставалось неизвестным до 1888 года, когда русский ученый Иван Лаврентьевич Кондаков синтезировал изопрен в лаборатории. А в 1899—1900 годах он осуществил полимеризацию сходного с изопреном углеводорода — дивинила — и получил смолообразный каучукоподобный продукт, высказав замечательную гипотезу о том, что и другие углеводороды способны образовывать подобные полимеры. Однако это была всего лишь догадка, требующая экспериментального подтверждения и теоретического обоснования.

*Алексей Евграфович
Фаворский*

В 1906 году к системному исследованию проблемы приступил молодой талантливый ученый Сергей Васильевич Лебедев — лучший ученик академика Алексея Евграфовича Фаворского (1860—1945), в свое время начинавшего свой научный путь под руководством А. М. Бутлерова. Лебедев поставил перед собой масштабную цель: установить зависимость между химической структурой исходных органических соединений и их способностью при полимеризации образовывать каучукоподобные продукты.

Уже в 1909 году Лебедев впервые в мире осуществил полимеризацию двуэтиленового углеводорода — дивинила (современное название — бутадиен-1,3), получив из него искусственный каучук. Получение в экспериментальных условиях дивинилового, или бутадиенового каучука по праву можно назвать историческим событием, которое ознаменовало рождение новой отрасли органического синтеза, послужившей основой промышленного производства искусственных каучуков, не только заменяющих, но и превосходящих натуральный. Но путь к этому только начинался.

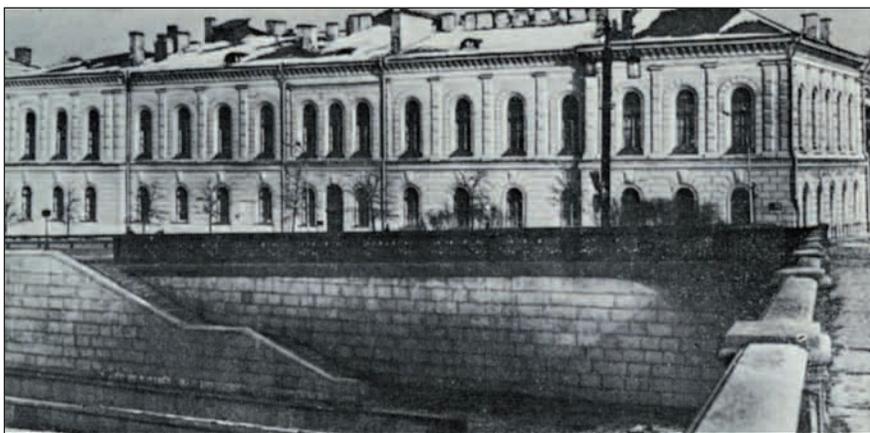
Результаты своих исследований С. В. Лебедев опубликовал в 1910 году в двух обстоятельных статьях⁶. Эти же статьи в переводе на немецкий язык он послал и в немецкий химический журнал. Однако под различными предлогами публикация долго откладывалась и в конечном итоге так и не состоялась. Причина выяснилась позднее. Оказалось, что член редакционной коллегии журнала немецкий химик Гарриес уже после получения и прочтения статей Лебедева «срочно» синтезировал каучук из дивинила и сделал заявку на патент, обнародование же статей, убедительно свидетельствующих о приоритете русского ученого, всемерно старался задержать. Впрочем, в данном случае справедливость в конце концов восторжествовала:

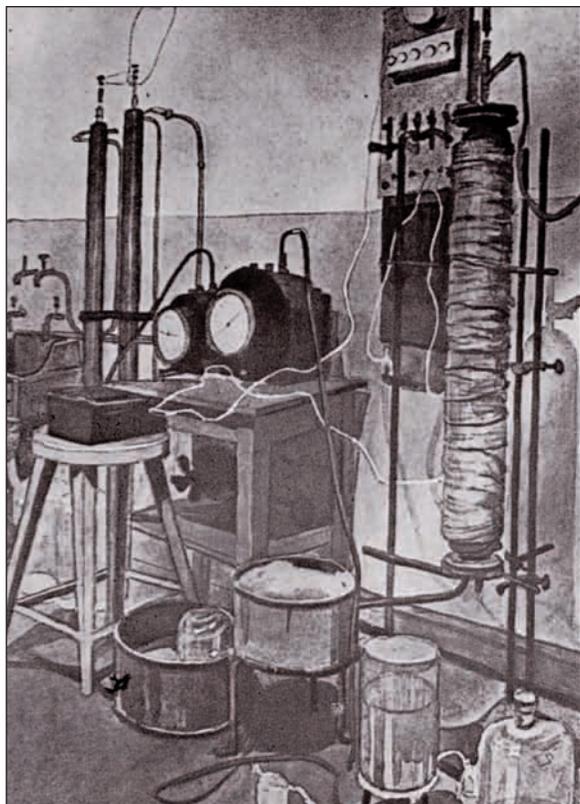
*Сергей Васильевич
Лебедев*

ТРУДЫ И ДНИ

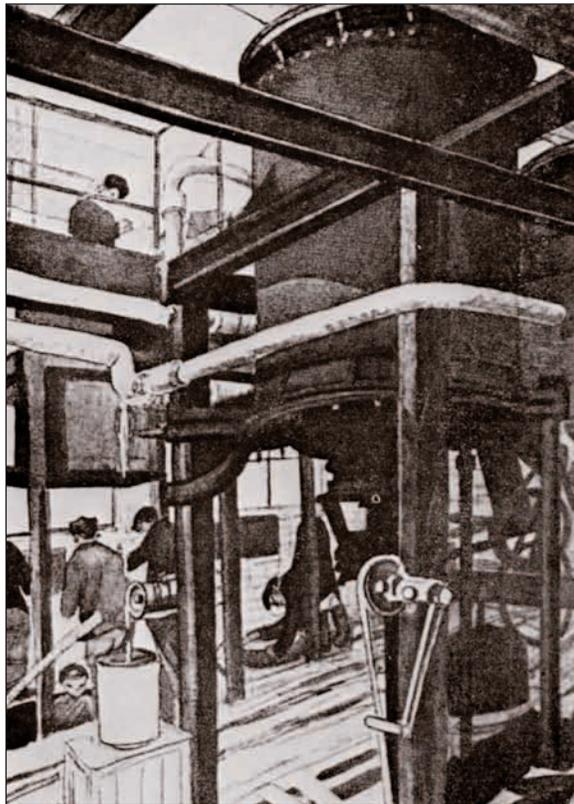
*Здание
Военно-медицинской
академии,
где академик
С. В. Лебедев
работал
с 1917 по 1934 год*

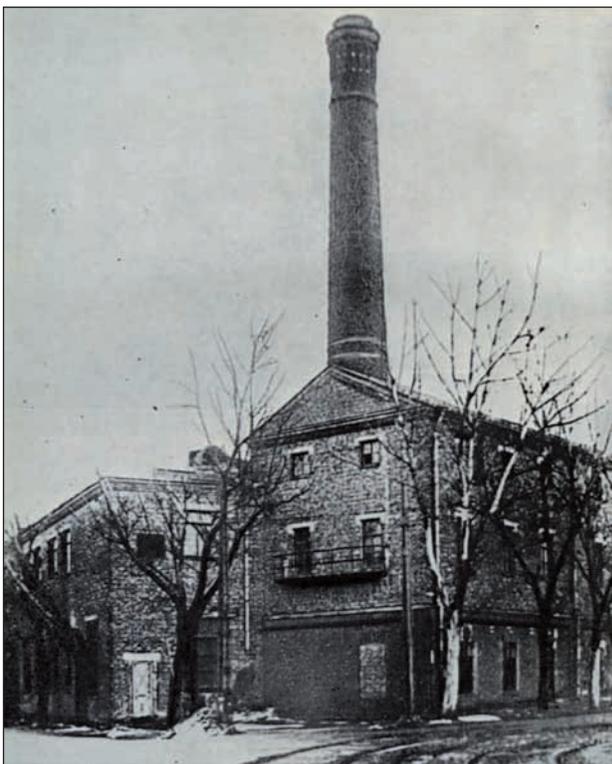
*В этом доме
(№ 10
по Нижегородской
улице)
С. В. Лебедев
жил с 1924
по 1934 год*

*Первая лабораторная установка
по получению дивинила из этилового спирта
методом С. В. Лебедева.
С акварели А. П. Остроумовой-Лебедевой.
1926–1927 годы*

*Цех полимеризации.
Аппарат, на котором были получены
первые партии синтетического каучука.
С акварели А. П. Остроумовой-Лебедевой.
1930-е годы*

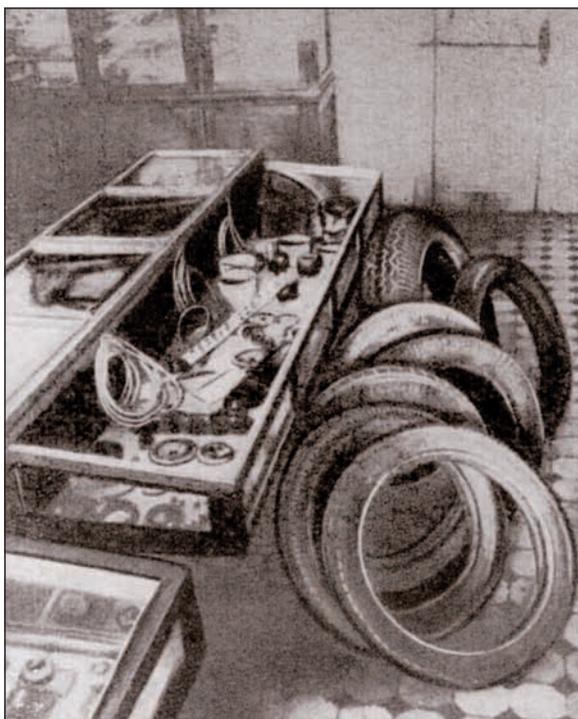
Опытный завод литер «Б» в Ленинграде, где была получена первая партия промышленного синтетического каучука. Фотография 1932 года

С. В. Лебедев в лаборатории Опытного завода литер «Б». Фотография 1934 года

немцы хотя и приобрели патент на получение синтетического каучука из дивинила, но создать промышленное производство раньше С. В. Лебедева так и не смогли...

Сергей Васильевич не стал отвлекаться на полемику с западными коллегами. В его защиту выступил И. Л. Кондаков, со страниц русской прессы вопрошавший: «Не сделались ли каким-либо образом исследования Лебедева еще до опубликования их достоянием третьих лиц?»⁷. Лебедев же настойчиво и целеустремленно продолжал изучение процессов полимеризации углеводов ряда дивинила. Он провел эксперименты с шестнадцатью углеводородами данного ряда из двадцати одного известного в то время и полученные результаты изложил в своей

Объявление о конкурсе на лучший способ получения искусственного каучука в газете «Известия» (4 апреля 1926 года)

Первые изделия из советского синтетического каучука. Фотография 1930-х годов

А. П. Остроумова-
Лебедева.
**Портрет
академика
С. В. Лебедева.**
Бумага, акварель.
1932 год

магистерской диссертации, которая в начале 1913 года вышла в виде монографии под названием «Исследование в области полимеризации двуэтиленовых углеводов». В этом фундаментальном труде, ставшем классическим, С. В. Лебедев прогнозировал резкое возрастание в скором времени практического значения феномена полимеризации, в связи «с техникой приготовления искусственных каучуков»⁸.

К воплощению своего прогноза в жизнь он приступил в 1926 году, когда у нашей страны возникла острая потребность освободиться от импорта дорогостоящего натурального каучука. В апреле Высший совет народного хозяйства объявил всесоюзный конкурс на разработку наилучшего способа получения искусственного каучука⁹. Срок конкурса был очень сжатым, а условия чрезвычайно жесткими: к 1 января 1928 года представить два килограмма синтезированного каучука, полученного из отечественного сырья простым, дешевым и пригодным для крупного промышленного производства методом.

Надо ли говорить, что С. В. Лебедев откликнулся на призыв одним из первых. Ему помогли ученики и сотрудники кафедры общей химии Военно-медицинской академии, которую он возглавлял с 1917 года. Работали безвозмездно, во внеслужебное время. Основываясь на выводах своей диссертации, в качестве исходного углеводорода для синтеза каучука Лебедев сразу выбрал дивинил, поскольку получать изопрен (основа натурального каучука) технологически довольно сложно и дорого. Второй вопрос — выбор сырья: нефтепродукты или этиловый спирт. В конце концов остановились на последнем. Ученый руководствовался двумя соображениями. Во-первых, выход дивинила из этилового спирта значительно выше. А во-вторых, нефтедобывающая промышленность в то время находилась в процессе становления, и отнимать дефицитную нефть у других отраслей народного хозяйства было бы нецелесообразно, тогда как этиловый спирт производился в нашей стране в больших масштабах.

До Лебедева известные науке методы получения дивинила из спирта предусматривали две стадии: отнятие молекулы воды (дегидратация) и молекулы водорода (дегидрогенизация). Однако это значительно усложняло технологию, а главное, давало низкий выход целевого продукта. Сергею Васильевичу удалось осуществить процесс в одну стадию (что специалистам представлялось совершенно невозможным), применив смешанный катализатор, состоявший из оксида цинка и оксида алюминия. Выход дивинила сразу повысился до 22%. На следующем этапе (получение синтетического каучука полимеризацией дивинила) Лебедев опять же предложил использовать катализатор — металлический натрий. Лебедевский синтетический каучук так и стал называться — натрийдивиниловым, или натрийбутадиеновым.

Колоссальный труд был выполнен в срок, и 30 декабря 1927 года два килограмма каучука с описанием технологии его синтеза доставили из Ленинграда в Москву и сдали в жюри конкурса. Жюри признало работу Сергея Васильевича Лебедева единственной достойной премирования. Правительство СССР постановило: метод, созданный ученым, положить в основу

промышленного синтеза каучука; в Ленинграде на базе Гутуевского спиртоочистительного завода построить Опытный завод синтетического каучука литер «Б».

С 1928 года С. В. Лебедев сосредоточил на этом все свое внимание. Он принимал непосредственное участие в проектировании Опытного завода, разработке технологических схем, аппаратов и оборудования, проводил многочисленные консультации со строителями и инженерами. Благодаря настойчивости ученого на Опытном заводе была создана лучшая в Советском Союзе химическая лаборатория, которой предстояло продолжить изучение методов получения каучука из сульфатов целлюлозы, газов крекинга нефти и других видов сырья. Позже она выросла во Всесоюзный научно-исследовательский институт синтетического каучука имени С. В. Лебедева

В декабре 1930 года Опытный завод синтетического каучука был пущен. Все оборудование для него изготавливалось на отечественных предприятиях. 15 февраля 1931-го из полимеризаторов выгрузили первую партию каучука весом 265 килограммов. Сложнейшая проблема органической химии, над которой безрезультатно бились в течение нескольких десятилетий химики многих стран, была блестяще решена: впервые в мире удалось осуществить промышленный синтез каучука.

В 1932–1934 годах в Ярославле, Воронеже и Ефремове Московской области появились крупные заводы, полностью обеспечившие экономикой нашей страны синтетическим каучуком.

*Памятник на могиле С. В. Лебедева
в Некрополе деятелей искусств
Алекса́ндро-Невской лавры.
Работа скульптора М. Т. Манизера*

*Иллюстрации к серии очерков, посвященных достижениям
отечественных химиков-органиков, взяты из книг:*

Гумилевский Л. И. Александр Михайлович Бутлеров. (М., 1952);

Пиотровский К. Б. Сергей Лебедев. (М., 1960);

Арбузов А. Е. А. М. Бутлеров — великий русский химик. (М., 1961);

Нилов Е. Зелинский. (М., 1964);

Гумилевский Л. И. Зинин. (М., 1965);

Пиотровский К. Б. Лебедев в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. (Л., 1986);

¹*Зелинский Н. Д. О дегидрогенизации катализом // Журнал Русского физико-химического общества. Часть химическая. 1911. Т. 43. С. 1220—1222.*

²*Он же. Почему не следует при пирогенетическом разложении нефти пользоваться железными ретортами // Журнал Русского физико-химического общества. Часть химическая. 1915. Т. 47. С. 1807.*

³Подробнее историю создания Зелинским первого в мире противогаса см.: *Фигуровский Н. А. Замечательное русское изобретение. М., 1956.*

⁴*Зелинский Н. Д. О бензинизации нефтяных продуктов // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1920. № 9—12. С. 8.*

⁵Цит. по: *Нилов Е. Зелинский. М., 1964. С. 220.*

⁶*Лебедев С. В. О полимеризации дивинила // Журнал Русского физико-химического общества. Часть химическая. 1910. Т. 42. С. 726; Он же. О полимеризации двуэтиленовых углеводородов. Тип: C=C—C=C // Там же. С. 949—960.*

⁷Цит. по: *Пиотровский К. Б. Лебедев в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. Л., 1986. С. 127.*

⁸*Лебедев С. В. Исследование в области полимеризации двуэтиленовых углеводородов. СПб., 1913. С. 169.*

⁹См.: *Известия. 1926. 4 апреля.*

Николай Евгеньевич Муратов

«Церковь та велми чюдна...»

К вопросу об идейно-символической канве
архитектурной композиции
церкви Вознесения Господня в Коломенском

Церковь Вознесения в селе Коломенское близ Москвы.

Литография из альбома А. А. Мартынова

«Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества». 1848 – 1860-е годы

В 1532 году в подмосковном великокняжеском селе Коломенском по заказу Великого князя Московского Василия III и митрополита Даниила была построена церковь Вознесения Господня. Новый храм поразил современников необычной, принципиально новой конструкцией, примененной в каменном зод-

честве, — шатровой, гармоничным соотношением своей огромной по тем временам высоты (около 62 метров) и монументальности, с четкостью, выверенностью форм и деталей.

Источник, повествующий о сооружении в Коломенском церкви Вознесения и о событиях, непосредственно с этим связанных,

с первого взгляда может показаться нам сегодня чрезвычайно скучным. В Патриаршей (Никоновской) летописи находим:

7040 (1532): «Того же лета свершена бысть в Коломенском церковь камена Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа: бе же церковь та велми чюдна высотой и красотою и светлостию, такова не бывала преже сего в Руси. Князь же великий Василей Иванович государь всеа Руси възлюблю ю и украси всякою добротою, якоже достоит святей Божии церкви, честными и святыми сосуды и святыми владычными образы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и пресвятой царицы Девы Богородица Мариа Матери того самого Христа, царя и Бога нашего и святых Ему угождавших, обложенными златом и серебром и камение драгим. И повеле ея благочестивый государь освящати».

7041 (1533): «О освящении церкви Вознесения Господня в Коломенском. В лето 7041 сентября в 3 день, во вторник, священа бысть церковь каменная в Коломенском, Вознесение Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, Данилом митрополитом всеа Руси и архиепископом Кириллом Ростовским и епископы Васьяном Коломенским и Дософеем Крутицким и архимандриты и игумены и священными соборы. И были же на освящении том князь великий Василей Иванович и с великою княгинею Еленою и с сыном своим со князем Иваном и с братиею своею со князем Георгием и Андреем Ивановичем. И сотвори Государь празнество велие светле и радостне, а пироваше у великого князя в Коломенском митрополит с собором и братиа великого князя и бояре три дни честные и радостные, и дарил князь великий Василей Иванович митрополита и братию свою, а на четвертой день приехал на Москву»¹.

Столь выдающийся памятник древнерусского зодчества, каковым является храм Вознесения, заслуживал бы большего внимания к себе со стороны пишущей братии далекого прошлого. Но... такова логика летописания Древней Руси: уже данного объема сообщение говорит об особой значимости события, выделяет его среди множества прочих, тоже достойных, по мнению летописца, памяти потомков. В результате наши знания о Вознесенской церкви основываются на литературе, затрагивающей широкий спектр проблем, которые храм преподнес (и еще преподнесет!) исследователям, а также вытекают из возможности видеть и изучать его сегодня.

Всю литературу об интересующем нас памятнике, складывавшуюся с начала XIX века, можно подразделить следующим образом. Большую часть составляют работы, посвященные изучению архитектуры Коломенской

*Святой Василий Великий
и Великий князь Василий III.
Икона середины XVII века*

церкви и вопросам об авторстве, об истоках каменного шатрового зодчества в Древней Руси². Далее идет блок литературы по отдельным составным частям храма Вознесения Господня — иконостасу, «царскому месту» и так далее³. Несколько особняком стоят работы, касающиеся проводимых на памятнике археологических изысканий⁴.

Несмотря на то, что изучение церкви Вознесения продолжается уже почти два столетия, на многие вопросы мы и сейчас не можем дать четкие исчерпывающие ответы, сказав тем самым полно о памятнике в целом, — слишком многосложным он оказался.

Целью автора данной статьи не является обращение к вышеназванным проблемам, ставшим уже традиционными в литературе. Долгое время вниманием исследователей обходился вопрос, лежащий, казалось бы, на поверхности, — об идейной и символической канве архитектурной композиции Вознесенской церкви.

Писавшие об основной идее храма Вознесения ограничивались простым повторением сложившегося на протяжении XX столетия мнения, что построенный в 1532 году «новый храм был слишком неканоничным, идея, воплощенная в нем, — слишком светской. В Коломенском храме современное ему общество видело символ силы и власти»⁵.

По каким причинам столь важный для более полного понимания нами памятника вопрос оказался не востребовавшимся? Исследователи XIX – начала XX века главным образом занимались собиранием теоретического материала по архитектуре церкви Вознесения. Специалисты советского периода не обращались к интересующему нас вопросу, вероятно, либо по идеологическим причинам, либо потому, что считали его неактуальным, либо просто его не замечали. Возможны и другие объяснения сложившейся ситуации.

Лишь теперь, с появлением новой волны исследователей, посчитавших необходимым в целях всестороннего изучения памятника по-новому, нетрадиционно взглянуть на него, идея и символика архитектуры храма Вознесения Господня вызвали появление на свет первых версий, гипотез⁶. Автор настоящей статьи попытался изложить свою точку зрения по данному вопросу.

Церковь Вознесения Господня в селе Коломенском — праздничная: она посвящена одному из двенадцатых праздников. Поэтому логично искать определенный идейный, символический материал, которым могла бы быть наполнена ее архитектурная композиция, прежде всего в описании одноименного библейского события. Из книг Нового Завета наиболее полно сюжет «Вознесение Иисуса Христа» представлен в «Деяниях Святых Апостолов». Этот сюжет иллюстрирует соответствующая икона, помещаемая в праздничном ряду иконостаса. Итак, данные источники являются необходимыми для рассмотрения в нашем вопросе. Но не только они. По предположению автора (что он и попытается показать в статье), идея и символика церкви села Коломенского связаны как минимум с двумя праздниками — Воскресением-Сошествием во ад и Вознесением⁷, а также с событием, согласно христианскому учению, грядущим: Вторым Пришествием (Страшным Судом). Повторю: как минимум. Проследим событийную, то есть сюжетную линию по порядку.

В праздничном ряду иконостаса, согласно хронологии, сюжеты «Воскресение-Сошествие во ад»⁸ и «Вознесение» идут друг за другом. Воскресение (Христа, а затем Адама и Евы, праведников дохристианской эры), по «Откровению Иоанна Богослова» и апокрифической литературе, считается так называемым «первым Воскресением»:

«И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою.

*Церковь Вознесения Господня в Коломенском — праздничная, она посвящена одному из двенадцатых праздников, и идея ее архитектурного замысла может соответствовать описанию одноименного библейского события.
Современная фотография*

Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет;

Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое Воскресение» (Откр. 20, 4–5).

В отличие от скурых сведений о «первом Воскресении», более подробно апостол Иоанн говорит о Воскресении всеобщем «в последний день». Тексты, описывающие это событие, найдем также в книге пророка Исайи. Заметим, что два упомянутых события находятся между собой в логической связи: первое — прообраз второго. Но «первое воскресение» произошло, когда Иисус еще не покинул Землю, а всеобщее произойдет, когда Он сойдет с небес на Землю, чтобы вершить волю пославшего его Отца — Страшный Суд. Между двумя событиями имеется промежуточное звено — Вознесение Господне. Действительно, не случайно, когда Христос возносился на небеса, двое мужей в белых одеждах, явившиеся апостолам, сказали им, что Он «*придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо*». Иисус придет «в последний день» (судный), и произойдет второе (всеобщее) Воскресение для Страшного Суда. Приве-

ду теперь сами библейские тексты, говорящие о Вознесении и втором Воскресении. Наиболее важные места, которые, по моему мнению, вошли в символическую канву архитектурной композиции церкви Вознесения Господня в Коломенском, я выделю.

Вознесение:

«Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде.

И сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо! Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.

Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути» (Деян. 1, 9–12).

Второе Воскресение:

«И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор, и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы.

И пойдут многие народы, и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас своим путям;

и будем ходить по стезям Его. Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима» (Исаия. 2, 2–3).

«И уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах.

Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц и снимет поношение с народа Своего по всей земле; ибо так говорит Господь.

И скажут в тот день: вот Он, Бог наш! на Него мы уповали, и Он спас нас! Сей есть Господь; на Него уповали мы; возрадуемся и возвеселимся во спасение Его!» (Исаия. 25, 7–9).

«Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца.

Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день.

Воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Иоанн. 6, 38–40).

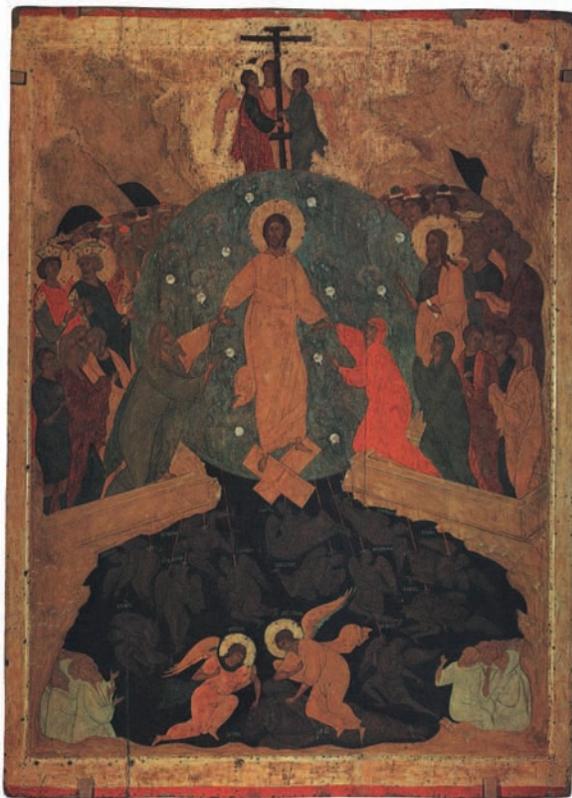
«И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах» (Откр. 14, 1).

Представленные выше библейские сюжеты, о чем уже говорилось выше, неразрывно между собой связаны. Они вытекают один из другого. Так же, в развитии, читаются и их иконографии. Подразумевая друг друга, в своем полном, подробном рассмотрении «Воскресение—Сошествие во ад», «Вознесение», «Второе Воскресение» («Страшный Суд») составляют единое логическое звено, отдельный событийный блок из бытия Бога Сына, начиная с Его победы (неполной) над смертью и дьяволом, шедшей вслед за распятием на Кресте.

Предположительно данные сюжеты, взятые вместе в их неотъемлемой взаимосвязи, иллюстрируют собой (подобно иконе) и местом своего расположения (на холме) церковь Вознесения Господня в селе Коломенском.

* * *

Конструкция, которую имеет этот храм, хорошо известна. За столетия развития русской архитектуры она стала весьма распространенной в деревянном и каменном зодчестве. При этом неоднократно отмечалась необычность архитектурных форм и декора Вознесенской церкви, благодаря которым она выделяется из всего ряда храмов аналогичной конструкции,

Дионисий. «Сошествие во ад».

Около 1502 года.

Икона из местного ряда иконостаса собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы Ферапонтова монастыря (Государственный Русский музей)

ни один из которых не идет ни в какое сравнение с ней. Деревянные шатровые церкви, несмотря на идентичность конструкции, надо сразу исключить из числа сравниваемых по архитектуре, поскольку «все детали <...> храма Вознесения, — как отмечает ряд исследователей, — были задуманы именно для исполнения в камне, в памятнике нет ни одной деревянной по замыслу детали»⁹. Принадлежащая искусствоведам, специалистам по древнерусской архитектуре и закрепленная ими за храмом Вознесения формулировка — «хронологически первый и самый совершенный каменный шатровый храм на Руси»¹⁰ — выглядит, по мнению автора, недостаточной для столь многосложного памятника, нарочито, со смыслом выполненного в том виде, какой он и ныне (с некоторыми изменениями) имеет.

По своему решению необычны все конструктивные части Коломенского храма: подклет с лестничными всходами и гульбищем, четверик с восьмериком, шатер с главкой. Взглянем на них еще раз.

Благодаря раскинувшимся лестничным всходам и соединенным арками массивным столпам, поддерживающим гульбище и усиливающим ощущение тяжести, «заземленности» подклета, церковь Вознесения Господня представляется смотрящим на нее (особенно с противоположного берега Москвы-реки) как бы вырастающей из-под земли¹¹. Указанный зрительный эффект усиливается тем, что храм стоит не на самой высокой точке холма, а на обширной искусственной террасе. Впечатление «заземленности» нижней части церкви станет еще большим, если мы мысленно уберем (как наслоение более позднего времени) кровельную часть гульбища, несколько скрадывающую это впечатление.

В средней (четверик с восьмериком) и верхней (шатер с главкой) конструктивных частях храма зодчим тоже были найдены такие архитектурные решения, которых не имеет ни одна из известных нам каменных шатровых церквей XVI и последующих веков — например, столь «легкого», несмотря на пропорции, каменного шатра и сложного четверика. Особенно это касается тех храмов, которые хронологически близки к церкви Вознесения Господня. Отсутствие разделяющих среднюю и верхнюю части карнизов привело к эффекту «вырастания» одной из другой, созданному посредством килевидных кокошников.

Случайна ли эта нарочитость в придании Вознесенской церкви столь необычной архитектуры? По-видимому, нет. Если мы примерим вышеприведенную сюжетно-

*Андрей Рублев. Икона «Вознесение Господне».
1408 год
(Государственная Третьяковская галерея)*

*«Страшный Суд».
Новгород. Конец XV века
(Государственная Третьяковская галерея)*

событийную канву, передаваемую и в иконографии¹², к храму Вознесения, то увидим, что она «накладывается» на композицию храма один к одному. В результате каждая конструктивная его часть, получившая определенное архитектурное решение, и само избранное для строительства место (холм, возвышающийся над Москвой-рекой) получают продуманную смысловую символическую нагрузку, иллюстрируемую прилагаемым рисунком (стр. 72).

Любопытно во всей этой символике обыгрывается холм, на котором воздвигнут храм. Как известно, Вознесение Господне произошло с горы Елеон, ставшей в итоге одним из символов Нового Завета. И мы по сию пору имеем возможность видеть эту «гору» с возносящимся с нее «Иисусом Христом» (собственно храм в виде равностороннего креста с шатром, открытым вовнутрь)¹³. Это — узкий смысл воплощенной в 1532 году идеи памятника.

С другой стороны, говоря о «последнем дне» со всеобщим Воскресением из мертвых для Страшного Суда (именно для этого Иисус Христос сойдет с небес, как возносился, что и напоминает нам символика храма), мы подразумеваем и другую гору — Сион (пророк Исайя, апостол Иоанн Богослов), символизирующую Завет Ветхий. Памятник в данном случае получает двоякое прочтение: 1) Дом Господень на Сионе; 2) Агнец на Сионе.

Таким образом, на примере одного храма, стоящего на холме, прослеживается единство, неразрывная связь двух частей Библии (кстати, полностью переведенной на славянский язык в Московской Руси незадолго до строительства церкви — в конце XV века), нераздельность Бога Отца и Бога Сына, реально воссоединившихся на небесах в результате Вознесения Христова (земная аналогия — рождение долгожданного сына-престолонаследника у Василия III). Таков, по всей видимости, более широкий смысл воплощенной в жизнь идеи храма. Но и это еще не все.

Приведенная смысловая символическая разбивка церкви Вознесения Господня в Коломенском (см. стр. 72), в свою очередь, полностью совпадает с представлениями о Вселенной, сложившимися на Руси к XVI столетию благодаря, например, трудам греческого писателя VI века Козьмы Индикоплова. Эти представления передавались в иконе, миниатюре и так далее, о чем нам напоминает, скажем, близкая по времени своего создания к моменту возведения храма Вознесения миниатюра «Небесная, земная, преисподняя» из рукописи Четьи-Минеи 1542 го-

да. Данная миниатюра — одна из множества иллюстраций к «Христианской топографии» Индикоплова, включенной митрополитом Макарием в Великие Четьи-Минеи. Л. С. Ретковская, сотрудница Государственного Исторического музея, где в настоящее время хранится рукопись, обратив внимание на эту миниатюру, дала ее описание. Здесь «земля состоит из двух «этажей». Внизу — преисподняя, вверху — собственно земля с обитающими на ней людьми. От неба земля отделена «твердью», то есть видимым небом (по которому ангелы возносили Иисуса — см. иконографию «Вознесение». — *Н. М.*). На тверди стоят ангелы. Это нижний «этаж» неба. Верхняя часть неба отделена от этой части тонкой чертой. За пределами ее находится небо невидимое — «царство небесное», где восседает на троне Христос. По мнению Индикоплова, «от тверди даже до высоты комарья место есть второе, идеже Христос вознесся»¹⁴. Но ведь это описание храма Вознесения Господня в Коломенском!

Маловероятно, что отмеченное выше совпадение может быть просто случайностью. Гениальному зодчему великолепно удалось передать в своем творении не только всю смысловую канву рассмотренного нами блока новозаветных сюжетов¹⁵, но и реально видимую и читаемую (а не умозрительную) картину Вселенной¹⁶, найдя для всего этого наиболее подходящую конструкцию и, что не менее важно, соответствующую композицию.

Вселенная пронизана Божественным. Новозаветный путь Христа еще раз показал это — на земле, в преисподней, на небесах. Скорее всего, именно для того, чтобы соединить, совместить представленную выше событийную, сюжетную линию с образом Вселенной, прочно привязать их друг к другу в зримом образе храма, зодчему пришлось пойти на столь необычный в тогдашней русской каменной архитектуре эксперимент с использованием принципиально новой конструкции — шатровой, наиболее полно отвечающей этим целям. Эксперимент удался потому, что еще со второй половины XV века в Московской Руси стал интенсивно накапливаться местный и иностранный опыт каменного строительства.

Если мы рассмотрим все три иконографии («Воскресение-Сошествие во ад», «Вознесение», «Страшный Суд») вместе, в их развитии, то обнаружим ту же вселенскую вертикаль: преисподняя — земля — небо, причем идущую в двух направлениях — к небесам и наоборот. В нашем случае церковь Вознесения

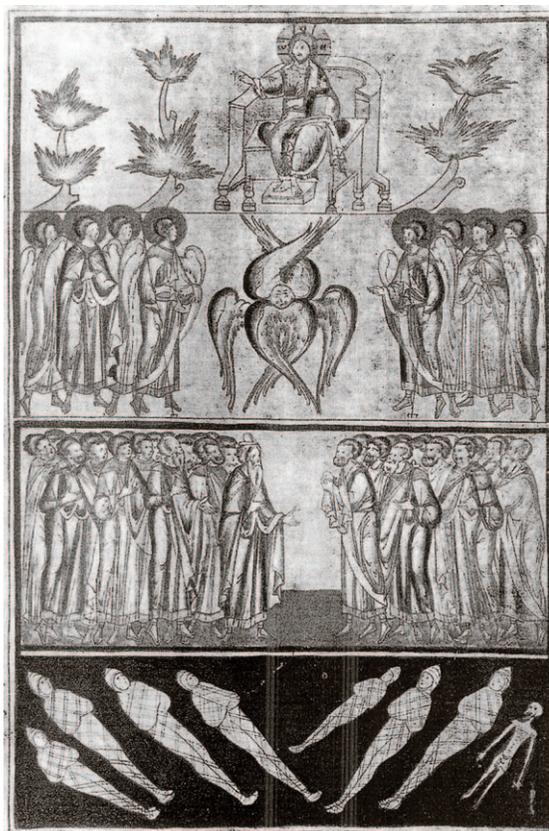
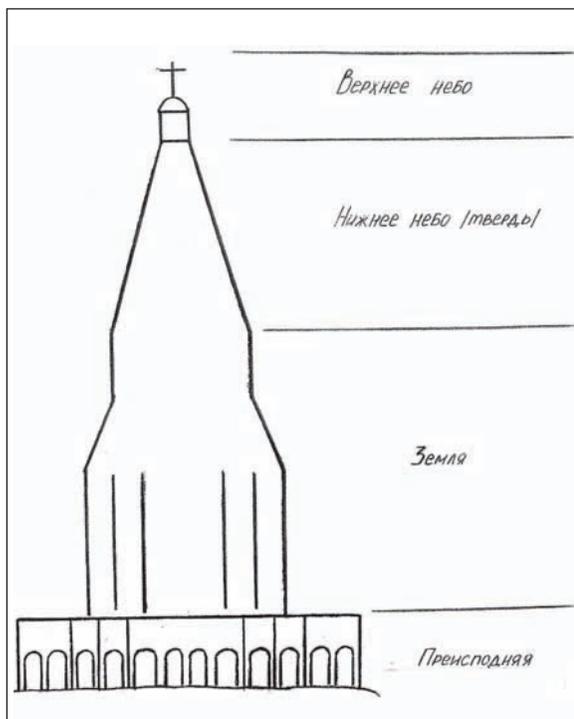
Господня села Коломенского, соединяя в себе смысловую канву трех сюжетов, подобно иконам, но только в камне (иконы — в камне)¹⁷, передает вселенскую вертикаль своей неповторимой архитектурной пластикой. И как! Например, многочисленные темные нижние арки и тяжелый «заземленный» подклет — чем не видимый образ преисподней¹⁸?!

* * *

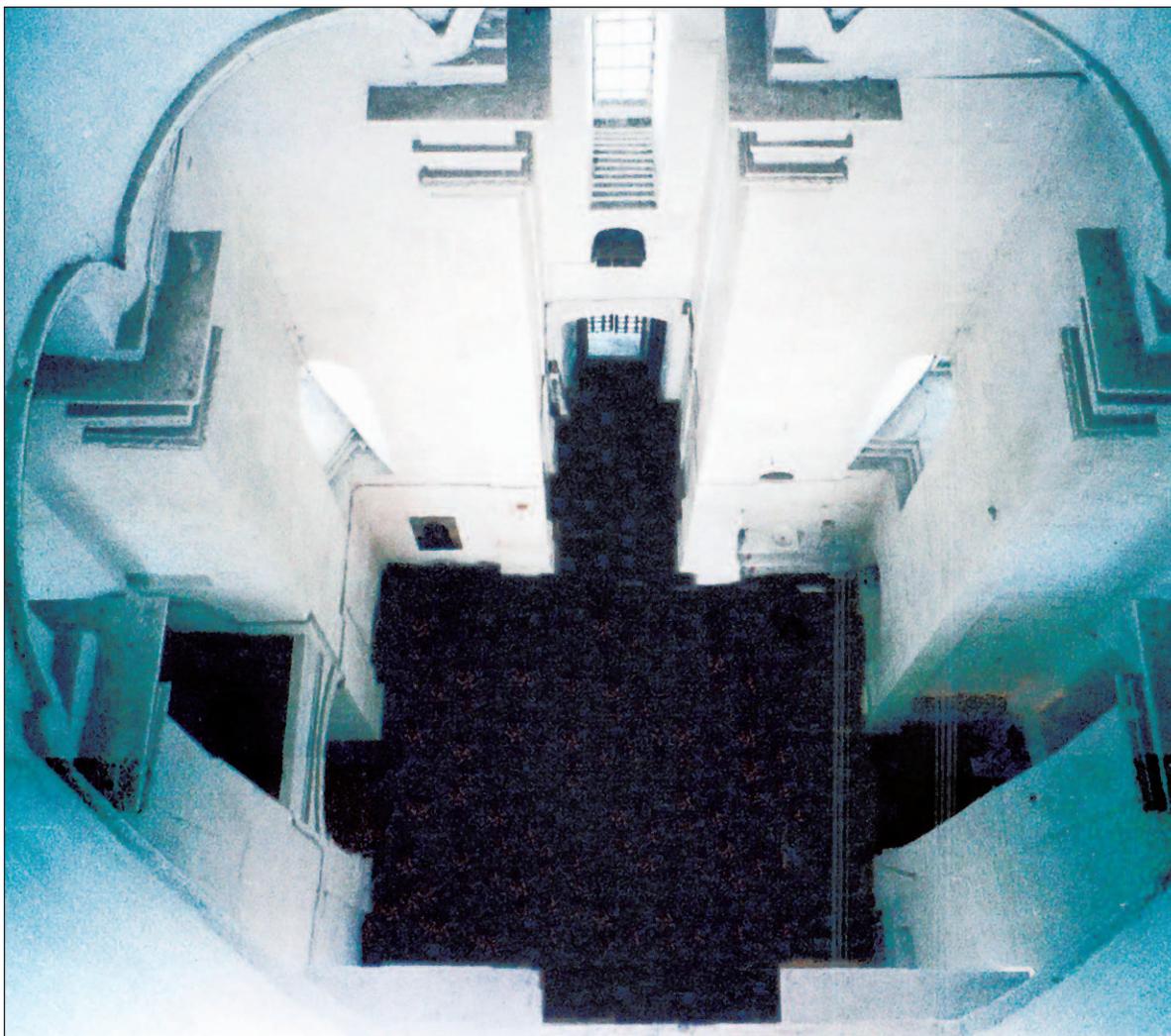
К столь яркому явлению в русской и мировой культуре, каковым представляется храм Вознесения Господня в Коломенском, необходимо подходить исторически. Попытка понять памятник, предпринятая в отрыве от исторического контекста, без обращения взгляда на эпоху, его породившую, приводит к поверхностным знаниям. Если мы хотим получить более полное (но навряд ли исчерпывающее) представление о сложной, многогранной идейно-символической нагрузке подчиненной ей архитектуры храма Вознесения, мы должны вспомнить все тесно переплетенные друг с другом в один сложный узел основные политические события церковно-государственной жизни Московской Руси конца XV — первой трети XVI века. Мы берем исторический период, предшествовавший созданию интересующего нас памятника, берем эпоху, в которую жили заказчики Вознесенского храма — Василий III, митрополит Даниил и зодчий, построивший церковь. События приведу в тезисной форме, оставив в стороне весь их внутренний драматизм.

1. Конец XV — начало XVI века. Борьба Церкви в лице Новгородского архиепископа Геннадия, игумена Иосифа Волоцкого с новгородско-московской ересью «жидовствующих» и пришедшие на конец XV века перипетии в связи с повсеместным ожиданием в христианском мире Страшного Суда на исходе седьмого тысячелетия от сотворения мира (1492 год)¹⁹. Под влиянием всех этих событий и в связи со своей антиеретической деятельностью Новгородский архиепископ Геннадий составляет пасхалию на «осьмую тысячу лет». В 1499 году издается первый полный свод Священного Писания на славянском языке — «Геннадиевская Библия». Иосиф Волоцкий, другой главный противник еретиков, стал одним из вдохновителей учения о Русской Церкви — носительнице Вселенского благочестия — и сторонником сильной государственной власти.

Гениальному зодчему мастерски удалось передать не только всю смысловую канву новозаветных сюжетов, но и реально видимую и читаемую картину Вселенной, найдя для всего этого наиболее подходящую конструкцию и соответствующую композицию

Миниатюра «Небесная, земная, преисподняя» из рукописи Четьи-Минеи 1542 года (Государственный Исторический музей)

*Внутреннее пространство храма Вознесения Господня,
символизирующее Пресвятую Богородицу и «осьмой век»*

2. Победа партии Софьи Палеолог в споре о наследстве Ивана III с «еретической» партией в Боярской Думе. Вместо внука Ивана III Дмитрия наследником в конце XV века становится Василий, первенец Софьи.

3. Успешная для митрополита Даниила, ученика и последователя Иосифа Волоцкого, борьба с Максимом Греком и его союзниками (суды над ними на соборах 1525 и 1531 годов).

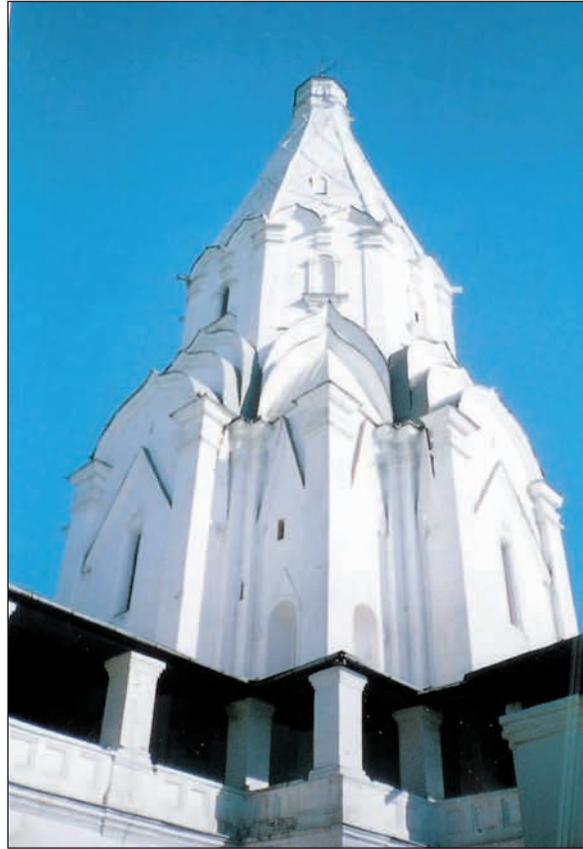
4. Завершение процесса объединения русских земель вокруг Москвы: присоединение Пскова (1510), возврат Смоленска с землями в результате войны 1512–1514 годов с Литвой, присоединение Рязани (окончательно в 1521) и Северского княжества (1523). Оформление в первой четверти XVI столетия церковно-государственной идеи «Москва — Третий Рим».

5. Бракоразводный процесс (при деятельном участии митрополита Даниила) Василия III с Соломонией и его брак с Еленой Глинской в 1526 году — брак, принесший долгожданного наследника престола.

Заметим, что все эти события, в значительной своей части удивительным образом перекликающиеся с упомянутыми мною библейскими сюжетами, оказали прямое влияние на судьбу участвовавших во многих из них заказчиков храма Вознесения Господня в Коломенском. Предположительно, происходившие в 1492 году события имеют непосредственную связь с сооружением церкви в подмосковном великокняжеском селе. Также есть основания предполагать, что именно вологодский храм (см. сноску 19) стал прототипом коломенского. И. Э. Грабарь находил сходство рассматриваемого памятника с деревянными шатровыми церквями Севера²⁰. И. В. Маковецкий конкретно указывал на вологодское деревянное зодчество²¹. Что любопытно — год постройки церкви Вознесения Господня в Коломенском отделяют от 1492 года ровно 40 лет. Нет ли здесь аналогии с вычислением духовными лицами Второго пришествия Иисуса Христа на Землю, исходя из новозаветной фразы: «Тысяча лет, как один день»? В данном случае — год как один день...

ОБРАЗЫ РОССИИ

Церковь Вознесения, соединяя в себе смысловую канву трех сюжетов, передает вселенскую вертикаль своей неповторимой архитектурной пластикой. Например, многочисленные темные нижние арки и тяжелый «заземленный» подклет — чем не видимый образ преисподней?

* * *

К концу первой трети XVI столетия, то есть ко времени создания Вознесенского храма, церковная и государственная власти пришли союзниками. Кроме того, они укрепили свои позиции по крайней мере внутри Московской Руси. Поэтому возведенный ими храм в каком-то смысле задумывался еще и как гимн-мемориал в честь обладательницы «вселенского благочестия» — Русской Церкви, покаравшей «сатанинскую ересь»²², и могущественной московской великокняжеской власти²³. Замысел был грандиозен — как по своему воплощению в доселе небывалой в каменном храмовом зодчестве конструкции, так и по масштабам памятника и усиливающему их, а также идейную нагрузку архитектурной композиции, месту его расположения.

Перечисленные события конца XV — первой трети XVI века и, напомню, накопленный к тому времени на Руси богатый опыт каменного строительства привели к рождению новой конструкции и композиции храма, наполнили последние идейно. Отдель-

ные же моменты этих событий (ожидание Страшного Суда и «осьмого века», создание «Геннадиевской Библии», рождение сына-престолонаследника у Василия III и так далее) нашли самое непосредственное отражение в символической канве архитектурной композиции храма Вознесения. Благодаря в том числе и им он получил столь сложное смысловое прочтение.

Ну а что же, спросите вы, прочие каменные шатровые храмы Руси? Да, все они повторяли конструкцию церкви Вознесения Господня в Коломенском. Но и только. Имея совершенно иные архитектурные решения (композиции), они были лишены тем самым и неповторимого идейно-символического, смыслового содержания коломенского храма, ставшего отзвуком исторических процессов, происходивших в Московском государстве. Различные эпохи и моменты истории, диктуя свои идеи, находят отражение в конкретных, всегда неповторимых памятниках культуры. И это необходимо помнить, глядя на церковь Вознесения Господня бывшего дворцового села Коломенского.

¹ПСРЛ. Т. XIII (1-я половина). С. 62.

²*Валуев П.* Коломенское. М., 1809; *Снегирев И. М.* Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1852; *Кротков П. В.* Летопись дворцовой Вознесенской в селе Коломенском церкви Московской губернии и уезда. М., 1883; *Забелин И. Е.* Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900; *Красовский М.* Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века). М., 1911; *Грaбарь И. Э.* История архитектуры. Т. II. Допетровская эпоха. М., 1911; *Лихачев Н. В., Ершов А. А.* Село Коломенское. М., 1913; *Згура В. В.* Коломенское. М., 1928; *Некрасов А. И.* Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII веков. М., 1936; *Гольц Г.* Архитектура церкви Вознесения в селе Коломенском // Русская архитектура. М., 1940; *Роговин Н.* Церковь Вознесения в Коломенском // Памятники русской архитектуры. Вып. 1. М., 1941; *Подключников В. Н.* Некоторые элементы архитектурной композиции Коломенского храма. М., 1941; *Воронин Н., Ильин М.* Древнее Подмосковье. Памятники зодчества XV–XVII веков. М., 1947; *Маковецкий И. В.* Коломенское. Исследование исторического развития планировки архитектурного ансамбля. М., 1951; *Бруков Н. И.* Мастера древнерусского зодчества. М., 1953; *Гра М. А., Жиромский Б. Б.* Коломенское. М., 1971; *Спегальский Ю. П.* К вопросу о взаимодействии деревянного и каменного зодчества в Древней Руси // Архитектурное наследие. 1972. № 19; *Ильин М.* Москва. Памятники архитектуры XIV–XVII веков. М., 1973; *Булкин В. А.* Итальянизмы в русском зодчестве конца XV–XVI вв. // Вестник ЛГУ. 1973. № 20. Вып. 4; История русского искусства. Т. 1. М., 1979; *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М., 1980; Архитектурные памятники Коломенского. Вспомогательный материал (составитель М. Е. Каулен). М., 1980 (Архив ГМЗ «Коломенское». Оп. 1, ед. хр. 82); *Лифшиц Л. И.* Русское искусство X–XVII веков // *Аленов М. М., Евангулова О. С., Лифшиц Л. И.* Русское искусство X – начала XX века. Архитектура, скульптура, живопись, графика. М., 1983; *Каулен М. Е.* Церковь Вознесения: взгляд сквозь века (Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993) и др.

³См. напр.: *Суздаев В. Е.* К истории создания иконостасов и росписи церкви Вознесения в Коломенском (Коломенское.

Материалы и исследования. Ч. 1. М., 1991); *Левина Т. В.* Сохранившиеся предметы убранства интерьера церкви Вознесения // Там же.

⁴*Беляев Л. А.* Археология церкви Вознесения в Коломенском // Там же. Вып. 3, М., 1992. В этой работе говорится и о предыдущем опыте археологического изучения храма.

⁵*Каулен М. Е.* Церковь Вознесения... С. 5; См. также: *Лифшиц Л. И.* Указ. соч. С. 117.

⁶*Зуйков В. В.* К вопросу об идейном замысле храма Вознесения Господня в Коломенском. Доклад на научно-практической конференции «Коломенское в истории и культуре Москвы», состоявшейся в ГМЗ «Коломенское» 8–9 декабря 1994 г.

⁷Второй тесно связан с первым уже потому, что, являясь переходящим, хронологически от него зависит: Иисус Христос воскрес из мертвых и на 40-й день вознесся на небеса.

⁸Праздник Воскресения Христова (Пасхи) здесь представлен иконой «Воскресение-Сошествие во ад» — зримым образом победы Иисуса Христа над смертью и дьяволом. Воскреснув из мертвых, Господь воскресил Адама и Еву.

⁹Архитектурные памятники Коломенского... Л. 76; *Ильин М. А.* Москва. Памятники... С. 45. См. также: *Гольц Г.* Указ. соч.

¹⁰История русского искусства. Т. 1, М., 1979. С. 70.

¹¹См., напр.: *Воронин Н., Ильин М.* Указ. соч. С. 86; История русского искусства. Т. 1, М., 1979. С. 71.

¹²В иконографии «Вознесение» в центре группы учеников Иисуса Христа — апостолов — присутствует Богородица. Этого персонажа в аналогичных новозаветных текстах нет. Символ Богородицы (восьмиконечная звезда) также заложен в композицию храма Вознесения Господня.

¹³Доказательство этой версии представил в докладе «К вопросу об идейном замысле храма Вознесения Господня в Коломенском» В. В. Зуйков.

¹⁴*Ретковская Л. С.* Вселенная в искусстве Древней Руси // Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры. Вып. XXXIII. М., 1961. С. 12–13.

¹⁵Вероятно, в них заказчик находил (как это происходит у людей и теперь) содержание и символы событий своего времени, к которым он имел самое непосредственное отношение. К этим событиям в попытке более полного раскрытия символического смысла интересующего нас памятника мы еще обратимся ниже.

ОБРАЗЫ РОССИИ

¹⁶В христианских памятниках иных конструкций (не говоря уже об архитектурных решениях), но традиционно несущих в себе тот же символ мироздания, он, этот символ, читается чисто умозрительно.

¹⁷Преобладающие в образе церкви Вознесения Господня светлые, возвышенные тона, вероятно, подчинены господствующей в искусстве Московской Руси конца XV – начала XVI века «эстетике эпохи Дионисия». По крайней мере, духу Вознесенского храма, если касаться его смыслового прочтения, наиболее отвечают иконы «Воскресение-Сошествие во ад», «Вознесение», «Апокалипсис», относящиеся именно к кругу Дионисия. Автор приносит свои извинения за невозможность передать это иллюстративно, за низкое качество имеющихся иллюстраций в том числе. «Сошествие во ад» (около 1502–1503, мастерская Дионисия) зачастую присутствует в альбомах по древнерусской живописи. Изображение этой иконы дается в статье. Икона «Апокалипсис» (около 1500, круг Дионисия), хранящаяся в Успенском соборе музея-заповедника «Московский Кремль», входила (в виде детали иконы) в некоторые путеводители по соборам Кремля. Съемки ее запрещены.

¹⁸Немаловажно, на мой взгляд, что этот образ изначально подкреплялся наличием древнего кладбища западнее церкви Вознесения, на высокой точке холма (см.: *Беляев Л. А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 1991*). Некрополь, функционировавший на протяжении

приблизительно двух столетий, действовал еще в XVI в., вероятно, до самого момента строительства церкви Вознесения. Любопытно, что храм был поставлен на искусственной насыпной террасе таким образом, что вся его нижняя («заземленная») часть приходилась как раз на уровень могил некрополя — реальной преисподней!

¹⁹Под влиянием этих ожиданий на вологодском посаде строился и в 1493 был «свершен» зодчим Мишаком Володиным великолепный, по упоминаниям (не сохранился), деревянный шатровый храм Вознесения Господня, «окруженный живописными гульбищами папертей».

²⁰*Грaбарь И. Э.* Указ. соч. С. 64.

²¹*Маковецкий И. В.* Указ. соч. С. 35.

²²Вспомним для аналогии, что одно из звеньев рассмотренной нами череды новозаветных сюжетов связано с победами Иисуса Христа над смертью и дьяволом (сначала — неполной, потом — окончательной).

²³Возвращаясь к Патриаршей (Никоновской) летописи, еще раз обратим внимание на то, как торжественно отмечались окончание строительства церкви Вознесения и ее освящение, как много народу присутствовало при этом: митрополит «с собором», Великий князь с семьей, с «братиею», с боярами... Очевидно, заказчики храма (и их ближайшее окружение), продумавшие и прочувствовавшие идею и символику рождаемого самой историей памятника, придавали успешному воплощению своего замысла огромное значение.

ИНФОРМНАУКА

INFORMNAUKA

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ

ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК

ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ

Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20

Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81

E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com

ПОДПИСКА—2010

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на наш журнал в любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,

«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.

Подписку также можно оформить через агентства:

«Интерпочта» — (495) 500-00-60,

«Вся пресса» — (495) 234-03-08,

«МК периодика» — (495) 681-91-37,

684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

Извещение	Форма № ПД-4 ГУП редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского» (наименование получателя платежа) 7703193366 (ИНН получателя платежа) № 40602810700120000001 (номер счета получателя платежа) в ОАО «Банк Москвы» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты) К/с 30101810500000000219 БИК 044525219 Оплата за журналы (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп. Плательщик (подпись) _____
	Кассир
Квитанция	Форма № ПД-4 ГУП редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского» (наименование получателя платежа) 7703193366 (ИНН получателя платежа) № 40602810700120000001 (номер счета получателя платежа) в ОАО «Банк Москвы» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты) К/с 30101810500000000219 БИК 044525219 Оплата за журналы (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп. Плательщик (подпись) _____
	Кассир

ПОДПИСКА—2010

на 2-е полугодие

Льготную подписку можно оформить:
в редакции (м. «Марксистская», «Таганская»);
почтовым переводом по адресу: 109004, Москва, ул. Николаямская, д. 45/8, стр. 1;
извещением через банк.

Стоимость подписки при получении в редакции: полугодовая — 480 руб.

С доставкой по почте: полугодовая — 720 руб.

На бланке перевода обязательно укажите
свой почтовый адрес с индексом и контактный телефон.

<p><u>Оборотная сторона</u> Информация о плательщике</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <hr/> <p>(ИНН налогоплательщика)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p><u>Оборотная сторона</u> Информация о плательщике</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <hr/> <p>(ИНН налогоплательщика)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

Телефон для справок: (495) 912-23-04
Заказ журналов через Интернет: mosmag@mosjour.ru

Татьяна Владимировна Руденко

«И из Парижа к нам выписывает моды...»

**О некоторых модных магазинах Москвы
пушкинского времени**

*Центр французской моды в Москве — улица Кузнецкий мост.
Фотография 1890-х годов*

«Французская зараза»

В начале XIX столетия основными торговыми центрами в Москве и Петербурге были Гостиные дворы. Но существовали также частные магазинчики, принадлежавшие зачастую иностранцам. Дворянство нуждалось в изделиях высокого качества; приемы при Дворе, балы, праздники, музыкальные вечера и спектакли, званые обеды, праздничные гулянья требовали от участников этих церемоний соответствующих нарядов — и знатная публика обращалась за туалетами к иностранным торговкам и модисткам, где несомненное первенство удерживали французские мастерицы.

Жительницы обеих столиц слыли страстными поклонницами парижского вкуса. По свидетельству современников, «французские модистки увозили с собою в Париж добрую часть оброка рязанских и тамбовских мужиков. Московские щеголихи ужасно любили все парижское. Стоило только сказать, что вещь из Парижа, как они готовы были втрое за нее заплатить»¹. Говорили, будто, оказавшись в Париже, «один из наших соотечественников купил вдруг два магазина галантерейных вещей»². Порой эта галломания доходила до нелепостей. В начале 1841 года молоденькая Мария Траверсе прибыла в Петербург, где

оказалась вовлеченной в круговорот балов. Впоследствии она вспоминала: «На танцевальном вечере у Хитровых я была одета довольно просто: в белом кисейном платье с складками и <...> цветком на голове. Вероятно, благодаря моей французской фамилии, вообразили себе, что я прибыла из Парижа, окружили меня, как только я вошла в гостиную, начали восторгаться моим платьем, нашли в нем un cachet parisien (парижский отпечаток (*фр.*) — *Т. Р.*) и уверяли, что только там умеют одеваться со вкусом. Когда я сказала, что платье сшито дома, и в Париже я никогда не была, то верить не хотели, утверждая, что даже выговор у меня парижский, хотя он ничем не отличался от выговора других»³.

Но некоторые действовали ровно наоборот: заказывали изделие у знакомой мастерицы и говорили всем, что родственник из Парижа прислал. О своем лукавстве рассказывал брату А. Я. Булгаков: «Вечеру были на славном балу у князя Дмитрия Владимировича (московского генерал-губернатора Д. В. Голицына. — *Т. Р.*) <...> Она (Наташа — супруга А. Я. Булгакова — *Т. Р.*) была очень аванжна в парижском корсете а-ля севинье; на голове был тюрбан, хотя и здешний, но я уверил, что привезен мною из Парижа, и все одно твердят: здесь таких вещей не найти»⁴.

Привозные изделия пользовались большим спросом. Один любознательный итальянец, посетивший Петербург в 1810 году, обнаружил, что только город Лион поставлял в Россию мануфактурных изделий на 18 миллионов лир в год, а, скажем, содержание императорской Академии художеств стоило бюджету полмиллиона лир⁵. Общественность возмущало это «французолобие», которое считали второй заразой после чумы. Правительство вводило запреты на ввоз импорта, но не могло пресечь контрабанду. Увлечение французскими товарами стихло на некоторое время в период Отечественной войны 1812 года, но уже к 1814-му французские модистки снова потянулись в Россию. Вскоре после наполеоновского нашествия современники свидетельствовали: «По обеим сторонам Невского проспекта находятся богатейшие магазины всякого рода. <...> Почти все сии магазины содержат французженки; они имеют свои экипажи, кареты, сани, лошадей и слуг; когда они пешком, то за ними идут лакеи в ливреях; они всегда прекрасно одеты, магазины у них богатые, много роскоши и множество молодых учениц»⁶. Обслуживавшие состоятельную публику торговцы владеют немалым капиталом, «с которым надобно будет возвратиться во Францию»⁷.

Русские журналы отзывались на это гневными публикациями: «Давно уже жалуются в России на эту сволочь мадам и мамзелей, на эти магазины мод и новостей, которые высасывают у нас последнюю копейку; но ничто не помогает: зараза эта французская с каждым днем распространяется. Разврат сей столько у нас усилился, что не знаю, куда это заведет нас»⁸.

Литераторы высмеивали покупательниц, пристрастившихся к услугам французенок:

*Разврата обошла
Ряды всех русских лавок,
Нигде по мысли не нашла
Ни лент, ни шпилек, ни булавок.
Все было не по ней;
Ей не хотелось русских.
На что дешевых ей!
Ей надобно французских.*
.....
*Разврата в лавку лишь французскую вошла,
По мысли все нашла.
Какие чепчики! Какие это шляпки!
Какие калеси!*
*Флер, креп, лино, цветы, и перья, и накладки!
И, словом, в лавке сей все вещи хороши;
Да тут же и сидит не русская торговка,
Старинная плутовка,
Но честная мадам
Французския породы,
Котора принимать умеет знатных дам
И из Парижа к нам выписывает моды.
Что вымыслит сама, то модою зовет,
И с данным именем парижским то слывет.
Парижская дрянца московской лучше дряни,
Достойна налагать на дам российских дани,
Достойна всех похвал.
Не всяк ли это скажет?
И гордый самохвал
Почтение к ней кажет»⁹.*

Французские мастера набирали себе учеников — и русские помещики охотно определяли «в ученье» своих крепостных, чтобы иметь в имении или в доме швею, способную содержать в порядке господский гардероб. Газетная публикация 1817 года поведала вопиющий случай: «Полковник и кавалер Михайла Петров сын Бахтин отдал в Москве одной французженке до нашествия туда неприятеля для обучения разному рукоделию крепостную свою Брянской округи села Речицы дворовую 10-летнюю девочку Анну Егорову дочь Голубеву, по выходе же неприятеля ни французженки, ни той девочки в Москве не находится, и сия последняя по малолетству своему верно не знает, откуда и чья она; а потому сим

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Магазин модного платья в центре Москвы.
Фотография начала 1900-х годов*

объявляет, дабы, известясь она о сем, возвратилась, наняв лошадей, в сказанное село Речицу, где с благодарностию привезшему ее в полноте заплачено будет»¹⁰.

Хозяйки магазинов модных товаров часто не только осуществляли торговлю, но и сами выполняли заказы по пошиву или декорированию изделий. Таких именовали модистками. Французские модистки мадам Лебур, мадам Сихлер, мадам Мальпар, мадам Менне снабжали новинками самых знатных дам — вплоть до императриц. В конце концов, участие этих женщин в повседневной жизни общества было изрядным. Но что мы знаем о них? В газетных и журнальных рекламных объяв-

лениях указывались лишь фамилии и адреса модисток, а редкие мемуары содержат только упоминания той или иной мастерицы без всяких подробностей. Данный факт, видимо, объясняется двумя причинами. Первая — обращение к модистке было повседневным явлением и не вызывало интереса мемуаристов. Вторая — мастерство швеи пользовалось большим спросом и часто хорошо вознаграждалось, но не уважалось обществом.

В этой статье мы по возможности восполним пробел, рассказав о некоторых самых известных модистках того времени на основе проведенных нами архивных и библиографических изысканий.

Магазины Сихлер в Петербурге и в Москве

Среди столичных модисток первой половины XIX столетия наибольшую популярность приобрела мадам Сихлер. Однако под этим именем надо понимать целое семейство, так как торговцы и ремесленники тогда, как правило, вели дело именно семьями.

В 1815 году в Петербурге на Вознесенской улице в доме № 81 квартировал французский подданный Доминик Сихлер¹¹, но уже осенью следующего года он перебрался на престижную Большую Морскую улицу — в дом Киргиевского напротив губернаторского дома, где «вновь открыл свой магазин, в коем находятся всякие женские уборы, которые делаются также по заказу исправно и без замедления для отсылки в другие города»¹². Заведение «Sichler Marchand de Nouveautés» предлагало шляпы, чепцы, платья, кружева, ленты и прочие уборы. В 1830-х годах этот салон признавался одним из лучших в городе¹³.

Мадам Сихлер оказывала услуги императрице Александре Федоровне. В Российском государственном историческом архиве в фонде Канцелярии министерства императорского двора имеется «Дело об уплате иностранке, госпоже Сихлер, 752 рублей за вещи, взятые у нее для Государыни императрицы. 19 июля 1841 года»¹⁴.

Робинсон по оригиналу Кура.
Портрет А. М. Крюденер.
Около 1840 года

Известная петербургская красавица, по линии матери кузина императрицы Александры Федоровны, поэтический адресат Ф. И. Тютчева — Амалия Крюденер, «Крюднерша», как называли ее за глаза в обществе, тоже одевалась у мадам Сихлер. Ее счета, достигавшие десятков тысяч рублей, оплачивал высокопоставленный поклонник — граф А. Х. Бенкендорф¹⁵.

Наталья Николаевна Пушкина делала покупки у Сихлер на изрядные суммы. В записях А. С. Пушкина встречаются долги в 1000, 3000, 3500 рублей¹⁶. Один из счетов — на 3189 рублей ассигнациями — был погашен уже после смерти поэта: тысячу рублей внесла сама Наталья Николаевна, а остальное выплатила опека А. С. Пушкина в апреле 1838 года¹⁷.

Многие дамы стремились попасть к Марье Францевне Сихлер. Иные ее покупательницы вызывали иронию у современников. Вот генеральша — «преумная дама чрезвычайно красноречиво говорит: о французском театре, об опере, балах, концертах и о моде. Целый день лежит на мягком оттомане в роскошном капоте m-me Сихлер или г-жи Соловьевой, с пренебрежением говорит обо всем русском; но по воскресеньям ездит в церковь после 12-ти часов»¹⁸.

<p>M. ARTHUR MATIAS, au Pont des Marchaux, maison Tatistcheff, au coin de la Pétrouka.</p> <p>MAGASIN DE PARIS: robes, manteaux, mantilles, modes, broderies, lingeries et nouveautés.</p> <p>G. АРТОРЪ МАТІАСЪ, на Кушниковъ мосту, въ домъ Татищева, на углу Петрова.</p> <p>ПАРИЖСКІЙ МАГАЗИНЪ: платья, манты, мантальи, вышитыя женскія уборы, бѣлыя манты и шали.</p> <p>A LA VILLE DE LYON, G-de Louisa, maison Louchanoff: soieries, confections au tout genre, articles de dentelles: Bruxelles, Chantilly etc, et d'elles, cachemires.</p> <p>ГОРОДЪ ЛОНЪ, въ Большой Морской, въ домъ Лущина. Большой выборъ вышитыхъ мантъ; французскія капюшонныя кружева: Bruxelles et Chantilly и проч.</p> <p>Д Е Н О вышитыя манты и бѣлыя мантальи, вышитыя шарфы и шали Г-жа ВЪЛНІННОЙ, въ Сухопутномъ Части, въ собственномъ домѣ.</p> <p>Ancien Magasin L'ecole, au Pont des Marchaux, maison du Prince Galitzin.</p> <p>J. DARZENS succ-r: broderies de Paris, lingeries, corsets, trousseaux, carterelles de mariage. Большой магазинъ Сихлера, на Кушниковъ мосту, въ домѣ Казна Галитина.</p> <p>Ж. ДАРЦАНСЪ: магазинъ бѣлыя, вышитыя мантальи роза, корсетъ, мантъ, шарфовъ, вышитыхъ шарфовъ и проч.</p> <p>MAGASIN FOSS, au Pont des Marchaux, maison Warguin: Laines, soieries, dentelles etc.</p> <p>МАГАЗИНЪ ФОССА, на Кушниковъ мосту въ домѣ Вурганъ: шерсть, шаль, каша, уборы и проч.</p>	<p>LOUIS BOUIS et Cie. parfumeurs de la Cour, au Pont des Marchaux, maison Tatistcheff.</p> <p>ЛУИ БУИСЪ и К^о. парфюмерныя парфюмы, на Кушниковъ мосту, въ домѣ Татищева.</p> <p>Ancienne Maison D'ecole. M-me AUGUSTE, PERRIERE. Rue des Marchaux, maison Solodovnikoff, en face de l'Ecole des Theatres. Большой магазинъ Д'еколь. Г-жа ОГУОСЪ заводитъ манты и черныя шерсть. Противъ Театральнаго Школы, на Кушниковъ мосту, въ домѣ Солодовниковой.</p> <p>SICHLER: modes, robes, nouveautés, à la G-de Dmitrova, maison Galsch-Sitcheff.</p> <p>С И Х Л Е Р Ъ Магазинъ модныхъ уборовъ, на Большой Морской въ домѣ Галтбовой-Ситчинской.</p> <p>M-me FABRE, modiste. Rue Solodovnikoff, maison Soutzoff. Г-жа ФАБРЪ, модистка. въ Солодовниковской переулкѣ въ домѣ Солонца.</p> <p>CHARLES, coiffeur. A la Tuerskoje, maison Popoff. Ш А Р Л Ъ, парикмахеръ. въ Туерской въ домѣ Попова.</p> <p>I. W. HUNKE, au Pont des Marchaux, maison Karasin. Magasin de chapreux, nouveautés, papiers, leu- tres et parfumeries.</p> <p>И. В. ЮНКЕРЪ, на Кушниковъ мосту, въ домѣ Карасина. Магазинъ шляпъ, модистки, бижутеріи, вышитыя манты, буфы и другие товары.</p>
---	--

Впечатъ въ типографіи. Москва. 15 Мая, 1833 г. Цензоръ В. Флеровъ.

Реклама московского магазина Сихлер
в журнале «Магазин мод и рукоделья».
1853 год

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Когда горожане готовились к праздникам, гуляньям или балам, в швейных мастерских объем работ увеличивался в несколько раз. В первую очередь обшивали высокопоставленных, родовитых, состоятельных клиентов, остальным приходилось дожидаться своей очереди. Молодая провинциалка, попавшая в столицу, описывала трудности, которые ей пришлось «преодолеть в магазине Сихлер: едва-едва упростила ее сшить мне бальное платье, и то с условием, чтоб я дождалась до семи часов вечера в самый день бала. Наконец наступил этот день! <...> Ударило семь часов — нет платья! Посылаю человека в магазин — ответ: дошивают; чрез полчаса посылаю другого — ответ тот же, чрез час — тот же! Добрый папáедет сам в магазин и чрез час привозит платье и швею из магазина. Примериваем — слишком длинно; рукава, которые должны стоять на плечах, — опадают: беда, сущая беда! Посылаем карету еще за двумя швеями; начинается работа, и чрез два часа, т. е. ровно в десять часов, я одета. Гляжусь в трюмо — все хорошо, все мило, все на своем месте. Платье из белого крепа, на белом атласе, убранный газом лисе, с бантами из газовых одноцветных лент с лоснящеюся и темною полосой. Рукава подняты и сморщены зигзагами — прелесть! При свечах отливается как матовое серебро»¹⁹.

Хроникер столичного журнала описывал Екатерингофское гулянье 1 мая 1824 года:

«Мода за несколько дней истощила все богатство роскоши и вымысла в разнообразии новых экипажей и особенно в нарядах прекрасного пола. Кажется, о многих из сих нарядов можно было сказать стихами князя Долгорукова:

*Сам Циклер шил,
И каждый платье сгиб
Амур заворожил»*²⁰.

Более или менее обосновавшись в столице, Доминик Сихлер отправился расширять дело в Москву. В 1817 году его лавка располагалась в доме Олсуфьева на Тверской улице, однако поначалу дела в ней не ладились. Вероятно, Доминик не мог подолгу оставаться в Москве, служивший же у него купец Краузе принимал решения, не согласовывая их с хозяином, а, может быть, и в ущерб ему. Этот конфликт вынудил владельца магазина сообщить через газету, что «он Зихлер (Сихлер. Бытовали оба написания. — *Т. Р.*) есть единственный и настоящий хозяин, здешний же купец Краузе исправляет у него толь-

ко должность комиссионера»²¹. Кроме того, Доминик упоминал «некоторые адресные билеты, пущенные в общество до прибытия г-на Сихлера, а посему и без его желания»²².

Зависимость от ненадежного партнера, с которым не возникло доверительных отношений, не могла нравиться Доминику. И вот в январе 1820 года в московской печати упоминается «санктпетербургской купеческой сын Лудовик Франц Сихлер», проживавший в доме генеральши Елизаветы Петровны Глебовой-Стрешневой на Большой Дмитровке²³. Теперь в магазине работало несколько представителей этого семейства; с тех пор хозяева уже никогда не доверяли свое дело посторонним лицам.

В 1824 году Доминик решил вступить в московское купечество. Для этого ему потребовалась рекомендация от двух купцов 2-й гильдии и купца 3-й гильдии: «Мы, нижеподписавшиеся московские купцы, быв уверены в добрых качествах и познаниях в торговых делах уволенного из С[анкт]петербургского мещанского оклада Доминика Сихлера и зная, что он имеет достаточный капитал на вступление в Московское купечество по 3-й гильдии, соглашаемся принять его в сословие наше и ручаемся по нем в точном платеже всех казенных податей и гражданских складок, как по купечеству так и по мещанству <...> в чем и выдали мы ему сие свидетельство за подписанием нашим»²⁴. Согласие сословия было получено²⁵. 21 апреля 1825 года последовал указ Московской казенной палаты за № 7837: «Предписывается <...> приняв от С[анкт]петербургского мещанина Доминика Зихлера следующие на сей 1825 год с капитала 3-й гильдии процентные с повинностями деньги двести восемьдесят рублей, вычтя из оных в пользу города четверть процентных 20 руб., отослать в здешнюю шестигласную думу на земские повинности 40 руб. и за право торговли 220 руб. в здешнее уездное казначейство, и потом его Зихлера причислить с начала сего ж 1825 года в Московское купечество по 3-й гильдии с женою его Марьею Францовою»²⁶.

В посемейном списке за 1825–1826 годы купцов «Гостиной сотни» города Москвы значится «Доминик Зихлер, 65 лет; у него жена Марья Францова, 52 года <...> капитала объявлено 8000 руб.»²⁷

В 1836 году Доминик выбыл из московского купечества²⁸. Но до этого — в 1835-м — в 3-ю гильдию вступил Эрнст Жан Этьен Сихлер. Указом Московской казенной палаты от 22 ноября 1835 года за № 24953

предписывалось «из иностранцев российскойско[го] подданного Эрнста Жан Этьена Сихлера с женою его Фаннией Францовою в Московское по 3-й гильдии купечество на будущий 1836 год причислить»²⁹. Эрнсту Жану Этьену было 28 лет, его супруге — 27, они торговали дамскими уборами и проживали в доме Глебовой-Стрешневой на Большой Дмитровке. Но состоял ли Эрнст в родстве с Домиником, пока не ясно.

Присутствие Эрнста Сихлера в Москве прослеживается до конца 1840-х годов. В адресной книге 1839 года значится «Сихлер Эрнст Жан Этьен, портн[ой], куп[ец] 3 г[ильдии], Твер[ская] ч[асть], 5 к[вартал], пр[иход] Георг[иевского] монастыря, д[ом] Глебовой-Стрешневой»³⁰. Как владелец модного магазина Эрнст Сихлер внесен в московский справочник 1842 года³¹, его имя присутствует в указателе 1846 года³², а календарь на 1850 год сообщает: «Сихлер, Эрнст Жан Этьен, 3 гил[ьдии] куп[ец], Серп[уховская] ч[асть], в Градской больнице»³³. В том же справочнике за 1851 год фамилия Сихлер (Зихлер) уже отсутствует.

Интересно, что в справочнике М. Д. Рудольфа (1849) модный магазин на Большой Дмитровке указан как «быв[ший] Сихлер»³⁴. Однако и в начале 1850-х годов его упоминали под маркой прежних владельцев. Весной 1853-го накануне Пасхи — когда дамы спешили обновить свои туалеты — корреспондент московского журнала «Магазин мод и рукоделья» писал: «М-те Сихлер (на Большой Дмитровке, в доме Глебовой-Стрешневой), Фабр (в Столешниковском переулке в доме Солнцева), Anette (в Кузнецком переулке в доме Солодовниковой) и другие готовят к празднику множество прекрасных шляпок, форма которых очень грациозна, с тульями немного наклоненными вниз. Описывать их мы не решаемся, во-первых, потому, что они потеряют много в описании, во-вторых, потому, что не хотим лишить тех из наших читательниц, которые живут в Москве, приятного удивления при виде их произведений»³⁵.

Владельцы магазина внимательно следили за всеми новинками в области моды, для чего регулярно выезжали во Францию, доставляя оттуда необходимые материалы, новые модели, свежие идеи, образцы изделий и, конечно, умелых мастериц. Известны такие вояжи Доминика Сихлера в октябре 1826 года и в сопровождении дочери Зои в апреле 1828-го³⁶. Перед отбытием из города в 1828 году Доминик опубликовал в газете уведомление: «Мос-

ковский купец Сихлер, предполагая, что по случаю отъезда его за границу можно будет подумать, что и дела его по магазину, состоящему на Большой Дмитровке в доме генеральши Глебовой, от сего прекратятся, честь имеет довести до сведения особ как здешней столицы, так и иногородних, удостоивавших его своею доверенностию, что во время пребывания его в Париже управление магазина препоручил он сыну своему Льву Сихлеру и дочери г-же Лопес»³⁷.

Вскоре его родственницы Изабелла Францевна Сихлер и Наталья Осиповна Лопес, урожденная Сихлер, сообщили москвичам, что «для поддержания славы, которою их заведение поныне пользуется, прибыла к ним из Парижа мастерица превосходного искусства по модной части, избранная г-м Сихлером, ныне пребывающим во Франции. Кроме сего, имеют они честь довести до сведения почтеннейшей публики, что по причине нахождения отца их в Париже они имеют способы беспрепятственно получать появляющиеся ежемесячно там новости и чрез то удовлетворительным образом возобновлять отделку всех работ их»³⁸.

«Наташенька Сихлерова» упоминается в одном из писем 1819 года А. Я. Булгакова к брату³⁹. Любопытно примечание к письму, где сказано, что названная особа — «знаменитая впоследствии мастерица мод, содержащая богатый магазин в Москве на углу Большой Дмитровки и Камергерского переулка»⁴⁰. Наташенька — предположительно Наталья Осиповна Лопес.

В 1830 и 1835 годах в Париж ездила французская подданная Изабелла Сихлер, во втором случае взяв с собой малолетних детей Александра и Марью⁴¹, в 1838, 1840 и 1844 годах — «московская 3-й гильдии купеческая жена Гостиной слободы Фанни Францова Сихлер»⁴².

В 1848 году Сихлеры снова засобирались во Францию. В Российском государственном историческом архиве сохранилось «Дело о выдаче купцу Сихлеру заграничного паспорта». В деле представлены письмо Сихлера от 22 сентября 1848 года о выдаче ему заграничного паспорта для поездки по семейным и торговым делам, а также перевод этого письма на русский язык. Оно содержит краткие биографические сведения о членах семьи Сихлер, в частности сообщение о том, что Мария Сихлер с 1815 по 1845 год управляла «петербургским заведением»⁴³.

«На Петровке, в доме г-жи Раевской»

Еще один известный в Москве модный магазин принадлежал купцу 3-й гильдии Антону Ивановичу Монигетти и его жене Шарлотте Осиповне и существовал около трех десятилетий на Петровке. Антон был уроженцем швейцарского города Биаска. В 1816 году ему исполнилось 28 лет, Шарлотте — 21 год⁴⁴.

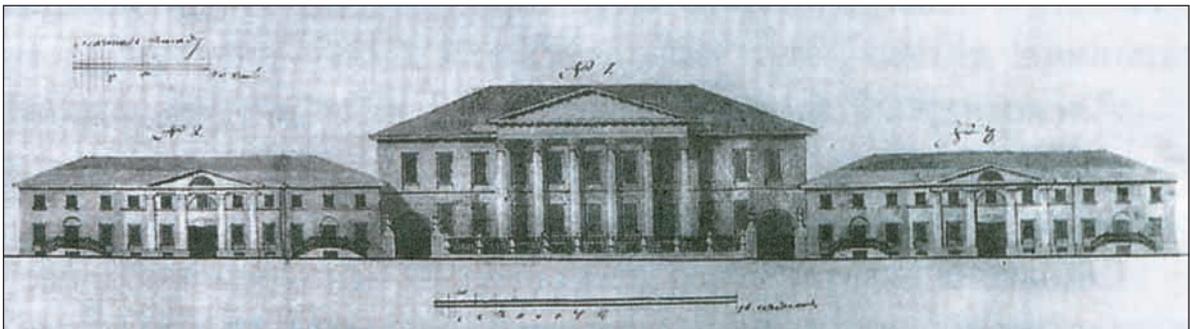
Согласно документам 1817 года, «иностронец Антоний Монигетти нанял в доме госпожи надворной советницы Марьи Антоновны Раевской, состоящем в Тверской части под № 100-м, во флигеле верхний и нижний отделения с винным подвалом, с двумя погребями и напогребницами, с двумя каретными сараями и одной конюшнею, взойдя в ворота на левой руке, впредь на пять лет ценою за каждый год три тысячи семьсот рублей ассигнациями»⁴⁵.

Заведение четы Монигетти именовалось Швейцарским магазином и предлагало широчайший выбор товаров. Тут можно было найти разнообразные чепчики, итальянские соломенные шляпки, дамские касторовые шляпы с перьями, перья страусовые и марабу; кисейные, шерстяные, кашемировые, бальные газовые платья, бурнусы, атласные палантинны, атласные, кисейные и бархатные канзу, модести, шарфы и шали, блондовые шарфы и косынки, шелковые, филейные, тюлевые и буфмуслиновые мантильи, вуали, фартуки и колоретки, шелковые чулки для дам и мужчин, перчатки, материи для платьев, модные кисеи, блонды и брюссельские кружева различной ширины, французские корсеты. Сюда завозились разнообразные детские вещи и товары для мужчин — батистовые и полотняные сорочки, галстуки, манишки и пуговицы для них, жилеты, батистовые шейные и карманные платки, бумажники; а также шкатулки для женских рукоделий и для дороги, дорожные мужские туалеты, бронзовые столовые часы и фарфоровые сервизы. В магазине

К. П. Брюллов.
Портрет И. А. Монигетти.
Холст, масло. 1840 год

предлагали ридикюли, веера и бижутерию — диадемы, черепаховые гребни, пряжки, серьги, броши, подвески, кольца и браслеты, булавки, бусы «сходные с настоящим жемчугом», в 1828 году завезли кресты а ла Жаннет, в 1833 году — «серьги и браслеты чугунные, называемые Фер-де-Берлен, и разные чугунные вещи». Дамы могли порадовать себя разнообразными косметиками — лавандовой и альпийской водой, душистым неаполитанским мылом, свежей огуречной помадой для лица, римской водой, «от которой содержатся волосы в величайшей чистоте», новыми духами. Для мужчин имелся выбор охотничьих ружей и пистолетов фабрики Лепаж⁴⁶. Здесь же выполняли заказы по пошиву приданого. Что касается белья, то этот адрес считался едва ли не лучшим в Москве. Справочная книжка на 1826 год рекомендовала: «Охотники и охотницы

Чертеж усадьбы Раевских. 1834 год

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Портбукет — футляр для живых цветов.
Латунь, золочение, перламутр.
Франция. 1830-е годы*

Веер. Франция. 1815 — 1825 годы

*Флакончики для духов.
Венецианское стекло, двуслойное стекло, металл.
Первая половина XIX века*

Сумочки «ридикюль»

*Сумочка из белого шелкового атласа с вышитой корзиной цветов;
отделка бахромой. 1810 — 1815 годы*

*Сумочка из золотистых и зеленых шелковых ниток,
с шахматным узором; украшена медальоном
с архитектурным пейзажем и кистью. Начало XIX века*

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

до хорошего белья могут покупать его <...> у Монигетти в Швейцарском его магазине, который выписывает оное прямо из Парижа; также принимает работу и по заказу»⁴⁷.

В описываемую эпоху мода живо откликнулась на все значимые события общественной и культурной жизни, а ремесленники и торговцы бойко извлекали прибыль из любого нерядового происшествия. В конце 1825-го и в 1826-м французские мастера заполнили рынок (вероятно, в первую очередь в России) вещами, связанными с кончиной русского императора Александра I и восшествием на престол Николая I. В Москву, Орел и Киев завезли «самые новейшие и щеголеватейшие» парижские новинки — черные пояса и браслеты á l'Alexandre с серебряными фермуарами и пояса и браслеты á la Nicolas. Эти вещицы продавались в Москве «в магазинах Риса, Буаселя, Монигетти и Цихлера» (вероятно, имеется в виду магазин Доминика Сихлера на Большой Дмитровке), а иногородние дамы могли получить обновку по почте, для чего им следовало обратиться к г-ну Монигетти и приложить 30 рублей ассигнациями. В рекламе утверждалось, что «все в новом роде, изящно, просто и нарядно. Заботливость дам иметь сии приборы служит им лучшею похвалою. <...> Должно сказать, что вкус, самый разборчивый, виден как в изобретении, так и в отделке сих прекрасных приборов»⁴⁸.

Вероятно, в магазин приходили покупатели с разным уровнем достатка. Такое предположение основано на анализе рекламировавшегося перечня товаров: тут соседствовали вещи дорогие и среднего качества — например, платки и шали из третьесортного шелка бур-де-суа⁴⁹. Да и бусы, «сходные с настоящим жемчугом», вряд ли предназначались для богатых клиентов.

У модных магазинов имелись должники. Дочь княгини Е. Р. Дашковой Анастасия Михайловна Щербинина (1760–1831), по признанию современников, была прекрасно образованна и обладала великолепным вкусом, но часто делала долги, что всегда огорчало и сердило ее просвещенную родительницу. В Центральном историческом архиве Москвы сохранились дела 1819 и 1820 годов «О просьбе московского купца Антона Монигетти взыскать деньги с бригадириши Щербининой». Настасья Михайловна задолжала купцу 2497 рублей 80 копеек и никак не могла расплатиться: после первой жалобы «она объяснением отозвалась, что в наличности денег не имеет, а обязуется заплатить в непродолжительном времени, до того же обеспечивает иском с Санктпетербургского купца Степана Усачева»⁵⁰, а при повторном разбирательстве «письменно отозвалась, что ныне заплатить за неполучением из вотчины ея оброку не может, а не преминет отдать вскорости, до того же времени представила в обеспечение сей претензии недвижимое имение, состоящее в Новгородской губернии Череповецкого уезда в деревне Коротовой»⁵¹.

*Магазины модной одежды на Петровке.
Фотография 1900-х годов*

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Образцы европейских дамских нарядов 1810 – 1840-х годов

*Французское платье. Франц Ксавер Нахтман.
Портрет дочери принца Евгения Богарне.
Акварель. 1829 (?) год*

*Русское платье.
Анри-Франсуа Ризенер.
Портрет княгини
Варвары Сергеевны Долгоруковой.
Холст, масло.
Конец 1810 – начало 1820-х годов*

*Австрийское платье.
Фридрих фон Амерлинг.
Баронесса
Мария фон Вескью-Пютлинген.
Холст, масло.
1832 год*

В 1823 году магазин предложил необычную услугу: некий итальянец Талмафери из Милана, «уезжая скоро из Москвы в свое отечество», брался «удовлетворить каждую из особ, которая пожелает иметь родословие свое и своих предков, также и герб своей фамилии, сделав выписку из знаменитой библиотеки, существующей для сего в одном городе Милане и известной во всей Европе своею верностью на счет существования каждой фа-

милии». Заинтересовавшиеся записывались в специальную книгу в магазине Монигетти, где могли увидеть образец герба. Услуга стоила 40 рублей ассигнациями и оплачивалась после выполнения заказа, который обещали доставить в пятимесячный срок. Иногородные граждане имели возможность обратиться к Антону Ивановичу во время Коренной ярмарки в Курской губернии⁵², куда он собирался выехать вместе со своим магазином⁵³.

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

В конце 1830-х годов хозяева магазина ограничили свой ассортимент бельем, дамскими уборами и косметикой, поэтому в марте 1839-го они распродавали бронзовые изделия — браслеты, серьги, булавки, цепочки, запонки, пряжки, портбукеты, диадемы, бусы, гребни, колокольчики, чернильницы, столовые и карманные часы, а также предметы из фарфора и хрусталя, бумажники, флакончики, термометры, табакерки, лорнеты и подзорные трубки. «С большою уступкою» предлагались мужские и женские перчатки, мужские шейные платки, шарфы, кисеи различных цветов, белые и черные терновые шали⁵⁴.

Весной 1842 года магазин перешел к новой владелице — Елизавете Вильям, о чем сообщила сама Шарлотта Осиповна в газетном объявлении, в котором выразила признательность своим постоянным покупателям и представила новую хозяйку: «Г-жа Монигетти, имевшая после продолжительного 27-летнего времени свой магазин, состоящий в изделии всякого белья и продаже всяких модных новостей, в доме г-жи Раевской, честь имеет известить почтеннейшую публику, что оставляя ныне торговлю, передала свой магазин госпоже Вильям, урожденной Массон, и сим пользуется изъявить свою благодарность всем почтеннейшим покупателям, которые до сих пор удостоили ее своим доверием, и просит покорнейше почтенных особ продолжать сие доверие г-же Вильям, недавно приехавшей из Парижа, где она имеет сношение с лучшими заведениями, касающимися до нового вкуса модных изделий, и ручается вперед, что она г-жа Вильям всевозможное старание употребит поддержать славу, приобретенную моим магазином, и усердием своим и знанием всякого изделия, касающегося до сего магазина, будет стараться удовлетворять почтеннейшую публику своею аккуратностью и выбором товаров новейшего вкуса»⁵⁵.

Наши герои не сторонились и общественной жизни. Осенью 1830 года в Москве свирепствовала холера. Во всех частях Первопрестольной на пожертвования горожан устраивались временные больницы. В пользу Тверской больницы поступило 105 рублей монетой от московского купца Сихлера⁵⁶. Антон Монигетти оповестил москвичей, что «продает известный уксус под названием Четырех разбойников и долгом себе поставляет по нынешним обстоятельствам продавать его за самую умеренную цену, а именно склянка 3-х унций 1 руб. 50 коп., которую продавал в прежнее время по 4 р.; неимущим же людям, которые жительство

имеют в Тверской ч[асти], по представлении свидетельства из полиции будет выдаваем от него безденежно»⁵⁷. Уксус предназначался для очищения воздуха в помещениях, обработки одежды и втирания в руки и виски перед выходом на улицу. Кроме трех сотен бутылок, предназначенных для бедных, торговец передал еще 50 штук для Тверской больницы.

В 1839 году Антона Монигетти избрали присяжным попечителем московского коммерческого суда⁵⁸. Умер он в 1857 году⁵⁹.

Шарлотта Осиповна и Антон Иванович Монигетти вырастили троих сыновей: Иполита, Федора и Осипа. Родители связывали будущее своих детей с торговой деятельностью, но вместе с тем постарались дать им разностороннее начальное образование. Мальчики Монигетти провели первые годы ученья вместе с будущим писателем Д. В. Григоровичем, мать которого определила сына «не столько в пансион, сколько в семейство порядочных, вполне надежных людей». В своих воспоминаниях автор «Деревни» и «Антон-Горемыки» писал:

«В Москве <...> существовал на Петровке известный французский модный магазин г-жи Монигетти; у содержательницы магазина было три сына; желая дать им образование, но вместе с тем желая, чтоб оно обошлось дешевле, она придумала брать к себе на дом воспитанников; за известную годовую плату они пользовались помещением, столом и уроком. <...>

Г-жа Монигетти была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно над мужем, но, в сущности, имела доброе сердце и обращалась с нами по-родительски. Не следовало ей только противоречить; она сама говорила, что тогда горчица подступает ей к носу; голос ее в таких случаях раздавался по всему дому, и все мгновенно затихало как перед бурей; но «горчица отходила от носа» — и снова все шло обычным порядком.

Муж ее, родом итальянец, содержал в том же доме погреб иностранных вин и отличался голубиною кротостью нрава; он занимал в квартире жены крошечную комнату и редко показывался, проводя свободное время в обществе соотечественников — певцов, музыкантов, артистов всякого рода, приезжавших в Москву.

<...> Кроме трех сыновей Монигетти, посторонних воспитанников было шестеро. Четверо из них принадлежали семействам французских коммерсантов, основавшихся в Москве с двенадцатого года; русских было только двое: я и Попов, поступивший потом

в отделение восточного факультета при Министерстве иностранных дел, назначенный после окончания курса консулом в Яссы, потом генеральным консулом в Марсель и окончивший дипломатическую карьеру послом в Пекине»⁶⁰.

Скажем подробнее о детях Шарлоты Осиповны и Антона Ивановича.

Старший сын Ипполит родился 2 февраля 1819 года. Он свободно изъяснялся на русском, французском и итальянском языках. «Воспитанием и первыми познаниями Монигетти обязан матери. Она недурно владела акварелью, хорошо исполняла вышивки по собственным рисункам и старалась привить свое уменье <...> сыну. Занятия с матерью были Ипполиту по душе и проходили успешно, поэтому, когда мальчику исполнилось десять лет, мать решила предоставить ему возможность серьезно заняться искусством»⁶¹. Юноша окончил московское Строгановское училище «первым учеником с похвалой», затем Петербургскую Академию художеств и стал известнейшим архитектором. Постройки И. А. Монигетти украшают Петербург и окрестности, а в 1873 году по его проекту возводился павильон «Русская изба» на Всемирной выставке в Вене⁶². Москва обязана ему зданием Политехнического музея.

Федор Антонович пошел по стопам родителей, занимаясь торговлей. Его имя связано с книжным делом. В 1838 году Антон Монигетти открыл для сына в Москве на Петровке, напротив Кузнецкого моста, в доме Михалкова (прежде Анненкова) французский книжный магазин, в котором были представлены издания по литературе, истории, медицине, физике, химии, богословию, мемуары, труды по искусству, большой ассортимент книг для образования и для развлечения юношества, детская литература, атласы и географические карты, журналы для детей и, конечно, модные журналы того времени. Тут же существовал читальный зал, принималась подписка на французские газеты и журналы — например, имелась возможность выписать журнал «la Brodeuse» («Швея»)⁶³. Федор Антонович вместе с Владимиром Готье приобрел известную типографию Августа Семена, и в 1847 году они получили разрешение от московского военного генерал-губернатора на ее функционирование. Но уже в следующем году Монигетти вышел из дела, и типография оказалась полностью во владении Готье⁶⁴.

В 1853 году Федор Антонович перешел в Санкт-Петербургское купечество.

«Парижский журнал замедлился по причине распутицы»

На что ориентировались дамы, собираясь приобрести или заказать себе наряд? Конечно, они пристально изучали костюмы заезжих иностранок — таких, как парижская портретистка Мария Луиза Элизабет Виже-Лебрэн или писательница Анна Луиза Жермена де Сталь, итальянских и французских актрис, гастролировавших в России, жен дипломатических посланников при нашем дворе, а также соотечественниц, возвратившихся из-за границы. Менее богатые модницы подражали более состоятельным. Отдельные очень обеспеченные счастливицы выписывали иностранные модные журналы. Эти издания появились во Франции (первое из них датируется XVII веком), а к концу XVIII столетия они существовали уже и в Германии, Англии, Италии. Французские журналы сопровождалась изумительными цветными иллюстрациями, которые создавали выдающиеся художники и рисовальщики. Стоимость журналов была очень высока, круг подписчиков невелик, рассылка же за границу значительно повышала их цену. Героиня очерка О. И. Сенковского «Петербургская барышня» (1833) принадлежала как раз к семье, где получали иностранную почту: «Посмотрите, посмотрите!.. Вот она!.. В гроденаплевом клоке с двумя длинными зубчатыми воротниками, украшенными широкою гирляндой, вышитой шелком, в малой атласной шляпке розового цвета с черною бархатною подкладкою!.. Вчера только пришел по почте обожаемый журнал «La Mode»⁶⁵: сегодня уже видите вы на ней точно такой клок и такую шляпку, которые предписаны модою»⁶⁶.

В 1823 году московский журналист и литератор князь Петр Иванович Шаликов (1767/68—1852) затеял издание «Дамского журнала», содержащего страничку «Мода» и модную картинку — раскрашенную гравюру с изображением дам, мужчин и детей, одетых в фасоны согласно последним рекомендациям. А. Я. Булгаков писал брату: «Князь Шаликов будет издателем модного журнала, коего цель и prospect очень хороши. Тут много есть хороших материалов. Издание будет щеголеватое. <...> Попрошу Вяземского сообщать тоже статьи и сам буду им при случае сообщать, что случится касающегося до дам, моды и тому подобное. Подписчиков уже много. <...> План мне очень нравится, и, кажется, пойдет хорошо»⁶⁷. Журнал сначала выходил два раза в месяц — несколько дней спустя после появления заграничных журналов — и стоил в пять раз дешевле последних.

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Неизвестный художник.
Портрет П. И. Шаликова.
1820-е годы

В московской печати сразу же развернулась полемика между сторонниками и противниками распространения моды. Автор «Вестника Европы» «желал спросить у г. Издателя вышеупомянутого журнала: какая цель оно? Неужели распространение роскоши и суетности, поддержание нашей привычки во всем подражать иностранцам?»⁶⁸. Он с сарказмом писал, что увидел-де на туалете знакомой дамы «под румяным горшочком книжку, половина которой уже была изорвана на завивки; любопытство заставило меня прилежно собрать все сии лоскуточки, распрямить их, прочитав — и <...> в руках держал я «Дамский журнал» в лазорево-сизоголубой обертке с нежно-сентиментальным эпиграфом: Все служит красоте»⁶⁹. В другом номере «Вестника» критик не унимался: «Картинки при <...> журнале так дурно сделаны, что ничего нельзя разобрать, а можно с них снимать костюмы разве для карикатур»⁷⁰.

Шаликов объяснился с оппонентами в апрельской книжке: «Нужно ли говорить в оправдание ваше и свое собственное о необходимости мод в столице, в государстве европейском, когда и самые дикие народы имеют свои моды; когда не только дамы, но и кавалеры наши, но и военные люди занимаются щегольством, нимало не предосудительным, если уж надобно быть в обществах, на балах и проч.? И так, когда уже сие зло неизбежно; то не смешно ли думать и писать, что русский «Дамский журнал» увеличит оно?»⁷¹. К тому же цель благая: «Заменить дорого стоящую выписку подобных журналов из-за границы и чрез то большому числу любезных соотечественниц доставить удовольствие знать новейшие изобретения моды в истинной ее столице — Париже»⁷².

Вскоре у «Дамского журнала» появились последователи: в 1825 году в Москве начал выходить «Московский телеграф», а в 1829-м — еженедельник «Галатей», в которых присутствовал и раздел «Моды». В конце 1820-х годов к ряду петербургских периодических изданий также прилагались модные иллюстрации.

Для современников в этих журналах было непривычным сочетание высокого (искусства) с повседневным (потребностью одеваться). Портновское дело воспринималось как ремесло, ничего общего не имеющее с искусством и, следовательно, не могущее соседствовать с серьезной литературой. «Я бы простил издание оною какому-либо портному (и тогда только, когда бы в сем журнале заключались одни известия о модах; ибо зачем оскорблять изящные искусства сближением со шляпками?); но жрецу ли изящного <...> заниматься женскими чепчиками?»⁷³ — сокрушался автор «Вестника Европы». Тем временем русские издатели уже сотрудничали с профессиональными живописцами и граверами. На первых порах гравюры для «Дамского журнала» выполнял выпускник Академии художеств Егор Осипович Скотников (ок. 1780—1843), а с 1825 года редакция работала с другим выпускником академии — Александром Александровичем Флоровым (ок. 1784/88—после 1830), служившим рисовальщиком и гравером при музее Московского университета и «признанным за лучшего на Москве»⁷⁴. Для «Московского телеграфа» более 200 модных картинок подготовил Александр Гаврилович Афанасьев⁷⁵.

В конце 1832 года Шаликов, не скрывая радости, сообщил москвичам, что сама императрица Александра Федоровна соизволила подписаться на «Дамский журнал»⁷⁶.

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

Модные картинки 1810 – 1840-х годов

«В Париже 15 августа 1827».
Гравюра из журнала «Московский телеграф».
1827. № 16

«В Париже 31 января 1831».
Гравюра из журнала «Московский телеграф».
1830. № 21

Наряды для прогулок по моде 1845 года

Костюмы для визитов с аксессуарами. 1836 год

*Домашнее платье из кашемира,
украшенное расшитым бархатом.
Атласная шляпка с газовой вышитой вуалью.
1843 год*

*«Парижские моды».
Гравюра 1814 года из французского издания
«Journal des Dames et des Modes»
(«Газета о дамах и о моде»)*

Итак, в России получали свежий номер парижского журнала мод, делали перевод текста и готовили тираж иллюстраций — приложение к русскому литературному изданию готово. Однако отсутствие сносных дорог и неторопливость служащих почтового ведомства существенно затрудняли доставку корреспонденции. (По преданию, губернатор Камчатки генерал П. И. Риккардо получал газеты всего два раза в год!⁷⁷). Поэтому в русских изданиях первой половины XIX столетия нередко такие уведомления: «Модный парижский журнал замедлился по причине распутицы: посему и не получили мы новейших дамских костюмов»⁷⁸.

Модные картинки быстро и прочно вошли в отечественный быт. Журналы, печатавшие такие вклейки, распродавались гораздо лучше своих соперников⁷⁹. И серьезным литературным изданиям — «Московскому телеграфу», «Библиотеке для чтения» — наряду с прозой, поэзией, критикой, сообщениями о книжных новинках, новостях науки и промышленности приходилось публиковать обзоры моды с приложением соответствующих иллюстраций.

Вероятно, модные картинки распространялись и иными способами. Так, в московской лавке Ивана Григорьевича Трухачева (на Лубянской площади в доме Шипова) в 1830 году выставлялось «Собрание Парижских костюмов во весь рост, или приятной подарок на 1830 год милым барышням, состоящий из 15 искусно гравированных иллюминированных картинок, наклеенных на картон, вырезанных и расставленных в приятном виде»⁸⁰, а в 1832-м предлагались «Новейшие туалетные гадательные карты для прекрасных девушек и любезных женщин, состоящие из 52 карт, изображающих парижские костюмы». Издатель сообщал об успехе оных в Англии и Франции и надеялся на благосклонный интерес соотечественников⁸¹. Похожее издание упоминалось в столичных газетах 1816—1817 годов⁸²: «Туалетные гадательные карты, содержащие в себе 72 фигуры, с ответами из русских пословиц», напечатанные московской типографией Н. С. Всеволожского в 1816 году⁸³.

Иногда устраивались рекламные акции. Например, журнал «Библиотека для чтения» объявлял в последнем номере за 1845 год, что издатель Матвей Дмитриевич Ольхин «ждет

из Парижа чудеснейших модных картинок, которые с Нового года будут прилагаться к этому журналу. <...> Шесть этих картинок он даст подписчицам в зимние месяцы даром, а кто хочет получать по две картинки из «Moniteur de la mode» (французский журнал «Наставник мод». — *Т. Р.*) каждый месяц, всего двадцать четыре в год, тот доплачивает ему пять рублей серебром»⁸⁴.

Что же служило образцом для французских художников, создававших модные иллюстрации? Вот типичное сообщение середины 1820-х годов: «В театре <...> на графине О*** заметили барежевый тюрбан желто-соломенного цвета с двумя белыми эспри. Один ток из синего бархата был убран пятью синими перьями, закрученными, и букетом из перьев. Два русские тюрбана из фиолетовой парчи с золотыми полосками украшены были брильянтовыми застежками»⁸⁵. Литератор, критик Андрей Гаврилович Глаголев (1793?–1844) в середине 1820-х годов совершил длительное путешествие по Европе, посетив в числе прочих стран и Францию. Нравы парижан он описывает так: «Париж почитается столицей мод; но моды составляют не столько страсть, сколько особенную отрасль промышленности его жителей. Граждане и гражданки обыкновенно одеваются просто и скромно, заботясь более о приличиях и вкусе, нежели о новизне и пышности одежды. Кто же эти первенствующие жрецы и жрицы везде поклоняемого идола моды? Это празднующиеся петиметры (от фр. *petit-maitre* — шеголь. — *Т. Р.*), большею частью иноземные, и праздно расточающие красоту свою нимфы

Пале-Рояля, оперных переходов и Итальянского бульвара. Последние суть живые вывески модных платьев, шляпок и чепчиков; не они одеваются по модным журналам, а модные журналы пользуются их натурой для своих картинок. Таким образом, раскрашенные блондами и лентами их портреты развозятся по всей Европе и — совестно, но надобно признаться — служат образцами вкуса и приличий не только честным женщинам, но и невинным девицам»⁸⁶. Посетивший Париж в конце 1830-х годов писатель, журналист Владимир Михайлович Строев (1812–1862), сотрудничавший с редакцией «Северной пчелы», один из лучших переводчиков французской и немецкой литературы своего времени, был еще более конкретен: «Модные журналы и модные картинки — просто спекуляция на доверчивости провинции и Европы к парижскому вкусу. Каждая редакция имеет модный магазин под своим покровительством и прославляет произведения этого магазина, выбирая те, кои были назначены для какой-нибудь известной дамы по богатству или по красоте. Мужские моды составляют все-таки для провинции, наобум. Портной покупает партию синего сукна и, чтобы сбыть ее поскорее и повернее, шьет даром платье журналисту, который печатает в парижских модах, что на балах, концертах и проч. носят только синие фраки»⁸⁷.

Такая традиция формирования и рекламы модных фасонов продержалась примерно до середины XIX столетия, когда английский модельер Чарльз Фредерик Ворт ввел практику показа новых коллекций одежды для каждого предстоящего сезона.

*Автор признательна С. Г. Жижинной (Государственный Исторический музей),
О. А. Захаровой (Музей игральных карт, Петергоф), Е. Н. Петровой
(Государственный Русский музей) и особенно Г. М. Чижовой
(Российская государственная библиотека по искусству, Москва)
за консультации по вопросу гадальных карт и активное содействие
в изучении библиографии, посвященной модным магазинам и мастерским XIX столетия.*

*Иллюстрации взяты из книг: Киотский институт костюма. Мода XVIII–XX веков
(М., 2008); Саксонова И. Х. Ах, мода! Ах, Париж! Или Мода в мире парижской жизни середины
XIX века (СПб., 2008); Веера середины XVIII–XX веков в собрании Государственного музея
истории Санкт-Петербурга (СПб., 2007); из каталога: Материалы выставки 2009 года
в Государственном музее А. С. Пушкина «Деньги — Пушкин — деньги»;
Шелаева Е. П. Москва в старых фотографиях. Конец XIX — начало XX века. Альбом (СПб., 2009);
Ларина А. Н. История Москвы в почтовой открытке (М., 2010) и из личного архива автора*

¹Матвеев Н. Москва и жизнь в ней накануне нашествия 1812 года. М., 1912. С. 65.

²Панорама Парижа, или Описание сего города и его достопримечательностей. Соч. Льва Цветаева. Изд. 2-е, испр. М., 1822. С. 180.

³Воспоминания Марии Александровны Паткуль, урожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX столетия. СПб., 1903. С. 41.

⁴Братья Булгаковы. Переписка. Т.1. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 662. Об

А. Я. Булгакове см.: Московский журнал. 2010. № 4.

⁵Фаньяни Ф. Письма из Петербурга 1810–1811 годов. СПб., 2009. С. 42, 221.

⁶Письма одного французского офицера из России в бытность его в плену у русских в 1813 и 1814 годах // Дух журналов. СПб., 1816. Ч. 16. Кн. 50. С. 1086–1087.

⁷Булгарин Ф. Модная лавка, или Что значит фасон? // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.-Л., 1960. С. 315; *Расторгуев Е. И.* Прогулки по Невскому проспекту // Чувствительные путешествия и прогулки по Невскому проспекту. СПб., 2009. С. 141, 159.

⁸Письма из чужих земель одного русского путешественника // Дух журналов. СПб., 1815. Кн. 1. С. 40.

⁹[Лабзин А. Ф.] Французская лавка // Русский библиофил. СПб., 1914. № 4. С. 70.

¹⁰Московские ведомости. 1817. № 66. 18 августа. С. 1868.

¹¹Отъезжающие [из столичного города С.-Петербурга] // Первое прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1815. № 69. 27 августа. С. 742.

¹²Первое прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1816. № 80. 6 октября. С. 803.

¹³Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год, составленная К. Нистремом. СПб., 1837. С. 1456–1457.

¹⁴РГИА. Ф. 472, оп. 3, д. 150, л. 1–2.

¹⁵Корф М. А. Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 335.

¹⁶Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.-Л., 1935. С. 376–384.

¹⁷Летопись Государственного литературного музея. Кн. 5. Архив Опеки Пушкина. М., 1939. С. 146–147, 149, 155.

¹⁸Живые люди без души // Иллюстрация. СПб., 1847. Т. IV. № 2. С. 30

¹⁹Письма провинциялки из столицы // Булгарин Ф. В. Дурные времена. Очерки русских нравов. СПб., 2007. С. 61–2.

²⁰Гулянье в Екатерингофе 1 мая // Отечественные записки. СПб., 1824. Ч. 18. Кн. 49. С. 313–316.

²¹Московские ведомости. 1817. № 101. 19 декабря. С. 2135–2136.

²²Там же. 1818. № 16. 23 февраля. С. 460–461.

²³Там же. 1820. № 2. 7 января. С. 43.

²⁴ЦИАМ. Ф. 2, оп. 1, д. 1709, л. 3.

²⁵Там же. Л. 4; Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. Т. II. М., 1892. С. 254.

²⁶Там же. Л. 10.

²⁷Там же. Оп. 2, д. 882, л. 23 об.–24.

²⁸Материалы для истории московского купечества. Т. VIII. М., 1889. С. 62.

²⁹ЦИАМ. Ф. 2, оп. 1, д. 2937.

³⁰Книга адресов столицы Москвы, составленная из документов и сведений правительственных и присутственных мест, изданная майором и кавалером фон Метелеркампом и К. Нистремом. Ч. 3. М., 1839.. С. 207.

³¹Московский адрес-календарь для жителей Москвы. Составлен по официальным документам и сведениям К. Нистремом. М., 1842. Т. 3. Алфавитные списки не служащих чиновников и купцов всех гильдий. С. 246.

³²Адрес-календарь города Москвы. М., 1846. С. 652.

³³Адрес-календарь жителей Москвы, составлен по официальным сведениям и документам К. Нистремом. 1850. Ч II. М., 1850. Календарь лиц не служащих и купечества в Москве. С. 313.

³⁴Москва с топографическим указанием всей ее местности и окрестностей. Подробная справочная книжка для приезжающих и живущих в столице. Сост. М. Рудольф. Ч. 3. М., 1849. С. 41.

³⁵Магазин мод и рукоделья. М., 1853. № 9. 1 апреля. С. 5.

³⁶Московские ведомости. 1826. № 82. 13 октября. С. 3352; 1828. № 31 18 апреля. С. 1380.

³⁷Московские ведомости. 1828. № 37. 9 мая. С. 1661.

³⁸Московские ведомости. 1828. № 87. 31 октября. С. 3747.

³⁹Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1: Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 559.

⁴⁰Там же.

⁴¹Московские ведомости. 1830. № 31. 16 апреля. С. 1461; 1835, № 41. 22 мая. С. 2079.

⁴²Прибавления к № 34 «Московских ведомостей» 1838 г. (27 апреля). С. 488; Прибавления к № 37 «Московских ведомостей» 1840 г. (8 мая). С. 560; Прибавления к № 62 «Московских ведомостей» 1844 г. (23 мая). С. 694.

⁴³РГИА. Ф. 1286, оп. 11, д. 298, лл. 1–2, 3–3 об.

⁴⁴Материалы для истории московского купечества. Т. VI. М., 1887. С. 154.

⁴⁵ЦИАМ. Ф. 32, оп. 20, д. 383, л. 42 об.–43.

⁴⁶Московские ведомости. 1829. № 26. 30 марта. С. 1287; № 98. 7 декабря. С. 4613–4614; 1832. № 103 24 декабря. С. 4699; 1833. № 23. 22 марта. С. 1084; № 102. 23 декабря. С. 4602; 1835. № 103. 25 декабря. С. 5172; 1836. № 100. 12 декабря. С. 3683; Объявление к № 101 «Московских ведомостей» 1817 г. (19 декабря); Объявление к № 103 «Московских ведомостей» 1822 г. (27 декабря); Объявление к № 10 «Московских ведомостей» 1824 г. (2 февраля); Объявление к № 82 «Московских ведомостей» 1824 г. (11 октября); Объявление к № 101 «Московских ведомостей»

1824 г. (17 декабря); Объявление к № 29 «Московских ведомостей» 1826 г. (10 апреля); Объявление к № 21 «Московских ведомостей» 1828 г. (14 марта); Объявление к № 25 «Московских ведомостей» 1830 г. (26 марта); Объявление к № 28 «Московских ведомостей» 1831 г. (8 апреля); Особые объявления к № 99 «Московских ведомостей» 1839 г. (13 декабря).

⁴⁷Альманах на 1826 для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или новейший указатель Москвы. М., 1825. С. 101.

⁴⁸О Парижских поясах и браслетах // Московские ведомости. 1826. № 24. 24 марта. С. 939; № 25. 27 марта. С. 992.

⁴⁹*Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдемамовый платок. М., 2006. С. 18–19, 25, 36, 42–43, 145–146.

⁵⁰ЦИАМ. Ф. 16, оп. 6, д. 4844, л. 1об.

⁵¹Там же. Д. 5567, л. 2.

⁵²«Коренная ярмарка <...> бывает в девятую пятницу после Пасхи при Богородицком Знаменском монастыре в уезде города Курска, расстоянием от сего города на 30 верст, на которую не только съезжаются из множества российских городов, но иностранные купцы, и привозят великое множество всяких российских и иностранных, европейских и азиатских товаров, особливо великий производится торг лошадьми» (Новейшее землеописание Российской империи. Ч. I. СПб., 1818. С. 293).

⁵³Московские ведомости. 1823. № 45. 6 июня. С. 1537.

⁵⁴Особые объявления к № 19 «Московских ведомостей» 1839 г. (8 марта).

⁵⁵Прибавления к № 26 «Московских ведомостей» 1842 г. (1 апреля). С. 360.

⁵⁶Московские ведомости. 1830. № 89. 5 ноября. С. 3884.

⁵⁷Объявление к № 87 «Московских ведомостей» 1830 г. (29 октября).

⁵⁸Материалы для истории московского купечества. Общественные приговоры. Т. IV. М., 1899. С. 159–160.

⁵⁹Там же. Т. VII, VIII, IX. М., 1888–1889.

⁶⁰*Григорович Д. В.* Воспоминания. М., 2007. С. 12–16.

⁶¹*Листов В. Н.* Ипполит Монигетти. Л., 1976. С. 7.

⁶²*Семенова О. В.* «Пышно, красиво, дворцом смотрит...» // Московский журнал. 2007. № 12. С. 14.

⁶³Прибавление к № 99 «Московских ведомостей» 1838 г. (10 декабря). С. 1509.

⁶⁴ЦИАМ. Ф. 16, оп. 15, д. 65.

⁶⁵Еженедельник издавался в Париже с 1829 г., раздел иллюстраций вел выдающийся французский художник Поль Гаварни (Paul Gavarni.

1804–1866). В журнале печатались А. Дюма, Э. Сю, О. де Бальзак, Жорж Санд.

⁶⁶*Сенковский О. И.* Петербургская барышня // Петербург в русском очерке XIX века. СПб., 2005. С. 40.

⁶⁷Братья Булгаковы. Переписка. Т. II. Письма 1821–1826 гг. С. 273.

⁶⁸Вестник Европы. 1823. № 5. С. 70

⁶⁹Там же.

⁷⁰Там же. № 7. С. 219

⁷¹Дамский журнал. 1823. Ч. I. № 3. С. 120–121.

⁷²Там же. Ч. 3. № 18. С. 223.

⁷³Вестник Европы. 1823. № 7. С. 217.

⁷⁴*Шаликов П. И.* О продолжении «Дамского журнала» // Московские ведомости. 1825. № 81. 10 октября. С. 2795; Флоров А. А. // *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравюров XVI–XIX вв. Т. II. СПб., 1895. Стлб. 1086.

⁷⁵О нем см.: Русский биографический словарь. Т. «Алексинский — Бестужев-Рюмин». Репринтное изд. М., 1992. С. 375.

⁷⁶Московские ведомости. 1832. № 92. 16 ноября. С. 4097.

⁷⁷*Александр Дж.* Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 61.

⁷⁸Московский телеграф. 1825. № 21. Ч. 6. С. 434.

⁷⁹*Марченко Н. А.* Быт и нравы пушкинского времени. СПб., 2005. С. 73.

⁸⁰Московские ведомости. 1830. № 21. 12 марта. С. 1011–1012.

⁸¹Там же. 1832. № 47. 11 июня. С. 2111; № 98. 7 декабря. С. 4443.

⁸²Первое прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1816. № 25. 28 марта. С. 247; Московские ведомости. 1816. № 76. 20 сентября. С. 1679; 1817. № 29. 11 апреля. С. 799.

⁸³Значительные коллекции гадальных и игральных карт имеются в Государственном Историческом музее, Государственном Эрмитаже, музее-заповеднике «Петергоф» (Музей игральные карты), Ивановском областном художественном музее и Русском музее (отдел гравюр). Желая отыскать указанные или похожие карты, автор обратилась к сотрудникам этих музеев, но в четырех собраниях «туалетных гадательных карт» выявить не удалось. Об Ивановском музее сведений на сей счет нет.

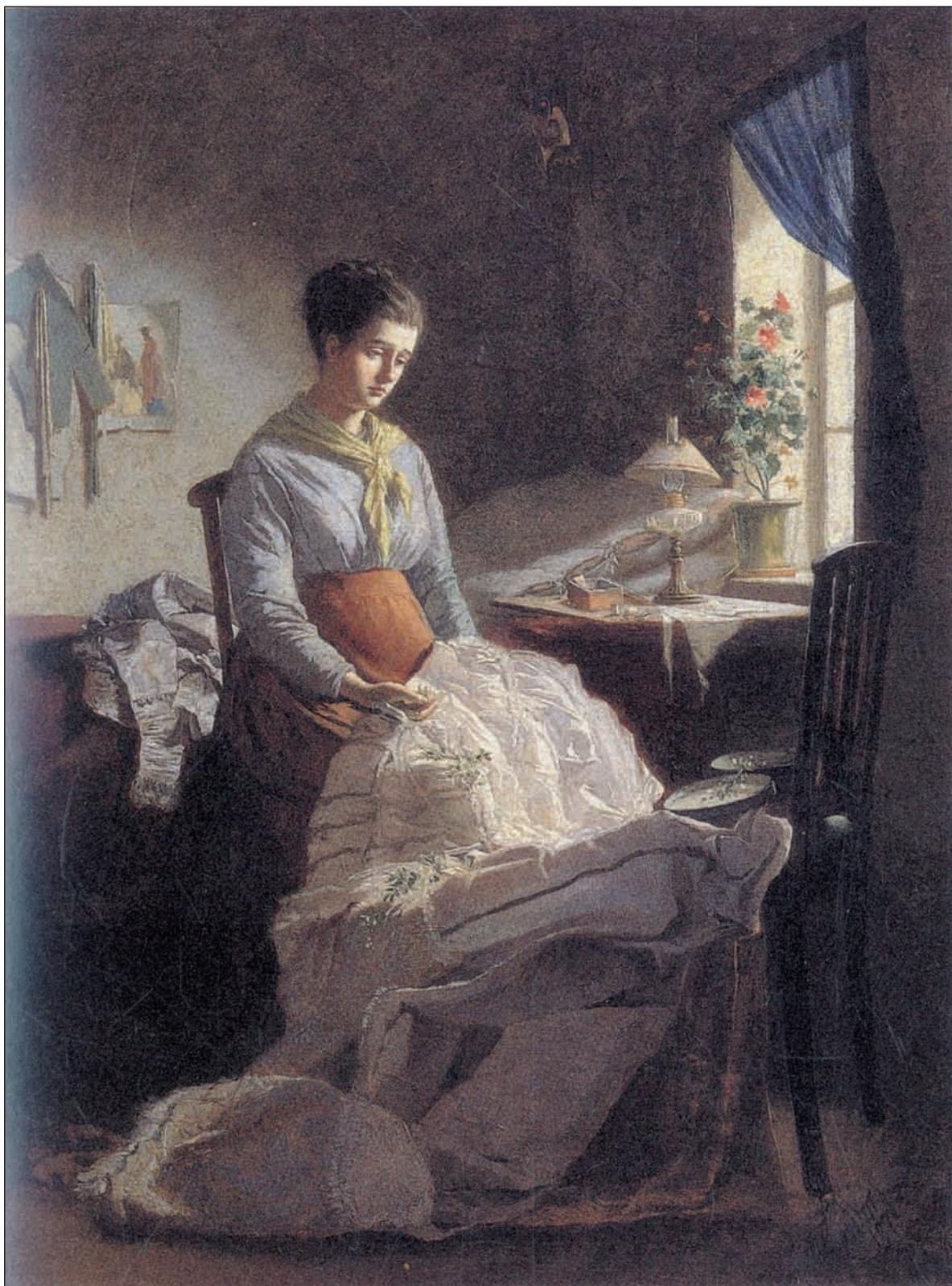
⁸⁴Библиотека для чтения. 1845. № 12. Т. 73. С. 240.

⁸⁵Московский телеграф. 1825. № 7. Ч. 2. С. 127.

⁸⁶Записки русского путешественника А. Глаголева, с 1823 по 1827 год. Ч. IV. Париж, Лондон, Германия. СПб., 1837. С. 24–25.

⁸⁷Париж в 1838 и 1839 годах. Путевые записки и заметки Владимира Строева. Ч. I. СПб., 1842. С. 126–127.

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*М. П. Клодт. Швея.
Холст, масло. 1875 год*

ISSN 0868-7110

9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Воспоминания философа,
юриста, экономиста
Алексея Алексеевича Борового
(1875–1935) о своем
сотрудничестве
в «журнале свободной мысли»
«Перевал» и суворинской газете
«Новь» в годы
Первой мировой войны**

**Письмо историка, писателя, пропагандиста
идеи земского собора как «естественной связи меж царем
и Землей» Павла Дмитриевича Голохвастова (1839–1892)
к обер-прокурору Святейшего Синода
Константину Петровичу Победоносцеву (1827–1907)**